ОПИСАНІЕ
ВСѢХЪ
ОБИТАЮЩИХЪ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
НАРОДОВЪ

Ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданіи и другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ изправленное и вновь сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньетами.

Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

ОПИСАНІЕ
всѣхъ,
обитающихъ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ,
НАРОДОВЪ

и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, Вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ
О НАРОДАХЪ
СЕМОЯДСКИХЪ, МАНДЖУРСКИХЪ
и ВОСТОЧНЫХЪ СИБИРСКИХЪ
какъ и о Шаманскомъ Законѣ.

Иждивеніемъ Книгопродавца Ивана Глазунова.

Съ позволенія С. Петербургской Цензуры.

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, описанныхъ въ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ, съ показаніемъ, на которой страницѣ о которомъ изъ нихъ писано.

СЕМОЯДСКІЕ НАРОДЫ.

Кочующіе въ западной сторонѣ Уральскихъ горъ или прямые Россійскіе *Семояди* сдѣлались правда подданными уже Царю *Θеодору Ивановичу* въ 1525 году, и слѣдовательно за долго еще до покоренія въ седьмомъ надесять столѣтіи Сибирскихъ народовъ: но касающіяся до нихъ и до принадлежащихъ къ нимъ колѣнъ произшествія такъ, какъ и бытія всѣхъ Сѣверовосточныхъ народовъ Россійскихъ, погружены въ неисповѣдимости. Семояди, кочуя въ самыхъ суровыхъ пустыняхъ, и при томъ не умѣя ни грамоты, ни счисленію времени, знаютъ обстоятельства своего произхожденія, единоплеменства, странствованій и прочаго не больше, какъ сколько могутъ почерпнуть о томъ свѣденія изъ изустныхъ преданій, древнихъ пѣсенъ и сказокъ о своихъ богатыряхъ и предкахъ, также о странахъ, горахъ, рѣкахъ и такъ далѣе, по близости которыхъ жили они въ старыя времена: но таковое знаніе малымъ чемъ превозходитъ и совершенное невѣденіе.

Сами они наблюдаютъ правда между собою по поколѣніямъ своимъ строгой союзъ, и рѣдко вступаютъ съ чужими въ бракъ; да и то одни только женщины переходятъ въ другія поколѣнья. Не меньше пристрастны они къ своему языку и къ прародительскимъ

обычаямъ. Но Россійскіе побѣдители обрѣли разныхъ сего племени народовъ отъ части не въ старинныхъ уже ближе къ Югу лежащихъ мѣстахъ, которыхъ лишили ихъ Татара въ четвертомъ надесять столѣтіи, отъ части же отщетившихся на побѣгѣ отъ единоплеменныхъ своихъ колѣнъ; и при томъ нѣкоторые токмо народы пребывали тогда въ настоящемъ своемъ состояніи. А какъ не старались народовъ сихъ и ихъ племенъ послѣ побѣдъ надлежащимъ порядкомъ различать; то названія многихъ отъ части переломаны, отъ части же своевольно выдуманы и даны. Татара называли всѣхъ Сибирскихъ покоренныхъ народовъ *Уштяками.* У Россіянъ почти столь же обще употребляются названія *Семоядь* и *Отяки.* Извѣстные подъ симъ наименованіемъ народы сходствуютъ между собою отъ части Сѣверными только жилищами и великимъ единообразіемъ житейскихъ обрядовъ: напротивъ того ни въ языкахъ ихъ, ни въ видѣ, ниже въ душевныхъ качествахъ и нравахъ нѣтъ ни какого сходства. А особливо многія Отякскія колѣна называются *Семоядью*, а Семоядскія *Отяками*, какъ отъ простыхъ людей, такъ и въ приказныхъ мѣстахъ. Жители *Тархачикой волости* на рѣкѣ *Оби*, по собственному ихъ преданію, Татарской породы, и обитали прежде на Иртышѣ неподалеку отъ устья Тобола: но поелику ихъ обрѣли между Семоядью, то и причислили ихъ къ оной. Въ большой половинѣ холодныхъ и непроходимыхъ пустынь сихъ народовъ никто еще изъ ученыхъ и испытателей не бывалъ; и есть не мало такихъ колѣнъ, изъ коихъ видны внѣ ихъ предѣловъ одинакіе только выходцы. Путешествующіе въ тамошнихъ мѣстахъ собиратели податей и надзиратели, думаютъ сверьхъ должности своей о торгахъ и прибыли больше, нежели о приобрѣтеніи нужныхъ свѣденій, и по привычкѣ едва и самые странные предметы кажутся имъ достопамятными.

По моему намѣренію, которое клонится къ тому, чтобы описывать больше нынѣшнее состояніе обитающихъ въ Россіи народовъ, нежели древнія ихъ бытія, служатъ мнѣ вѣрнымъ руководствомъ труды славныхъ нашихъ Историковъ, а именно г. Статскаго Совѣтника *Миллера* Собранія Россійской исторіи, и г. Профессора *Фишера* Сибирская исторія, а особливо сообщенные мнѣ первымъ рукописные словари, собранные самимъ имъ у разныхъ народовъ. Судя по согласію различныхъ общаго языка нарѣчій, и по сходству вида и житія, должно почитать, кромѣ настоящихъ Семоядскихъ колѣнъ, нѣкоторыя къ Отякамъ причисленныя поколѣнья и

разные небольшїе Красноярскїе остатки народовъ, о коихъ упомянуто въ описанїи Татарскихъ народовъ, какъ то, *Койбалъ*, *Маторовъ*, *Губинцовъ*, *Камачинцовъ*, *Каракассовъ* и *Саятовъ*, единоплеменными *Семояди* по ихъ произхожденїю. Вѣроятно кажется, что они во время побѣга своей братїи въ склонившїяся больше на Сѣверъ пустыни, остались у побѣдоносныхъ Татаръ въ ихъ жилищахъ, или скопились изъ спасавшихся бѣгствомъ отъ жестокости Татаръ.

СЕМОЯДИ.

Семояди называются сами *Ненецами* (людьми) и *Хозовами* (мужами). Ежели слово *Семоядь* произведено отъ Финскаго языка, то произходитъ оно, можетъ быть, отъ *Самеандны*, названія Лопарской страны, или и отъ слова *Соома*, болото, по тому, что въ пустыняхъ ихъ есть обширныя болота. Въ старинныхъ Россійскихъ приказныхъ вѣдомостяхъ назывались они и *Сыроѣдцами*. У *Отяковъ* называются они *Ерунхо*, у *Тунгузъ Джендаты*, и такъ далѣе.

Они *живутъ* около, да и на самыхъ берегахъ Ледовитаго моря, въ Европѣ отъ Бѣлаго моря или прямо отъ рѣки *Мезени* до Уральскихъ горъ, а въ Азіи отъ сихъ горъ за рѣку *Енисею*, почти до самой Лены, въ Европейской Россіи особенно, а въ Сибири отъ части по близости, а отъ части и обще съ Отяками. Жилища ихъ начинаются почти отъ 65 степени Сѣверной широты. Мѣста ихъ болотны и гористы. Съ 67 степени широты какъ по сему состоянію земли, такъ по причинѣ великой стужи, дерева уже не ростутъ, но видны одни только кустарники, да и тѣ чемъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ низменнѣе и рѣже становятся. На *Новой Землѣ*, супротивъ устья *Оби*, они правда не живутъ: но за Енисеемъ на Востокѣ простираются обитаемые ими берега отъ части и до 75 степени Сѣверной широты: по чему обширная ихъ область можетъ почестъся самою непроходимою, холодною, пустою и суровою частію земнаго шара.

Они *раздѣляются* на поколѣнья, а сіи на роды. Поколѣнья наблюдаютъ строго между собою союзъ, и съ другими колѣнами мало имѣютъ сообщенія, а отъ части между собою и не знакомы: по чему и нарѣчія общаго ихъ языка весьма несходны. Въ Россіи кочуютъ *Лаггское* и *Ваноитское* поколѣнья, которыя обще называются *Обвендырями*, и состоятъ между Мезенью и Печорою. слѣдовательно наиболѣе къ Западу; а около Печоры *Тихондырп*; также *Тусса-Илоган* и *Хуминги*, Рос. (*Карангаги*); въ *Сибири* живутъ *Тудрыги* вдоль береговъ морскаго Вайгатскаго пролива; около вершины Оби, между Обью и Енисеемъ, начиная отъ Мангазеи, еще многолюднѣйшіе *Юряки*; а между Енисеемъ и нижнею Леною не меньше людные *Тавцы*. По послѣдней переписи въ Архангелогородскомъ намѣстничествѣ находилось около 936 семей, кои составляли 1349

душъ мужескаго и 1415 женскаго пола. Семоядь вообще многолюднѣе Отяковъ, но такъ же, какъ и тѣ, разсѣяна по чрезвычайно обширнымъ своимъ землямъ.

Семояди росту самаго небольшаго, и рѣдко бываютъ ниже четырехъ, а выше пяти футовъ. Въ прочемъ они коренасты; ноги и шея у нихъ короткія, голова большая, лицо и носъ нарочито плоскія, нижняя часть лица немало выдалась въ передъ; ротъ и уши большіе, глаза маленькіе черные, вѣки продолговатыя, губы тонкія, ноги маленькія, кожа смуглая; волосу кромѣ головы нигдѣ нѣтъ, какъ по тому, что худо ростетъ, такъ и для того, что оба пола съ молоду рачительно его вытеребливаютъ; въ прочемъ онъ у всѣхъ черной и жесткой. У мужчинъ виденъ на бородѣ одинъ только пухъ. *Женщины* ихъ поставнѣе, ростомъ ниже, и черты лица ихъ понѣжнѣе, но такъ же, какъ и мужчины, не красивы. Груди у нихъ маленькія и плоскія. Вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ писателей носятъ они платяное, однакожъ очищеніе бываетъ очень малое. Дѣтей рожать начинаютъ очень рано; иныя бываютъ у нихъ матерями на двенадцатомъ и на тринадцатомъ году; но они не очень плодородны и съ тридцатаго году перестаютъ уже рожать. Сіе самое состояніе женскаго пола и суровый поясъ ихъ страны конечно причиною и тому, что они малорослы и худо размножаются; ибо ни что другое приращенію ихъ не препятствуетъ. Обыкновеннѣйшія у нихъ болѣзни бываютъ горячка и лихорадка, которыя хотя и много между ими свирѣпствуютъ, однакожъ мало отъ нихъ умираютъ. Цынга имъ совсѣмъ не извѣстна. Они доживаютъ до 60 и до 70 лѣтъ, но далѣе того весьма рѣдко.

Семояди отважнѣе, дичае, и не столько благонравны и послушны, какъ привыкшіе больше къ Россіянамъ Отяки; при томъ они суевѣрны, не чужды природныхъ дарованій, ни къ воровству, ни къ убійствамъ, ни къ мщенію не склонны, и ни къ чему не пристрастны ни мало. Многіе, а особливо изъ женьщинъ, чрезвычайно *пугливы*. Когда такіе люди испугаются, или нечаянно увидятъ нѣчто странное, и такъ далѣе, то бываютъ такъ, какъ и Лопарскія женьщины, внѣ себя, и приходятъ паки въ чувство нескоро и при великой слабости. Иные не могутъ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму или стуку: и отъ того становятся бѣшены. Сіе свойственно имъ обще съ Отяками, Тунгузами, Якутами и всѣми въ ближайшихъ къ Сѣверу мѣстахъ живущими народами: по чему и надобно искать тому при-

чины въ мѣстоположенїи и суевѣрныхъ страшилищахъ, которыми пугаютъ ихъ съ самаго младенчества.

Междоусобное ихъ *устроенїе* было и есть нарочито еще старинное. У нихъ не бывало никогда Князьковъ, владѣльцовъ или иныхъ какихъ судей, кромѣ старшинъ надъ поколѣньями. Память нѣкоторыхъ богатырей, оказавшихъ мужество свое почти на одномъ только звѣриномъ промыслѣ, такъже семьянистыхъ родоначальниковъ и славныхъ волшебниковъ, соблюдаютъ они въ сказкахъ своихъ и пѣсняхъ. По покоренїи ихъ Россїйской державѣ, построены въ округахъ ихъ отъ части для усмиренїя, а отъ части и для собиранїя подати, нѣсколько остроговъ; на что они сперьва и негодовали. Но они давно уже успокоились, и *подать*, которой раздѣленїе предоставлено имъ на волю отъ *ПЕТРА Великаго*, платятъ по привычкѣ, хотя и безъ всякихъ другихъ доказательствъ своего подданства, однакожъ безъ роптанїя и сопротивленїя, добровольно въ опредѣленныхъ отдаточныхъ мѣстахъ. Подать же сїя состоитъ на каждую мужескаго пола душу въ разной мягкой рухляди, соболяхъ, лисицахъ и проч. и очень мало приноситъ казнѣ прибыли, по тому что Россїйское правительство отнюдь подданныхъ своихъ не отягощаетъ великими взысканїями.

Кочуя безпечно въ своихъ пустыняхъ, *не думаютъ* они ни о *счисленїи времени*, ни о *грамотѣ*, ниже объ *ученїи*. Лунныя теченїя называютъ они, по примѣру Остяковъ, по естественнымъ явленїямъ и относящимся къ онымъ ихъ упражненїямъ. У нѣкоторыхъ Семоядскихъ поколѣнїй есть такъ, какъ и у иныхъ Остякскихъ, такое обыкновенїе, что условясь между собою о чемъ ни будь, выжигаютъ у себя на рукахъ въ знакъ вѣрнаго исполненїя обѣщанїя, нѣкоторыя изображенїя или клейма. При клятвѣ или присягѣ становятся они на снѣгъ, и клянутся, что бы имъ растаять подобно снѣгу, естьли они говорятъ не правду.

Зимнїя свои *хижины*, которыя по двѣ и по три, а больше рѣдко, стоятъ вмѣстѣ, вырываютъ многїя какъ и Остяки, до половины въ землѣ; поверьхъ же ямины составляютъ наискось жерди и покрываютъ ихъ оленьими кожами или берестою. *Лѣтомъ* кочуютъ они то у той, то у другой рѣки или озера, и ставятъ въ таковыхъ мѣстахъ шиловатыя жердчатыя юрты, подобныя Тунгузскимъ, и покрываютъ ихъ такъ же, какъ и зимнїя жилища. При перекочовкѣ не трогаютъ они съ мѣстъ юртныхъ подпоръ, какъ и Тунгузы, а берутъ съ собою одни только крышки. Многїе изъ нихъ живутъ

въ юртахъ, подобныхъ шалашамъ или полаткамъ. Они любятъ жить въ чистыхъ ровнинахъ, которыя по большой части у нихъ тундристы, и не часто перебираются съ одного мѣста на другое.

Домашній скарбъ у нихъ таковъ же, какъ и у Остяковъ, и состоитъ больше ни въ чемъ, какъ въ щепяной посудѣ, котлахъ, ножахъ, топорахъ и саняхъ, которыя у нихъ называются Нартами; такъ же корзинахъ, и кожаныхъ мѣшкахъ. При перекочовкѣ употребляютъ они узкія санки, въ которыя впрягаютъ оленей, или, какъ то дѣлаютъ особливо ближе къ Востоку живущіе, собакъ, либо и сами ихъ везутъ

Промыслы ихъ состоятъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да въ содержаніи оленей. Звѣриная и рыбная ловля могутъ почесться общими упражненіями и главнѣйшими отраслями пропитанія. Ради *звѣринаго промысла* кочуютъ они и зимою. *Гуарыги* перебираются по льду небольшими артелями черезъ морской Вайгатской проливъ, для звѣринаго промыслу на необитаемомъ и самою Семоядью острове *Новой землѣ*. Въ странахъ ихъ водятся наибольше и къ наивящшей ихъ пользѣ *дикіе олени*, которыми они наипаче питаются, кожами ихъ одѣваются, покрываютъ свои юрты, спятъ на оныхъ, и такъ далѣе. Изъ прочихъ же звѣрей Сибирскихъ и Россійскихъ водятся у нихъ наибольше бѣлыя и черныя лисицы, бѣлые медвѣди и нѣкоторые другіе. Когда они, будучи на звѣриномъ промыслѣ, далеко отъ мѣстъ своихъ отходятъ; то дѣлаютъ на снѣгу или на пескѣ въ разныхъ мѣстахъ помѣтки; и всякъ употребляетъ непремѣнно свою особливую, какъ будто заручительное клеймо: по чему семейство его удобно можетъ за нимъ слѣдовать и его отъискивать. На звѣриномъ промыслѣ употребляютъ они силки, ловушки, лукъ, стрѣлы, рогатины и гончихъ собакъ, кои хотя и не велики, но весьма сильны. Звѣроловныя хитрости производятъ весьма проворно и рачительно.

Сколь прилѣжно упражняются они всѣ вообще зимою въ звѣриномъ промыслѣ, столь рачительно производятъ и лѣтомъ *рыбную ловлю*. Они не меньше Остяковъ въ томъ искусны и заимствуютъ отъ сего промысла для нуждъ своихъ всякія выгоды.

Семояди вообще скудны: однакожъ почти у всякаго есть по 20, или 50, а у иныхъ по 100, и по 500 смирныхъ оленей; а у нѣкоторыхъ и до 2000; сіи олени полагаются Россіанами цѣною отъ 5 до 10 рублей. Они ѣздятъ на нихъ верьхомъ и впрягаютъ ихъ въ свои санки; ѣдятъ же только издохшихъ или изувѣченныхъ

однакожъ убиваютъ иногда для жершвоприношенїя и здоровыхъ. Молока ни въ пищу, ни на сыръ не употребляютъ: по чему и скотъ у нихъ приращается.

Женщины упражняются по примѣру Отячекъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ въ шитьѣ одѣянїя, въ выдѣлкѣ кожъ, въ сушенїи рыбы и во всемъ прочемъ до хозяйства ихъ касающемся. Гдѣ роснетъ кропива, тамъ прядутъ они ее такъ, какъ Башкирки и другїя, но не для тканья, а употребляютъ пряжу свою единственно на нитки, сѣти и веревки.

Всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ, кромѣ собакъ, кошекъ, горностаевъ, бѣлокъ и змѣй, ѣдятъ, не разбирая, дома ли или на звѣриной ловлѣ убиты, либо околѣли отъ какой ни есть болѣзни или порчи. Когда найдутъ на берегу своемъ мертваго кита, то почитаютъ сїе благодатью и благодарятъ за оную своихъ боговъ, по тому, что многїе люди питаются онымъ нѣсколько дней во изобилїи. *Пищу готовятъ* столь же просто и неопрятно, какъ и Отяки. Четыре, пять и больше семей варятъ нерѣдко въ одномъ котлѣ, и при томъ ни когда его не чистя. Хлѣбъ вовсе имъ незнакомъ; да и дикихъ кореньевъ и плодовъ ѣдятъ мало: по чему мясо и рыба служатъ имъ вседневною и непремѣнною пищею. Соли не употребляютъ, и варятъ все просто въ водѣ. Не только на звѣриномъ промыслѣ, но часто и дома, ядятъ мясо какъ оленье, такъ и другихъ звѣрей, да и рыбы, сырые; а особливо парная кровь звѣрей почитается у нихъ лакомствомъ. Сушеной на солнцѣ рыбы ни когда не варятъ; но въ запасъ заготовляютъ себѣ или мерзлую или сушеную. Они любятъ веселость отъ *упоенїя* произходящую, и по тому курятъ чрезвычайно много табаку, ѣдятъ по примѣру Отяковъ и другихъ народовъ мухоморы, а тѣ, которые могутъ посѣщать Россїйскїя селенїя, вымѣниваютъ на мягкую рухлядь и вино. Обыкновенное ихъ питье вода. Вообще живутъ они ни мало не опрятнѣе и не лучше Отяковъ; токмо сїе у Семояди не столько примѣтно по тому, что они повеселѣе и чаще переселяются на другїя мѣста.

Семоядское *одѣянїе* въ разныхъ ихъ поколѣньяхъ не очень отмѣнно, и весьма походитъ на Отякское, а отъ части и на Якутское. *Зимнее одѣянїе* дѣлается обыкновенно изъ оленьихъ, лисьихъ и другихъ кожъ, опушается по большой части волосатымъ собачьимъ или волчьимъ брюшатымъ мѣхомъ, отъ части и изъ подбрюшинъ гагаръ и другихъ водяныхъ птицъ; всегда одно на другое

Самоедъ.
Ein Samojede
Un Samoiede

Самоядка спереди.
Eine Samojedin vorwärts
Femme Samojede par devant.

надѣвается, волосомъ или перьями у исподняго платья внутри, а у верхняго на ружу, и подпоясывается около тѣла поясомъ. Перяныя одежи такъ, какъ у нѣкоторыхъ и кожаныя, окладываются часто по Якутскому обыкновенію въ мѣсто бахромки крашенымъ долгимъ волосомъ, которымъ украшаются такъ же и швы. Полы простираются до самыхъ икръ, а у нѣкоторыхъ только по колѣна. Ременной поясъ съ мѣднымъ наборомъ почитается у нихъ щегольствомъ. Штаны носятъ весьма короткія и узкія. Къ нимъ прикрѣпляютъ подвязками долгіе сапоги, которые дѣлаются на зиму изъ оленьихъ кожъ. Многіе дѣлаютъ штаны и сапоги изъ одного покрою, разпещряютъ тѣ и другіе полосами изъ лисьяго или инаго какого мѣху, и укрѣпляютъ ихъ подъ колѣнками подвязочными ремешками, которые Западные или Архангелогородскіе Семояди застегиваютъ мѣдными изъ города Архангельскаго получаемыми пряжками. Бѣлья у нихъ вовсе нѣтъ, но носятъ одѣяніе на голомъ тѣлѣ. *Лѣтняя одежда* шьется изъ рыбьихъ шкурокъ, которыя такъ, какъ и мягкую рухлядь, искусно женщины у нихъ выдѣлываютъ; въ переди не сходится, и по большой части на Якутской образецъ, то есть короткополая; по краямъ и швамъ нерѣдко разпещряется узорчатымъ шитьемъ и опушается. Лѣтомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, которыя иногда такъ, какъ у Остяковъ, прикрѣплены бываютъ и къ одежѣ.

Женское одѣяніе столь мало разнится отъ мужскаго, что не всегда можно ихъ и разпознавать, а особливо по тому, что много есть у нихъ и голобородыхъ мужчинъ. Однакожъ оно вообще чище, красивѣе и виднѣе. Обыкновенно украшается оно строченьемъ и недурными вичурами, которые нашиваются звѣриными жилами; также куньими, собольими и изъ бѣлыхъ лисьихъ мѣховъ опушками, такъ какъ и бахрамою изъ долгихъ волосъ. Часто выкладываютъ они одежу свою по краямъ и на рукавахъ суконными полосками, высокихъ или яркихъ цвѣтовъ, въ большой перстъ шириною, также бисеромъ и брякушками. Штаны носятъ обыкновенно кожаныя; прикрѣпляемые къ нимъ чулки дѣлаются изъ рыбьихъ, а на зиму изъ звѣриныхъ кожъ. *Бабы* заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя черезъ плечи простираются вдоль груди; *дѣвки же* носятъ по три косы, висящія по спинѣ. По елику они носятъ одѣяніе не покупное, но собственнаго своего рукодѣлья, то дѣвки ходятъ не только не хуже, но по большой части еще и лучше бабъ. Лѣтомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же покрываютъ оную черны-

ми или иными какими теплыми шапками, которыя подвязывают подъ подбородкомъ.

Они берутъ за себя столько женъ, сколько купить могутъ, и даютъ за каждую отъ пяти до двадцати оленей. Больше такихъ, которые имѣютъ по одной женѣ; но у нѣкоторыхъ есть и двѣ, а у иныхъ и три: по чему многiе бѣдняки остаются холосты или принуждены бываютъ брать тѣхъ, на которыхъ никто и не глядитъ. Не хотя жениться на роднѣ, ищутъ всѣ себѣ невѣстъ въ другихъ поколѣньяхъ. По уплатѣ выкупу, привязывается крайнѣ сопротивляющаяся невѣста къ санямъ и отвозится къ жениху въ юрту. Произходящiе тутъ свадебные обряды сходны съ Отякскими; да и самую сохранность и нецѣломудрiе такимъ же порядкомъ награждаютъ они и наказываютъ. Мужъ называетъ жену *Ну*, (хозяйка!) а жена мужа *Хозова*, (хозяинъ!). Жены родятъ чрезвычайно легко, и безъ всякихъ почти мученiй и припадковъ. А какъ скоро роды станутъ хотя нѣсколько тяжелы, то начинаютъ подозрѣвать на нихъ въ побочномъ соитiи съ другими мужчинами: по чему и стараются принудить ихъ при таковыхъ обстоятельствахъ къ признанiю, дабы соблазнителей, которыхъ оправданiя совсемъ не принимаются, принудить послѣ къ удовлетворенiю, хотя въ прочемъ и бездѣльному. Браки ихъ и уничтожаются очень легко и скоро; Естьли мужъ оставитъ свою жену, то и выкупъ за нее пропадаетъ; но естьли жена оставитъ своего мужа, то требуетъ онъ его себѣ обратно. Разошедшися могутъ опять жениться другъ на другѣ; но только въ такомъ случаѣ платятъ уже за таковую жену, гораздо дешевлѣ, нежели за вдову или дѣвку. Какъ сiи, такъ и прочiе договоры совершаются у нихъ на словахъ и битьемъ по рукамъ.

Женской полъ по Семоядскому разсужденiю *нечистъ:* по чему и поступаютъ они съ нимъ презрительно, а отъ части и безчеловѣчно. Жены претерпѣваютъ жестокость сiю больше, нежели дочери, въ пользу которыхъ возпламеняется родительская любовь: по чему и упорство ихъ при выдаванiи ихъ за мужъ не всегда бываетъ притворное. Пока жены родятъ еще дѣтей, до тѣхъ поръ все могутъ надѣяться на пощаду, которая съ приращенiемъ ихъ старости вовсе пропадаетъ. Они отнюдь не смѣютъ вмѣстѣ ѣсть съ своими мужьями, но питаются только тѣмъ, что послѣ ихъ останется. Въ юртѣ должны они сидѣть всегда на своей сторонѣ, и такъ же, какъ и Буряшки, никогда не ходятъ около огня, которому при-

Самоедка въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Samojedin im Somer-Kleid.
Feme Samojede en habit d'été.

своятся святость; да сверьхъ того мѣста, на которыхъ сидѣли они въ юртѣ или въ саняхъ, и вещи, кои они употребляли, такъ какъ и самихъ себя должны они окуривать надъ подожженнымъ оленьимъ волосомъ. Во время перекочовки не должно имъ переходить чрезъ слѣдъ человѣка или оленя, но надобно оставаться на одной сторонѣ; при укладкѣ вещей въ сани и выкладкѣ изъ оныхъ не дозволено имъ ходить около оныхъ, но надлежитъ пролѣзать въ оныя промежъ жердей. Много есть у нихъ и другихъ симъ подобныхъ суевѣрныхъ нелѣпостей. А особливо поступаютъ они съ женами своими крайнѣ презрительно во время мѣсячнаго ихъ очищенія и первыя восемь недѣль послѣ родовъ. Тогда не смѣютъ они ни къ ѣствѣ прикасаться, ниже мужьямъ что ни есть подавать; не ѣдятъ убитой недавно живности, и такъ далѣе. Сіе отчужденіе оканчивается торжественнымъ окуриваніемъ надъ подожженнымъ оленьимъ волосомъ.

Покойниковъ хоронятъ тамъ, гдѣ кто умретъ. Они надѣваютъ на умершаго самое лучшее платье, завертываютъ его въ оленью кожу, выносятъ изъ юрты не дверями, но въ боковой ходъ, и зарываютъ въ весьма мѣлкой могилѣ, которую при недостаткѣ нужныхъ къ тому орудій немалаго труда стоитъ имъ вырыть въ мерзлой и каменистой землѣ: по чему зимою зарываютъ иные покойниковъ только въ снѣгъ, а хоронятъ лѣтомъ; но лисицы и другіе хищные звѣри избавляютъ ихъ нерѣдко отъ сего труда. Въ могилѣ опрокидаютъ надъ покойниковою головою котелъ, да сверьхъ того кладутъ туда же ему про запасъ и другой домашній скарбъ, а особливо лукъ и стрѣлы. Послѣ погребенія укрощаетъ волшебникъ изшедшаго изъ покойника духа, дабы онъ не безпокоилъ живыхъ, не лишалъ бы ихъ самыхъ лучшихъ добычь, и такъ далѣе. Въ заключеніи убивается при могилѣ олень въ жертву, которая тутъ же и снѣдается. Зажиточные возобновляютъ сей обрядъ и нѣсколько кратъ. Поминаніе имени умершаго не служитъ у нихъ ни къ чему больше, какъ только къ обезпокоиванію онаго: и по тому говорятъ они объ умершихъ всегда обиняками и вскорѣ предаютъ ихъ забвенію.

Вѣра ихъ Языческая по Шаманскому толкованію. Они вѣруютъ въ Бога (Сам: Нумъ), которой все создалъ и не можетъ быть изображенъ ни въ какомъ видѣ; а между тѣмъ имѣютъ многихъ полубоговъ, которые смотря по обстоятельствамъ, дѣлаютъ людямъ добро и зло. Сихъ изображаютъ они куклами человѣческаго вида, съ

сими полубогами имѣютъ сношенїе ихъ священнослужители, (Тамибъ) и призываютъ ихъ по Шаманскому обычаю стуча въ волшебной барабанъ, умилостивляютъ ихъ жертвами и подарками, спрашиваютъ у нихъ о будущемъ, получаютъ чрезъ нихъ искуство лѣчить больныхъ, и пр. Сїи священнослужители отъ Семоядовъ уважаются очень много, не смотря на всю ихъ о самихъ себѣ безпристрастность.

КОИБАЛЫ.

Народъ сей раздѣляется на пятнадцать колѣнъ, которыя однакожъ всѣ совокупно по третей переписи платятъ подушной окладъ только за 402 души, и слѣдовательно могутъ почестся малымъ остаткомъ прежней сильной орды. Они живутъ въ верьху Енисея, за Абаканомъ по обѣ стороны Енисея, не подалеку отъ Саянскихъ горъ въ Красноярскомъ уѣздѣ.

Разположенiе лица ихъ походитъ больше на Семоядское, нежели на Татарское. *Языкъ* ихъ есть такъ же смѣшанное со многими Татарскими словами Семоядское нарѣчiе.

Они упражняются больше въ *скотоводствѣ* и кочуютъ въ подвижныхъ юртахъ. У иныхъ водится лошадей по сту, по стольку же рогатаго скота, по знатнѣйшему числу овецъ, и по нѣскольку верблюдовъ. Овцы ихъ породы широкохвостой; однакожъ у нихъ небольшiе только саломъ оплывшiе хвосты. Скотъ принужденъ самъ себѣ отыскивать кормъ и зимою: но они пособляютъ нѣсколько слабой скотинѣ тѣмъ, что кучи сѣна, чечалками (*) сносимыя, берутъ въ юрты, и тѣмъ ее кормятъ. Многiе, да и большая половина, послѣдуя Рускимъ людямъ, пашутъ немного земли и умѣютъ при томъ употреблять Рускую соху. Нѣкоторые изъ такихъ землепашцовъ построили себѣ и деревянныя хижины; у таковыхъ водятся и куры, хотя въ прочемъ кочевые народы дворовой сей птицы и никогда не держатъ. *Звѣриной промыселъ* всѣ любятъ; а онъ и нарочито прибыточенъ въ ихъ странѣ.

Въ разсужденiи *домашняго скарбу*, *одѣянiя*, *пищи* и *нравовъ* мало разнятся они отъ Красноярскихъ Татаръ, нiже и по близости которыхъ они живутъ. Веревки и канаты, на укрѣпленiе юртъ и на другiя надобности, дѣлаютъ они изъ дикаго льну и крапивы. Коибалки носятъ косы и шапки по примѣру Моголокъ, о которыхъ буду говорить, послѣ.

Бабы родятъ стоя на колѣняхъ, и при томъ такъ легко, что въ четвертой день принимаются уже и за обыкновенныя свои дѣла.

Коибалы содержали прежде языческой законъ по Шаманскому толкованiю: но *нынѣ* всѣ уже *крещены*; да и отъ языческаго своего суевѣрiя отъ часу больше уклоняются. Они хоронятъ теперь

(*) Lepus alpinus. Pallas.

всѣхъ покойниковъ въ землѣ; въ прежнія же времена погребали только взрослыхъ людей, а дѣтей ставили, по Белтырскому обыкновенію, для истлѣнія на дерева. Роженицы почитаются и нынѣ еще четырнадцать дней нечистыми, и очищаются отъ сего оскверненія мытьемъ и окуриваніемъ себя ирвенемъ (*).

(*) Sabina.

САЯТЫ.

Саяты называются такъ же *Суіотами* и *Соіотами*; они живутъ на вышшихъ Саянскихъ горахъ на Югозападномъ концѣ Байкала у Монгальскихъ границъ, а отъ части и за оными на Китайскихъ земляхъ: по чему они намъ и не всѣ извѣстны. Число платящихъ Россіи дань почти соотвѣтствуетъ количеству Коибалъ.

Единоплеменство Саятъ съ Семоядью доказывается ихъ *видомъ*, *языкомъ* и *житейскими обрядами*; но при томъ вѣроятно кажется, что они принадлежатъ и къ Тубинцамъ, у которыхъ во время завоеванія Сибири былъ храбрый Князекъ, по имени *Соитъ*, которымъ самимъ, или можетъ быть и преемниками его, заведены они далѣе въ горы, и по предводителѣ своемъ назвали себя *Саятами*.

Какъ Россійскіе, такъ и Китайскіе Саяты, бѣдны и *кочуютъ* въ худыхъ берестою покрытыхъ лѣтнихъ юртахъ въ пустыхъ горахъ, и отъ части держатъ по немногу оленей, большая же половина ни какихъ животныхъ, кромѣ собакъ, у себя не имѣетъ, и живетъ бѣдно и неопрятно, получая пропитаніе отъ одной звѣриной и рыбной ловли, и нѣкоторыхъ дикихъ кореньевъ.

Законъ содержатъ всѣ *языческой* по *Шаманскому толкованію*. Въ *одѣяніи же*, *обрядахъ* и *нравахъ* ни мало не разнятся отъ *Каибалъ* и *Маторовъ*: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

МАТОРЫ.

Маторы называются сами *Матами* и *Маторъ-Аймаками.* По завоеванiи Сибири Россiянами, обрѣтены они въ нынѣшней своей области, то есть неподалеку отъ Саянскихъ горъ, на правой сторонѣ Енисея, выше Абаканскаго острога на рѣкѣ Тубѣ. Тогда подвластны они были Хану Золотой Орды; Россiи же начали платить дань въ 1609 году. Въ послѣдующiя времена бывали они въ подданствѣ то у Киргизцовъ, то у Soонгаръ. Какъ по сему обстоятельству, такъ и чрезъ сотрясанiе съ себя чужой власти совсемъ почти перевелось ихъ колѣно, которое уже и въ началѣ 17 столѣтiя было слабое. При бывшей въ 1760 году переписи, положено ихъ въ подушной окладъ только 30 душъ, да и сихъ истребила оспа такъ, что въ 1772 году считалось только десять семей въ остаткѣ. Сiи остальные пребываютъ между собою въ союзѣ, хотя и разсѣянно живутъ. *Саятамъ* они въ разсужденiи *языка, вида, древнихъ обрядовъ, житiя* и *идолослуженiя* такъ подобны, что какъ самихъ ихъ, такъ и тѣхъ почитаютъ Семоядскаго колѣна остаткомъ, къ роду Саятъ принадлежащимъ.

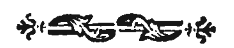
Скотоводцы они бѣдные; а въ землепашествѣ и вовсе не упражняются. Подвижныя свои юрты, составляемыя изъ жердей, которыя ставятся наискось, покрываютъ берестою, сверьхъ которой кладутъ зимою увядшую траву. Входъ въ юрты должно дѣлать всегда, по старинному обыкновенiю, въ Восточной сторонѣ.

Скуднымъ своимъ скотоводствомъ ни какъ они прокормиться не могутъ, но заимствуютъ больше пропитанiе отъ звѣриной ловли. Въ лѣтнее время ѣдятъ по большой части Сарану и другiя Сибирскими Татарами употребляемыя дикiя коренья.

Съ лишкомъ за тридцать уже лѣтъ всѣ они *крещены.* Будучи еще язычниками увязывали они, какъ и Белтыри, покойниковъ своихъ промежъ досокъ и клали ихъ для истлѣнiя на дерева.

ТУБИНЦЫ.

Тубинцы, до завоеванія Россїянами Сибири, составляли многолюдное и храброе Семоядское колѣно, жившее на Восточной сторонѣ Енисея около рѣки Тубы, по которой оно и называлось симъ именемъ. Но оно во время войны отъ части истреблено, а отъ части разсѣялось не токмо по другимъ Семоядскимъ, но и по Татарскимъ народамъ. Между Качинскими Татарами есть и нынѣ еще одинъ *Тубинскїй родъ* или Аймакъ: но онъ малолюденъ, и хотя наблюдаетъ между собою союзъ, однакожъ нынѣ ни языкомъ, ни житїемъ, ниже инымъ чемъ отъ Качинцовъ не отмѣненъ: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.



КАМАЧИНЦЫ.

Народъ сей называется и *Камачами*. Кагда они въ 1629 году начали платить Россіи подать; то кочевали между рѣками Каною и Маною, изъ коихъ какъ одна, такъ и другая впадаютъ въ Красноярскомъ уѣздѣ въ рѣку Енисей съ правой стороны. Вѣроятно кажется, что наименованіе ихъ составлено изъ названій обѣихъ оныхъ рѣкъ. Нынѣ же живутъ они неподалеку отъ остроговъ, Абаканскаго при Енисеѣ, и Канскаго при рѣкѣ Канѣ. Въ то время, какъ покорены они Россійской державѣ, были они только малолюдный народъ, или лучше сказать остатокъ онаго.

Теперь они не столько людны, какъ *Коибалы* которымъ они совершенно подобны въ разсужденіи вида, языка, одѣянія, обрядовъ и гнуснаго житія: по чему на нихъ и ссылаюсь. *Законъ* содержатъ еще *языческой* по *Шаманскому толкованію*, и оказываютъ великое почтеніе и повиновеніе своимъ идолослужителямъ и волшебникамъ (Канъ).

КАРАКАССЫ.

Каракассы принадлежатъ къ небольшимъ остаткамъ Красноярскихъ народовъ Семоядскаго племени. Статься можетъ, что они во время воинственныхъ безпокойствій собрались изъ бѣглецовъ; по крайней мѣрѣ не упоминается объ нихъ съ уваженіемъ въ исторіи о завоеваніи Сибири. Нынѣ платитъ сіе поколѣніе подушной окладъ только за 22 семьянистыхъ человѣкъ.

Они *кочуютъ* при *Гассевѣ*, вышедшей изъ *верьхней Тунгузки* рѣкѣ, въ гористой нѣсколько странѣ, и приписаны къ Удинскому острогу. *Подушный* ихъ *окладъ* (Ясакъ) разположенъ по деньгамъ: но они сверьхъ того исправляютъ еще и нѣкоторыя козацкія службы при Монгальской границѣ.

Языкъ ихъ *Семоядское* нарѣчіе, и при томъ не столько испорченное, какъ у многухъ другихъ остатковъ Семоядскаго племени.

Они бѣдны, и кромѣ нѣсколькихъ оленей ни чего добраго у себя не имѣютъ. *Юрты*, которыя составляютъ изъ колышковъ, покрываютъ звѣриными кожами. *Одѣяніе* дѣлаютъ себѣ изъ разныхъ звѣриныхъ кожъ на Семоядской вкусъ. Въ мѣсто чулковъ обвертываютъ ноги жимолостною корою. Зимою носятъ теплыя шапки; лѣтомъ же ходятъ мужчины простоволосы, а женщины покрываютъ голову лѣтними шляпками, нарочито пригожо изъ тростнику выплетенными.

Въ зимнее время питаются отъ одного звѣринаго промысла, лѣтомъ же дикимъ кореньемъ и рыбною ловлею. Какъ для того, такъ и для другаго перекочевываютъ они лѣтомъ по большой части черезъ каждые три дни къ другимъ рѣчкамъ или озерамъ.

Они правда всѣ *крещены*, но держатся больше нежели другіе обращенные къ православной вѣрѣ Сибиряки прародительскаго своего суевѣрія, которое есть Шаманское. Теперь нѣтъ у нихъ ни священнослужителей, ни волшебниковъ. Всякъ молится про себя Солнцу и Небесной Тверди съ воздыханіемъ, и приноситъ въ жертву отъ убитаго медведя и красной дичи голову да сердце, вознося то и другое къ Солнцу на кускѣ коры; при чемъ проситъ о удовлетвореніи его нуждамъ, и снѣдаетъ напослѣдокъ жертву. Знатнымъ горамъ и рѣкамъ оказываютъ они, какъ и другіе Сибиряки, почтеніе, и дарятъ или жертвуютъ имъ, когда къ нимъ приближаются, по немногу табаку, привезенную съ собою древесную вѣточ-

ку, лоскутокъ мѣху, или иную какую дрянцу, при чемъ отвѣшиваютъ и низкïе поклоны.

Теперь они *покойниковъ* своихъ *хоронятъ*. Въ прежнïя же времена оставляли ихъ для истлѣнïя на голой землѣ, положа головою къ востоку, или клали на сдѣланной изъ колышковъ костеръ, либо и на дерева: при чемъ покрывали ихъ всегда хворостомъ; сожигали же токмо тѣхъ, которыхъ отмѣнно почитали.

НАРОДЫ НЕИЗВѢСТНОЙ

или

СМѢШАННОЙ ПОРОДЫ.

Отякскія поколѣнія, кочующія по нижнему Енисею, начиная отъ верьхней Тунгузки, ниже и возлѣ Семоядъ, называются правда и живутъ одинаково съ Обскими Отяками: но языкомъ говорятъ совсемъ отмѣннымъ какъ отъ Отякскаго, такъ и отъ всѣхъ Сибирскихъ языковъ: по чему они и не безъ основанія почитаются *поколѣньями особаго народа*; хотя въ прочемъ и не обрѣтается ни какого извѣстія о ихъ произхожденіи ни у нихъ, ни въ исторіи. Между такъ называемыми *Красноярскими Татарами* говорятъ *Азаны, Котовцы* и *Аринцы* симъ же самимъ языкомъ: хотя и по весьма отмѣнному нарѣчію. Слѣдовательно они не Татара: ибо они окружены будучи Татарами и живучи съ ними одинаково, конечно бы говорили не инымъ какимъ, какъ Татарскимъ же языкомъ. Вѣроятно кажется, что они смѣшанные остатки Енисейскихъ Отяковъ, либо и отщетившіяся отъ нихъ толпы; по чему и не сомнѣваюсь помѣстить ихъ на ряду съ сими Отяками.

ЕНИСЕЙСКІЕ ОТЯКИ.

Въ самое то время, какъ Россійскія завоеванія въ началѣ седьмагэ надесять столѣтія разпространились до Енисея, жили Отяки Енисейскіе въ нынѣшнихъ своихъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Енисея и вышедшихъ изъ него рѣкъ, отъ вышней Тунгузки въ низъ за Мангазею или Нижнюю Тунгузку. Они и тогда уже обитали въ сосѣдствѣ Семоядъ и какъ будто бы промежъ ихъ. Сіи Отяки не токмо покорились Россіи въ 1608 году, но и оказывали побѣдителямъ подъ предводительствомъ тогдашнихъ своихъ Князьковъ *Урмука* и *Намака*, всевозможное вспоможеніе въ преодолѣніи жившихъ въ верьхъ по Енисею такъ, какъ и Восточныхъ съ Отяками порубежныхъ народовъ.

Они *раздѣляются* на разныя волости и колѣна. По лѣвую сторону Енисея, начиная отъ Кеты, вышедшей изъ Оби рѣки, на Сѣверѣ находится прозванная по рѣкамъ Кассѣ и Сымѣ *Касимовская* волость; по правуюже больше сторону Енисея стоятъ *Инбацкая* и *Пумпокольская* волости; къ сей послѣдней, которая и прежде была наизнатнѣйшая, давно уже присовокуплена и *Нацкая* волость. О подлинной величинѣ каждой волости не имѣлъ я случаю освѣдомиться. Однако они и во обще, судя по обширности ихъ пустынь, не многолюдны. Какъ въ 1731 году оказалась у нихъ оспа въ первые, то они едва не всѣ отъ оной перемерли. Болѣзнь сія свирѣпствовала у нихъ и послѣ того нѣсколько кратъ; но они при простой и безпечной своей жизни вскорѣ паки размножаются; и по тому думаютъ, что они теперь столь же людны, какъ и до оспеннаго разоренія были.

Мѣста ихъ часть Семоядскихъ же пустынь, и слѣдовательно крайне суровы, холодны и безплодны. Съ Семоядью и Обскими Отяками, которые называются у нихъ *Асъ Ярей* т. е. Обскій народъ, имѣютъ они одинакія нужды и одинакія къ отвращенію оныхъ способы, и сходствуютъ совершенно особливо съ Обскими Отяками въ разсужденіи жилищъ и перемѣны оныхъ, такъ же одѣянія, пищи, промысловъ, нравовъ, суевѣрія и всего вообще житія: по чему и ссылаюсь здѣсь на то, что сказано о сихъ Отякахъ, да и о самой Семояди. Оленей содержатъ они, какъ и тѣ по немногу, и равно питаются всякою дичью и птицами безъ

разбору, рыбою, дикимъ кореньемъ и плодами. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью, и платятъ съ души по стольку же. Между ими ведутся изъ стари *кузнецы*, которые плавятъ сами желѣзо по примѣру Абинцовъ, а по томъ дѣлаютъ изъ онаго, какъ умѣютъ, домашнія и звѣробитныя надобности. По сему ремеслу и прозвана одна Волость *Кузнецкою*. У нихъ есть еще и теперь такіе кузнецы.

АРИНЦЫ.

Аринцы называютъ себя и *Аринами;* Татары же и Вотяки прозвали ихъ *Арами*, отъ Татарскаго слова *ара*, отдаленъ, или какъ Страленбергъ утверждаетъ отъ слова *ара*, шершень. Конечно лишились они въ военныя времена кореннаго своего названія.

Во время Татарскаго владычества поколѣніе ихъ было знатное и обитало на Западномъ или лѣвомъ берегу Енисея (которой называли тамошніе жители *Кемомъ*, а нынѣ видна тутъ одна только Западная рѣка, впадающая при городѣ Енисейскѣ въ Енисей) отъ устья Качи, гдѣ послѣ выстроенъ Красноярскъ, до самыхъ пороговъ или нынѣшней границы Енисейской провинціи. Отъ жестокости Татаръ, а особливо отъ частыхъ Киргизскихъ нападеній, уменьшилось было число ихъ такъ, что князекъ ихъ *Тутка*, когда въ 1608 году покорился Россійской державѣ, владѣлъ только стами тремя семей. Въ 1630 году соединились Аринцы съ одною волостью Енисейскихъ Отяковъ, которая по князькѣ ихъ *Веслїѣ* называлась *Весловскою*, и передались по томъ Киргизцамъ. Возмущеніе сїе было для многихъ погибельно. Отъ бывшихъ между Киргизцами и Ханомъ Золотой Орды (Алтынъ Ханомъ) развратовъ разбѣжалось ихъ также не мало; нѣкоторые же приняли убѣжище къ Качинцамъ и тамъ женились: по чему нынѣ отъ сего въ прежнія времена знатнаго колѣна считается въ остаткѣ нѣсколько токмо семей, живущихъ обществомъ, на земляхъ Качинцовъ, подъ властїю собственнаго ихъ старшины и наблюдающихъ между собою союзъ.

Въ Качинскихъ степяхъ живутъ смѣжно съ Аринцами три рода или Аймака, а именно *Ярынской* изъ 30, *Буктынской* изъ 29, и *Кайдынской* изъ 16 душъ состоящїй, которые походятъ на Аринцовъ такъ, что надобно ихъ неотмѣнно почитать произшедшими отъ одного съ ними племени. Они имѣютъ такъ же общаго съ Аринцами начальника или Башлыка, и называются въ Краснояркомъ Земскомъ судѣ вообще *Ярынскою волостью*.

Собственный ихъ языкъ есть весьма отмѣнное нарѣчіе языка Енисейскихъ, а особливо Пумпокольскихъ Отяковъ. Нынѣ же говорятъ они по Татарски Качинскимъ нарѣчіемъ. Какъ г. Статскій Совѣтникъ *Миллеръ* и старшїи *Гмелинъ* были въ 1735 году при рѣкѣ Енисеѣ, то по Аринцски умѣлъ тогда еще говорить одинъ только человѣкъ, помощїю котораго помянутый г. Статскій

Совѣтникъ и умножилъ свой словарь или собранїе словъ разныхъ народовъ. А какъ славные сїи путешественники въ 1740 году ѣхали обратно изъ Восточной Сибири, то не было уже въ живыхъ и сего человѣка; и слѣдовательно купно съ жизнию его пресѣклась и живность Аринцскаго языка.

Аринцы и соединенныя съ ними въ Яринской волости поколѣнья живутъ во всемъ одинаково съ Качинцами. Жилище, пища, хозяйство и одѣянїе у нихъ точно такое же. Но Аринцы и Яринцы гораздо бѣднѣе и кромѣ нѣсколькихъ лошадей, не имѣютъ ни какого скота, по чему и питаются по большой части звѣриною ловлею и дикими кореньями. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью.

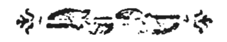
Вся вообще Яринская волость исповѣдуетъ законъ Христїанской, но столь же мало просвѣщена, какъ и крещеные Татара: и для того утопаетъ въ наивеличайшемъ суевѣрїи. Предки ихъ были язычники Шаманскаго толку; и объ нихъ повѣствуетъ Мессершмидъ въ рукописныхъ своихъ поденныхъ запискахъ, что они покойниковъ своихъ хоронили, снабдѣвали ихъ оружїемъ, и приносили въ жертву у могилы лошадь, которой мясо ѣли сами, а шкуру вѣшали на могилѣ. Клятвы почитаютъ они и нынѣ еще весьма страшными. Всякъ кленущїйся у нихъ становится промежъ серны или дикой козы и собаки, и въ доказательство невинности своей угрызаетъ медведя въ голову. Однакожъ они и таковаго оправдавшагося у себя не терпятъ: но долженъ онъ странствовать по тѣмъ мѣстамъ, въ которыя покажетъ ему путь пущенная на волю и собакою преслѣдуемая дикая коза. Роженицы въ первые семь дней послѣ родовъ омываются трекратно; передъ возобновленїемъ же сожитїя съ мужьями своими окуриваются хорошенько *ирвенемъ*, посвященною языческимъ божкамъ травою, и такъ далѣе.

АЗАНЫ.

Азаны и *Ассаны*, которые обыкновенно, но несправедливо, называются *Азанскими Татарами*, и причисляются къ *Красноярскимъ Татарамъ*, подобны судьбами своими и устроенїемъ Аринцамъ. Они такъ же, какъ и тѣ, составляли прежде сильное и храброе поколѣнье, но отъ подобныхъ безумїй число ихъ уменьшилось такъ, что нынѣ осталось уже ихъ не больше, какъ 10 или 12 семей.

Сей остатокъ почти истребленнаго уже народа утвердился на мѣстахъ предковъ своихъ при рѣкѣ *Усолкѣ*, вышедшей въ лѣвой сторонѣ изъ *Тассевы* (которая впадаетъ въ *Тунгузку* съ лѣвой, а сїя въ *Енисей* съ правой стороны); гдѣ онъ подъ начальствомъ своего старшины или Башлыка пребываетъ между собою въ союзѣ и живетъ крайне бѣдно, точно по примѣру описанныхъ выше Красноярскихъ Татаръ.

Азанской *языкъ* есть весьма отмѣнное отъ языка Енисейскихъ Остяковъ и Аринцовъ нарѣчїе, которымъ однакожъ нынѣ уже не говорятъ, но вмѣсто того употребляютъ Татарской языкъ въ худомъ произношенїи. Славные Академическїе путешественники, г. Статскїй Совѣтникъ *Миллеръ* и покойный *Гмелинъ* старшїй, въ бытность свою въ тамошнихъ мѣстахъ между 1735 и 1740 годами нашли только двухъ или трехъ человѣкъ, которые могли говорить Азанскимъ языкомъ, нынѣ же онъ конечно уже и вовсе перевелся: однакожъ подобно Аринцскому, посредствомъ собранныхъ помянутымъ г. Статскимъ Совѣтникомъ съ великимъ трудомъ словарей, нѣсколько еще соблюденъ.



КОТОВЦЫ.

Какъ *Котовцы* въ 1628 году Россіи покорились, то колѣно ихъ было по такимъ же почти причинамъ, какія объявлены въ разсужденіи Аринцовъ и Азанъ, слабое. Нынѣ же они хотя еще и безсильнѣе, однакожъ многолюднѣе, нежели оба оные остатки народовъ вмѣстѣ: по чему и говорятъ еще собственнымъ своимъ *языкомъ*, который есть не иной какой, какъ Пумпоколо отякской; токмо нарѣчіе онаго нарочито отмѣнно, и при томъ какъ отъ Аринскаго, такъ и отъ Азанскаго весьма отошло: изъ чего явствуетъ, что они столь же несправедливо, какъ и оба прежніе остатки народовъ, причисляются къ Красноярскимъ народамъ.

Они *кочуютъ* близь Восточнаго Енисейскаго берега, между Абаканскимъ и Канскимъ острогами, возлѣ Качинцовъ. Юрты ихъ совершенно сходны съ Качинскими. Въ разсужденіи одѣянія, пищи, житія и всего вобще устроенія походятъ такъ же на Качинцовъ, токмо гораздо ихъ скуднѣе. Скотоводство ихъ, относящееся къ лошадямъ, рогатому скоту и овцамъ, самое малое; и по тому они зимою отъ звѣриной ловли, а лѣтомъ отъ дикаго коренья, плодовъ и рыбной ловли, имѣютъ свое пропитаніе. *Звѣриный промыселъ* выгоденъ въ лѣсистыхъ и гористыхъ ихъ мѣстахъ особливо по хорошимъ соболямъ, которые славны подъ именемъ *Канскихъ*. Они очищаютъ соболями въ Канскомъ острогѣ и подушной свой окладъ (Ясакъ).

Православную *Грекороссійскую вѣру* приняли не многіе, да и тѣ различаются отъ другихъ почти однимъ только именемъ Христіянъ и нѣкоторыми обрядами, которыхъ миновать не могутъ при рожденіи дѣтей, также при свадьбахъ и похоронахъ; да сверьхъ того рубахами. Прочіе же содержатъ *Шаманскаго толку языческой законъ*, строго наблюдаютъ обряды Качинцовъ. Всѣ вообще въ разсужденіи тѣла своего, пищи, юртъ, одѣянія, и всего житія крайне неопрятны, да и чрезвычайно лѣнивы. Преисполненныя гадиною шубы, которыя надѣваютъ язычники на голое тѣло, почти прилипаютъ къ оному отъ грязи.

Рѣдко кто и изъ язычниковъ держитъ больше *одной жены*, по тому что по бѣдности своей не имѣютъ къ тому ни силъ, ни до-

статка. Изъ *обычаевъ* ихъ странно то, какъ они зимою спятъ, а именно: они ложатся въ юртѣ около огня попарно, такъ что головы лежатъ одна супротивъ другой, а ноги одного подъ руками у другаго. Въ семъ положенїи переворачиваются они и на другой бокъ за однимъ разомъ и не разрозниваясь

МАНДЖУРСКІЕ НАРОДЫ.

Манджурскіе народы состоятъ изъ прямыхъ *Манджуръ* и *Тунгузъ*. Оба сіи народы по произхожденію своему единоплеменны; и сіе доказывается ихъ языкомъ, видомъ, обрядами и прочимъ такъ, какъ и собственными ихъ преданіями Вообще они владѣютъ въ Восточной Сибири и въ Сѣверной Монгаліи, обширными пустынями и степями, нарочито еще многолюдны, да при томъ настоящіе Манджуры и сильны: ибо одно изъ Княжескихъ ихъ колѣнъ владѣетъ наслѣдственно Китайскимъ престоломъ и управляетъ симъ государствомъ безпредѣльно.

До приходу Россіянъ въ Сибирь въ началѣ седьмаго надесять столѣтія, владѣли Манджуры всею *Дауріею* или Восточною Сибирью отъ Байкала до самыхъ Монгальскихъ горъ, также всѣми мѣстами около Амура, вышедшихъ изъ него рѣкъ Шилки и Аргуна, такъ какъ и побочныхъ рѣкъ, Сеги, Шингала, Наума и другихъ. Но они и прежде уже крайне обезпокоиваемы были вытѣсненными изъ Монгаліи на Западъ Бурятами. При рѣкѣ Селенгѣ и при верьхнемъ Амурѣ стояло тогда *колѣно Даурское*, между Аргуномъ и Шилкою *Дучерское*, при среднемъ Амурѣ и впадающихъ въ него съ обѣихъ сторонъ рѣкахъ, Сегѣ, Наумѣ и другихъ *Агарское*, около же устья Амура на берегу Восточнаго моря и его островахъ, а особливо на лежащемъ супротивъ устья Амура весьма великомъ островѣ Сагалымѣ улусы *Гилякскаго колѣна*.

Даурскіе Манджуры прихода Россіянъ не выжидали, но удалились Юговосточною стороною въ Китайское государство, а отъ части къ Амуру. Тутъ они съ братіею своею нѣсколько остепенились, и сдѣлали земляныя укрѣпленія, отъ коихъ произошли существующіе еще и нынѣ Китайскіе города *Айгюнъ* и *Албазино*, первый на правомъ берегу Аргуна, а послѣдній на лѣвомъ выше устья Сеги. Они назвали сіи мѣста по Князькамъ своимъ Толгѣ *Толгинымъ* и Албазѣ *Албазинымъ*.

Во время перваго Россійскаго похода къ Амуру около середины седьмаго надесять столѣтія, были Дауры и Дучеры подданные Китайскаго Богдохана, который тогда уже былъ Манджурской породы: по чему и вмѣшался какъ въ побѣгъ ихъ, такъ и въ защищеніе. Гиляки и прочіе Манджуры жили тогда независимо ни отъ какой власти, и покорились Россіи безъ всякаго сопротивленія.

Примѣру ихъ послѣдовали многіе Дауры и Дучеры; но большая ихъ половина по повелѣнію Богдохана переведена съ Амура, которымъ Россія тогда всемъ владѣла, ближе къ Китаю, а особливо на рѣку Наумъ. Послѣ того старался Богдоханъ завладѣть Амуромъ, который ему и уступленъ, по силѣ заключеннаго въ Нерчинскѣ мира, со всѣми Россіи подать платившими Манджурами. Нынѣ служитъ между Китаемъ и Россіею границею *Становой Хребетъ*, простирающійся изъ Дауріи на Востокъ и Сѣверовостокъ, между рѣками Кеною и Амуромъ, къ Восточному морю. Въ пограничныхъ горахъ кочуютъ не *Манджуры*, но Тунгузы, платящіе подать отъ части Россіи, а отъ части Китаю; иные же и вольно странствуютъ, ни чего не платя.

Не всѣ Манджурскія поколѣнья *ведутъ жизнь* одинаково. Иные живутъ по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузовъ отъ одной рыбной ловли, какъ н. п. *Ачары*, кочующіе при Натке рѣкѣ, вышедшей изъ Амура въ правой сторонѣ. Сіи запрягаютъ въ мѣсто лошадей собакъ. У нѣкоторыхъ Гиляковъ, какъ слышно, усмирены и медведи такъ, что возятъ сани. Многіе упражняются единственно въ разведеніи оленей; другіе въ звѣриномъ промыслѣ; а еще большее число въ земледѣліи,

У Даурскихъ Манджуръ было такое междоусобное устроеніе, которое какъ будто бы составлено было изъ кочеваго и постояннаго на одномъ мѣстѣ житія, и при томъ весьма соотвѣтствовало человѣческой природѣ. Они жили, по писменнымъ извѣстіямъ и по преданіямъ нынѣшнихъ Дауръ, въ небольшихъ одномѣстныхъ хижинахъ, деревнями или семействами, но и не скучливы были перемѣнять мѣста свои, когда только усматривали невозможность удовлетворять впредь своимъ нуждамъ или выгодамъ житейскимъ, какія могли бы они имѣть въ другихъ мѣстахъ. Они жили какъ между собою, такъ и съ сосѣдами мирно, и радѣли о скотоводствѣ, землепашествѣ, да и о самыхъ горныхъ работахъ.

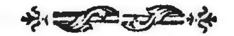
Пашни свои засѣваютъ они, по примѣру Бухарцовъ, какъ огороды, раздѣляютъ ихъ глубокими стежками на гряды или полосы, и обводятъ ихъ рвами, дабы держалась въ оныхъ надобная на поливаніе вода. Для удобности въ поливаніи и для влажной рыхлой земли милѣе имъ были рѣчные берега. — И нынѣ еще видно нѣсколько таковыхъ огородовъ на берегахъ разныхъ Даурскихъ рѣкъ, а особливо при Балгузинѣ и его рѣкахъ, на которыхъ и-

мѣлъ жилища свои одинъ Манджурскій народъ, названный въ извѣстіяхъ *Баргутами*.

Сверхъ того производили многіе съ немалымъ раченіемъ *рудокопное* и *плавильное дѣло*. Нынѣшніе Даурскіе рудники при Аргунѣ, славные подъ именемъ *Нерчинскихъ*, и разрабатываемые теперь для одного серебрянаго и золотаго выходу, содержатъ въ себѣ такъ, какъ и вся Даурія довольно доказательствъ о томъ, что древніе Даурскіе Манджуры упражнялись въ рудокопномъ дѣлѣ. Многіе отъ части покинутые, а отъ части еще разрабатываемые рудники, суть продолженія начатыхъ ими работъ. Вѣроятно кажется, что и старые рудники и кучи огарковъ въ Саянскихъ горахъ въ Красноярской области при Енисеѣ, суть остатки трудовъ Даурскихъ или другихъ Манджуръ, а скарбы Абаканскихъ могилъ ихъ произведенія. Гдѣ находили они руду, тамъ заводили и плавильни: по чему при всѣхъ древнихъ, хотя нѣсколько знатныхъ рудникахъ, видны груды огарковъ. Они добывали и плавили руды всегда по небольшому количеству и, какъ видно по огаркамъ, наибольше мѣдную и желѣзную руду. Рудники были у нихъ по большой части поденные или верьховые. Плавильныя печи были у нихъ конечно не велики, и вѣроятно кажется, что подобіе оныхъ сохранилось въ видѣ тѣхъ печей, въ какихъ Россійскіе кузнецы въ Восточной Сибири плавятъ сами свое желѣзо. Такія печи, (имѣющія въ прочемъ продолговаточетвероугольной видъ, въ поперешникѣ почти въ сажень, а въ разсужденіи плавки расположенныя подобно такъ называемымъ высокимъ печамъ и снабдѣнныя ручными мѣхами) конечно найдены въ разныхъ мѣстахъ и послужили образцомъ.

Даурскіе наши Манджуры были, такъ какъ нынѣшніе при Амурѣ и другіе, *язычники Шаманскаго толку*, о которомъ буду говорить послѣ. *Покойниковъ* своихъ они хоронили; а что они имѣли къ нимъ почтеніе, о томъ свидѣтельствуетъ безчисленное множество могилъ, какія видны еще и нынѣ при Аргунѣ, Шилкѣ, Ингодѣ, Ононѣ и ея рѣкахъ. Они дѣланы особенно, а больше по нѣскольку въ одномъ мѣстѣ. Въ длину бываютъ они обыкновенно отъ 5 до 8, въ ширину отъ 3 до 4, а въ глубину, какъ видно при разрываніи по слоямъ земли, до 6 футовъ. Въ нихъ находятъ иногда остатки костей и ржавчатые кусочки желѣза, конечно отъ оружія; дорогіе же крушцы, какъ въ Енисейскихъ могилахъ, никогда не попадаются; по чему и не касается никто

праха усопшихъ. Большая половина сихъ могилъ завалены просто землею, нѣкоторыя же и плитникомъ. Нынѣ они равны съ поверьхностїю земли, но какъ продолговатые четвероугольники обставлены съ Востока на Западъ плитами стоящими на краю могилы и торчащими поверьхъ земли на ладонь или и на пядень въ вышину. Въ Восточномъ концѣ стоитъ обыкновенно въ одинъ и два фута вышиною плоской или круглому столбу подобной необтесаной камень. На многихъ могилахъ стоитъ и по серединѣ сей почестный столбъ.



ТУНГУЗЫ.

Тунгузы называются сами *Евойенами*, по тому, что праотца ихъ звали *Евоеномъ*, также *Донками*, а иногда, по примѣру многихъ Сибиряковъ, и просто *людьми* (Тунг. *Бого*) Енисейскіе Остяки и Татара называютъ ихъ такъ, какъ и Россіяне, *Тунгузами*, произведши названіе сіе ломано отъ слова Донки или отъ Тонгонъ, наименованія ихъ Князька, либо и отъ Татарскаго слова Тунгузъ, свинья, которымъ названіемъ гордые Татара хотѣли конечно изъяснить ихъ уничиженность и гадкое житіе. Въ прочемъ называютъ ихъ Манджуры *Солонами*, стрѣльцами, и *Оронгонами*, оленоводцами, отъ слова Оронъ, олень, Монгалы же и Буряты *Хамъ Моюнами* и *Солонами*.

Пустыни ихъ простираются съ Запада на Востокъ, отъ *Енисея* за *Лену* до самаго *Амура* и *Восточнаго моря*. Отъ Юга къ Сѣверу живутъ они между 53 и 65 степенемъ Сѣверной широты; и слѣдовательно не касаются ни Соонгарскихъ границъ, ни береговъ Ледовитаго моря. Но они будучи весьма миролюбивы, не всѣми сими пустынями владѣютъ одни: но во многихъ мѣстахъ живутъ съ ними совокупно и въ смежности Остяки, Самоѣди, а особливо Якуты. Около Амура и за онымъ кочуютъ обще съ Манджурами и Китайскіе Тунгузы. Мѣста ихъ, выключая при Амурѣ лежащія, по большой части, какъ и Якутскія, лѣсисты, да при томъ болотны и гористы, равно холодны и суровы такъ, что мало гдѣ можно бы завести усальбы по Европейскому вкусу.

Россіяне получили самое первое извѣстіе о Тунгузахъ отъ Енисейскихъ Остяковъ, и начали съ 1607 году стараться, чрезъ посылку изъ Мангазея Козаковъ, о покореніи оныхъ. Тогда подвластны были многія Тунгузскія поколѣнія вытѣсненнымъ недавно изъ Монголіи Бурятамъ. Во время Россійскихъ нападеній оказали Тунгузы больше мужества, нежели другіе Сибиряки, и ни какое пораженіе не могло ихъ принудить къ оставленію занятыхъ ими подъ жилища своих мѣстъ. Преодолѣнные бунтовали въ послѣдовавшія времена нѣсколько кратъ; и въ 1640 году Ленскіе Тунгузы у собирателей подати выщипали бороды. Живущіе на западной сторонѣ Байкала Тунгузы покорились Россіи не прежде, какъ въ 1643, на Восточной же сторонѣ и при Витимѣ обитающіе въ 1657 году.

Они *раздѣляются* по Восточному обыкновенїю на колѣна, а сїи на роды. Каждый *родъ* (Тагаунъ) производитъ начало свое отъ какого ни есть храбростїю, силою, изобилїемъ въ скотѣ и дѣтяхъ, а иногда и благоразумїемъ, прославившагося родоначальника, называется по его имени, и всѣ въ онομъ находящїеся считаются кровными между собою родственниками. Нѣсколько же таковыхъ родовъ считаются между собою родствомъ по своимъ родоначальникамъ, и соединяются по тому въ *колѣна*. Умѣющїе породу свою выводить прямою дорогою отъ знатныхъ родоначальниковъ, составляютъ ихъ дворянство (Отериканъ), изъ коего выбираютъ они наипаче семейственныхъ старшинъ (Даруга); въ случаѣ же недостатка въ добрыхъ дворянахъ, выбираютъ они ихъ изъ зажиточнѣйшихъ и отважнѣйшихъ людей. Въ прежнїя времена выбирало нѣсколько родовъ общаго себѣ *Сайзана*; а изъ числа сихъ бывалъ одинъ Князькомъ поколѣнья и назывался *Тонгономъ* и *Тойономъ*. Онъ подобенъ былъ въ разсужденїи власти Хану Татарской орды. Нынѣ же причитаются таковыя семейства совокупно и обще съ ихъ Даругасами, отъ Россїйскаго правительства въ семъ званїи утвержденными, такъ же съ нѣсколькими еще существующими Сайзанами, и еще меньшимъ числомъ Тоїоновъ, для большей удобности въ надзиранїи и собиранїи подати къ Округамъ, острогамъ и зимовьямъ, которыя мало по малу между народомъ симъ заведены.

По сему *раздѣленїю* принадлежало въ 1766 году, по счисленїю мужеска пола, къ *Якуцку* 16 родовъ, а душъ 1291; къ *Охоцкому* округу 27 родовъ, а душъ 1862; къ *Кутилайскому*, *Баунтскому* и *Баргузинскому* острогу и зимовьямъ на верьхней Ангарѣ 13 родовъ, а душъ 1025, которые всѣ кочуютъ на Сѣверовосточной сторонѣ Байкала и состоятъ подъ смотрѣнїемъ Россїйскаго управителя въ Баргузинѣ; въ *Нерчинскихъ* заводскихъ горахъ кочуетъ при Ингодѣ, Анонѣ, Шилкѣ и Аргунѣ до самаго Амура 15 родовъ, изъ коихъ *Дучегатской* всѣхъ ближе къ Амуру. Всѣми ими управляетъ Князь *Кантимуровъ*, крестившїйся Монгалъ, въ званїи Тоїона или Тайши, и имѣетъ непремѣнное жилище на Ингодѣ. При записѣ въ подушной окладъ показано ихъ 4341 душа. Изъ прочихъ Даурскихъ Тунгузовъ принадлежитъ 8 родовъ, а душъ 290 къ *Телембинскому* острогу, да 5 родовъ, въ коихъ считается 239 душъ, къ *Еравинскому* острогу; въ прочемъ же приписано къ *Олекминскому* острогу 4 рода, а душъ 242; къ верьхнему и

нижнему *Вилуйскому* зимовью 10 родовъ, а душъ 870; къ тремъ зимовьямъ же на *Маѣ*, вышедшей изъ Лены рѣкѣ, 8 родовъ, въ коихъ 595 душъ; къ *Колымскимъ* острогамъ 5 родовъ *Ламутъ*, кочующихъ по берегамъ Восточнаго моря; ихъ записано въ подушной окладъ 397 душъ. Всѣ сїи находятся въ *Иркуцкой* губернїи; шесть же кочующихъ при *Тунгузкѣ* родовъ платятъ подушной окладъ за 200 душъ въ *Енисейскѣ* и *Мангазеѣ*, и слѣдовательно принадлежатъ къ Тобольской губернїи.

Кромѣ сихъ въ пустыняхъ своихъ кочующихъ, странствуютъ еще и между другими язычниками небольшїя артели или частныя Тунгузскїя семьи, коихъ наберется около 1700. Сверьхъ того, по собственному показанїю Тунгузъ, кочуютъ по верьхней Ангарѣ, въ горахъ около вершины сей рѣки, нѣсколько совсемъ еще не переписанныхъ многолюдныхъ поколѣнїй. Въ горахъ къ Амуру, при *Удѣ*, Тунгузы отъ части и вовсе еще не считаны, а отъ части переписаны слегка. И по тому можно народъ сей почесть наизнатнѣйшимъ въ Сибири, не считая Китайскихъ Тунгузовъ, но полагая только число платящихъ подушной окладъ душъ втрое, въ замѣну женъ, дѣтей и выходцовъ.

Тунгузы росту средняго, и никогда ни чрезвычайно малы, ни съ лишкомъ велики не бываютъ; при томъ статны и вѣртлявы. Лицо у нихъ не столько плоское, какъ у Калмыковъ, и краска въ немъ живая; глаза маленькїе и вострые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсемъ волосомъ не опушается; голосъ нѣсколько осиплой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чутки, но тѣмъ тупяе у нихъ чувствованїе и обонянїе. Дѣти совершенно походятъ на Калмычонковъ. Молодыя женьщины приманчивы по причинѣ изряднаго расположенїя лица, чрезвычайной веселости и вѣжливости; старухи напротивъ того морщинами, копотью, и красными какъ огненный уголь глазами приводятъ въ ужасъ. Старики рѣдко бываютъ сѣды, и ходятъ до послѣдняго конца такъ прямо, и какъ на ходу, такъ и въ дѣлахъ своихъ столь бодры, что сомнительно, не зная, почесть ихъ и устарѣлыми.

Сложенїя они самаго многокровнаго. У нихъ всегда на языкѣ и на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Лгать кажется имъ дурно: и сїе самое предохраняетъ ихъ отъ подозрѣнїя и клятвъ. Воровство и обманъ почитается у нихъ столь позорнымъ дѣломъ, что они по

таковымъ попреканiямъ размѣниваются часто стрѣлами. Довольствуясь самыми необходимыми надобностями, ни къ чему кромѣ оныхъ, не имѣютъ пристрастiя: и по тому пребываютъ при прародительскихъ своихъ нравахъ и житейскихъ порядкахъ безъ дальнихъ прихотей или затѣй. Горести сего дня не растворяютъ они попеченiемъ о заутрѣ; но паче дѣлятся со всякимъ кто бы у нихъ ни случился, послѣднимъ кускомъ безкорыстно, и снѣдаютъ оной съ веселостiю. Да и въ такомъ случаѣ, когда нѣсколько дней сидятъ голодны за неимѣнiемъ ни какого харчу, не унываютъ. Женитьба почти одно такое дѣло, при которомъ думаютъ они о будущемъ; да и въ томъ бываетъ имъ всегда удача, по тому, что они ни въ чемъ, слѣдовательно и въ самой любви, не разборчивы и къ неистовствамъ не склонны. Въ дѣлахъ ихъ видна осторожность, раченiе и способность. Они весьма скоро перенимаютъ другие языки, и въ верьховой ѣздѣ, звѣриномъ промыслѣ и стрѣлянiи изъ луковъ искусны. Въ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ, знакомо имъ почти всякое дерево, всякой камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на утоптанномъ мхѣ, травѣ, или и просто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонннiй человѣкъ отнюдь не можетъ примѣтить ни чего особливаго. Когда хотятъ имѣть свиданiе въ другихъ мѣстахъ, то мѣста умѣютъ описывать такъ точно, либо дѣлаютъ пальцомъ на снѣгу или на землѣ такiе чертежи, что неотмѣнно, гдѣ надобно, сойдутся. Отважность ихъ, выходить съ обидчикомъ и изъ бездѣлицы на поединочную изъ луковъ перестрѣлку, при чемъ иной и жизни лишается, или устремляться на единѣ со стрѣлою и рогатиною на медвѣдя, составляетъ странную противность въ разсужденiи почти безчувственной ихъ холодности при крайнемъ недостаткѣ, ранахъ, потерѣ друзей, имѣнiя и проч. Они живутъ, кочуютъ, промышляютъ звѣрей, ловятъ рыбу и пасутъ скотъ по большой части уединенно, и какъ встрѣчаются, такъ и разлучаются между собою безъ радости и тоски. Богатые люди имѣютъ и у нихъ больше попеченiя, и не столько щедры: однакожъ за безсильныхъ стариковъ платятъ подушной окладъ охотно.

Языкъ ихъ есть Манджурское нарѣчiе, и при томъ мякокъ, для выговору удобенъ и слуху прiятенъ. Слова изображаются на письмѣ малымъ числомъ буквъ, которыя удобнѣе писать кистью, нежели перомъ, съ верьху въ низъ. Но у нашихъ Тунгузовъ нѣтъ ни грамоты, ни школъ. Знанiя ихъ утверждаются только на преданi-

яхъ и относятся къ ихъ состоянію. *Щетъ* ихъ простирается до 10, и по томъ удвоивается. У нихъ есть лѣтній и зимній годъ: но они сами годовъ не считаютъ. Лѣта жизни или какого ни есть бытія считаютъ по тому, сколько разъ заплаченъ между тѣмъ Ясакъ; такъ н. п. кто тридцать разъ платилъ Ясакъ, тому отъ рожденія тридцать лѣтнихъ и столько же зимнихъ годовъ, слѣдовательно шестдесятъ лѣтъ. Въ таковомъ двойственномъ году считается тринадцать мѣсяцовъ или лунныхъ теченій (Бега), которыя называютъ они по естественнымъ приключеніямъ, какъ н. п. Илкунъ (цвѣточной мѣсяцъ), Иринъ (плодоносной мѣсяцъ) и такъ далѣе. При томъ названія мѣсяцовъ не у всѣхъ одинаковы, но по житію ихъ разнятся. Въ прочемъ не празднуютъ они ни лѣтняго Новаго года (Юани Ангани), ниже начала зимы (Туани Ангани).

Даругасамъ ихъ надлежало бы токмо наблюдать порядокъ и рѣшить маловажныя споры, о важныхъ же предлагать Ясашнымъ сборщикамъ: но спорющіеся охотнѣе размѣниваются стрѣлами, либо подвергаются осужденію, по старинному своему обыкновенію, своей братіи, судящей обыкновенно по естественной справедливости, нежели предстаютъ предъ судъ начальства, дѣлающаго приговоръ на основаніи незнакомыхъ имъ законовъ, или налагающаго неупотребительныя у нихъ наказанія: по чему и нѣтъ между всѣми Нерчинскими преступниками ни одного Тунгуза. Поединочная изъ луковъ перестрѣлка (Кучигера) происходила прежде въ виду старостъ, которые опредѣляли мѣсто, отдаленіе и знаки, когда пускать стрѣлы. Нынѣ же принуждены они таковые поединки скрывать; по чему и отходятъ многіе безвѣстно на тотъ свѣтъ.

Убійство, когда произошло отъ ссоры, не уголовнымъ почитается у нихъ преступленіемъ. Убійцу сѣкутъ плѣтьми, и приказываютъ ему содержать сиротъ покойниковыхъ; въ прочемъ же не токмо не укоряютъ его братія злодѣяніемъ, но еще и величаютъ его храбрецомъ. За *драку* наказываютъ палочными по голой спинѣ побоями, и сіе истязаніе называется у нихъ Идогачиганъ. *Воровъ* бьютъ, взыскиваютъ съ нихъ похищенное, и они остаются навсегда въ презрѣніи. За *прелюбодѣяніе* наказуютъ однихъ только мужчинъ. Любовникъ долженъ или взять за себя любимую имъ дѣвку, заплатя напередъ опредѣленной выкупъ, или претерпѣть побои. Когда кто изъ черни похититъ честь у богатой или пригожей дѣвки, то долженъ опасаться, чтобы братья ея и пріятели не разстрѣляли его изъ луковъ. Мужьямъ и женамъ драться не за-

крещено; и они пользуются при томъ одинакими правами; а кто кого ранитъ, того сѣкутъ при всемъ народѣ. Ежели женатые ужиться не могутъ, то разводятся какъ ни будь. Проводимыхъ женами мужчинъ у нихъ довольно; да сто имъ и не въ диковину. Бабы сидятъ обыкновенно дома однѣ; ихъ посѣщаютъ мимоходомъ странствующіе звѣриные промышленики; варятъ у нихъ себѣ пищу; ѣдятъ оную вмѣстѣ; и какъ тѣ и другія въ выборѣ не щекотливы, то скоро соглашаются между собою и о другомъ. Ежели мужу станетъ уже не въ терпѣжъ; то поступается онъ женою ея дружку и беретъ за себя другую изъ его рода. Таковой нарочито часто происходящій у нихъ обмѣнъ называется на ихъ языкѣ *Дапира*. *Родимыя пятна*, безпорядочное сложеніе тѣла, и густоту волосъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ у женъ, которая бываетъ въ прочемъ рѣдко, почитаютъ они произшедшими отъ дѣйствія діявола неустройствами: по чему и случаются у нихъ по сей причинѣ нерѣдко разводы, которые должны однакожъ происходить всегда съ согласія старѣйшинъ.

Въ такихъ случаяхъ, когда не можно испытать истины, берется на помощь *присяга* (Адакачанъ), которой есть у нихъ цѣлые три года. Самая послѣдняя состоитъ въ томъ, что обвиняемый беретъ ножь и размахивая онымъ противъ солнца, говоритъ: *ежели я виноватъ, то пусть солнце повелитъ болѣзнямъ размѣтываться въ моей нутренности такъ, какъ размахивается сей ножъ.* Тяжкая клятва заключается въ томъ, когда обвиняемый взлѣзши на свято почитаемую гору, какъ н. п. на Восточной сторонѣ Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся не подалеку отъ теплыхъ водъ при рѣкѣ Фрелихѣ, вскричитъ: *ежели я виноватъ, то пускай умру, или лишусь дѣтей и скота, не буду никогда на звѣриномъ промыслѣ щастливъ, ниже въ рыбной ловлѣ;* то есть говоритъ то, чемъ ему приказано клясться. Самая же большая присяга состоитъ въ томъ, что убивается собака возлѣ огню, прободается копьемъ, а по томъ или сожигается или прочь бросается, обвиняемому же даютъ испить нѣсколько ея крови, при чемъ долженъ онъ говорить: *кровь сію пію я на правдѣ; а буде лгу, то пускай погибну, сгорю или изсохну, какъ сія собака.*

Подать Сибирскихъ Тунгузъ, выключая Телембинскія поколѣнья, которыя въ мѣсто подати исправляютъ на Монгальской границѣ Козацкія службы, состоитъ въ парѣ соболей со всякой въ подушной окладъ записанной души; а каждый соболь считается въ

рубль. Они могутъ такъ же отдавать въ казну, цѣною на два рубли, оленьи кожи и другую мягкую рухлядь, или продавъ оныя платить наличными деньгами. Мягкую рухлядь цѣнятъ присяжные люди. Всякое поколѣнье или семейство очищаетъ гуртомъ свой подушной окладъ, раздѣляетъ оной самопроизвольно, заставляетъ щастливыхъ и здоровыхъ звѣриныхъ промышлениковъ платить за бѣдныхъ и престарѣлыхъ, и такъ далѣе. Даруги отдаютъ подать подъ весну казеннымъ приемщикамъ находящимся въ острогахъ или въ зимовьяхъ, куда посылаются около сего времени Козаки. Ежели сіи приемщики поступаютъ съ народомъ по честности и ласково, то великую получаютъ прибыль. Если н. п. подать еще не собрана, то приемщикъ или Козакъ оплачиваетъ оную въ казну изъ своихъ денегъ; а въ будущей срокъ получаетъ изъ одной честности отъ сихъ почти дикихъ людей обратно мягкою рухлядью не только самой долгъ исправно, но часто еще и сверьхъ того подарки. Тунгузская мягкая рухлядь, а особливо соболи при верьхней Ангарѣ промышляемые, по добротѣ своей славны. Ежели промыслы ихъ были удачны, то они не скупятся, но даютъ самое лучшее, да при томъ еще и не по долгу, но единственно по доброй волѣ.

Всѣ Сибирскіе, и слѣдовательно Россіи подвластные Тунгузы *кочуютъ* и разнятся между собою, смотря по тому, въ лѣсахъ ли или въ степяхъ живутъ; по чему и не противно называть одинхъ *лѣсными*, а другихъ *степными Тунгузами*. *Лѣсные Тунгузы* раздѣляются паки, по ихъ житію, на *оленеводствующихъ*, *звѣроловствующихъ* и *рыбную ловлю производящихъ*. *Степные Тунгузы* держатъ лошадей, рогатой скотъ, овецъ и проч. Запросто раздѣляются они на *конныхъ*, *оленьихъ* и *собачьихъ Тунгузовъ*, къ коимъ принадлежатъ звѣроловствующіе и въ рыбной ловлѣ упражняющіеся; и хотя сіе не изъявляетъ отмѣнности народа, однакожъ показываетъ его состояніе.

Оленьи Тунгузы кочуютъ съ своими стадами, въ коихъ бываетъ отъ 20 до 1000 оленей и свыше, въ высокихъ и лѣсистыхъ горахъ въ Дауріи около Баунтскаго озера, около Охоцка и при нижшихъ Ленскихъ рѣкахъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Содержаніемъ оленей удовлетворяютъ они всѣмъ своимъ надобностямъ по примѣру Лопарей и Самояди, по тому, что оныя состоятъ только въ необходимыхъ нуждахъ самой природы; сирѣчь довольствуются мясомъ, молокомъ и сыромъ, изъ кожъ шьютъ одѣяніе, спятъ

на нихъ, и покрываютъ ими свои юрты, изъ рогу и костей дѣлаютъ посуду, изъ жилъ нити и проч. при томъ ѣздятъ на оленяхъ верьхомъ и запрягаютъ ихъ въ сани. Словомъ сказать, олени все ихъ добро и имѣнiе. Они всегда сами себѣ промышляютъ кормъ, или получаютъ по нѣскольку только горстей мху когда стоятъ привязаны или запряжены въ сани. Въ зимнее время ходятъ мужчины для звѣринаго промыслу и въ нарочито отдаленныя отъ юртъ ихъ и стадъ мѣста.

Звѣроловствующiе и *рыбную ловлю производящiе Тунгузы* всѣ одни и тѣ же, и ни чемъ не разнятся; зимою ходятъ на звѣриной промыселъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу. Для приволья какъ въ одномъ такъ и въ другомъ, безпрестанно странствуютъ и рѣдко долѣе трехъ дней стоятъ на одномъ мѣстѣ. Собравшись побольше людей въ артель, странствуютъ по всѣмъ лѣсамъ обширныхъ своихъ пустынь по большой части какъ особенныя семьи, которыя, когда встрѣтятся случайно въ своей округѣ съ другими поколѣнья своего семьями, остаются правда на нѣсколько времени въ соединенiи, однакожъ вскорѣ безъ дальнихъ околичностей паки разлучаются, кочуютъ вмѣстѣ съ другими, и такъ далѣе. Они крайне бѣдны и ни чего, кромѣ звѣроловной и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нѣсколькихъ собакъ, также одѣянiя и юртъ, не имѣютъ. Сiе сказано о большой половинѣ; и изъ таковыхъ то мало сыщется такихъ семей, которыхъ бы. когда не имѣютъ въ запасѣ мягкой рухляди, не можно было тремя или пятью рублями до нага окупить: и по тому они не имѣютъ ни нужды, ни житейскихъ попеченiй горестiю растворенныхъ. Нѣкоторые имѣютъ по нѣскольку, а иные до 10 смирныхъ оленей, которыхъ чрезвычайно берегутъ и рѣдко доятъ. С[illegible] люди и дѣвки ѣздятъ на нихъ верьхомъ; да на нихъ же перевозятъ и домашнiй скарбъ. Когда Тунгузы переправляются черезъ рѣки, то сабаки и олени безъ принужденiя слѣдуютъ за ними вплавь и никогда не разбѣгаются, хотя въ лѣсахъ и довольно попадается имъ дикихъ оленей, или когда и гонимы бываютъ хищными звѣрями или собаками. Для верьховой ѣзды имѣютъ они небольшiя сѣдла изъ оленьихъ ребръ, на которыя кладутъ сверьху шубу; оленей же управляютъ словами, или рукою, а рѣдко веревочкою къ рогамъ привязанною.

Для приволья въ *рыбной ловлѣ* странствуютъ во все лѣто отъ одной рѣки, озера или иныхъ какихъ водъ къ другимъ; и ходятъ при томъ на звѣриной промыселъ, когда вздумается. Для рыбной

ловли больше, нежели ради звѣринаго промыслу, живутъ въ округахъ, какія они между собою для всякаго поколѣнья опредѣлили. На воду пускаются они въ небольшихъ *лодкахъ* (Яу), состоящихъ изъ легкой деревянной основы, и такихъ же закраинъ, а обшитыхъ берестою, и при томъ такъ плотно, что вода ни какъ пройти сквозь оную не можетъ. Такія ихъ лодки въ низу нѣсколько плоски, съ обоихъ концовъ остры, длиною отъ 1½ до 3 саженъ, въ верьху шириною отъ 1½ до 2 футовъ, тяжестію иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всемъ тѣмъ довольно крѣпки, и можно на нихъ не токмо одному, но четыремъ и пяти человѣкамъ ѣздить безопасно по рѣкамъ и большимъ озерамъ, да и на самомъ Байкалѣ, далеко отъ береговъ. Веслы походятъ на лопаты; а гребутъ то тѣмъ, то другимъ. Бродники, неводы и сему подобная рыбачья снасть, имъ неизвѣстна. *Рыбу ловятъ* удами, которыя опускаютъ въ воду черезъ край идущей на греблѣ лодки, да и трехзубчатыми, желѣзными вилами (Керонки), которыхъ концы, длиною въ палецъ, имѣющіе зазубрины, отстоятъ одинъ отъ другаго на палецъ, и прикрѣплены къ удилу длиною въ сажень. Въ ночное время ложатся они съ зажженнымъ подгнѣтомъ на брюхо на утесистыхъ мѣстахъ береговъ, или разъѣжжаютъ въ своихъ лодкахъ по водѣ. Искуство ихъ столь велико, что рыба, которую запримѣтятъ и достать могутъ, рѣдко отъ вилъ ихъ уходитъ. Когда осенью бываетъ *омоли* (*) ходъ изъ Байкала въ нѣкоторыя рѣки, то дѣлаютъ они неподалеку отъ берега изъ прутьевъ сплетенную городьбу, и ставятъ въ рѣкѣ наискось, а сами стоятъ позади оной въ водѣ и выбрасываютъ на берегъ голыми руками пригоняемую къ городьбѣ по причинѣ великаго множества, и тутъ останавливающуюся рыбу.

Звѣриный же *промыселъ* производятъ различно. Они употребляютъ при томъ луки, стрѣлы, рогатины, силки, ловушки, а особливо самострѣлы, и приученыхъ къ гоньбѣ звѣрей собакъ. По причинѣ великаго множества настороженныхъ самострѣловъ не можно безъ Тунгузскаго проводника ходить или ѣздить по ихъ лѣсамъ. Провожатые же признаютъ сіи мѣста по надломленнымъ вѣтвямъ деревъ или по другимъ какимъ едва примѣтнымъ знакамъ. Поелику они ходятъ на звѣриной промыселъ обыкновенно по одиначкѣ, и при томъ смѣлы, то не мало пропадаетъ ихъ отъ не-

(*) Salmo gregarius.

щастныхъ приключенїй, паденїя съ горъ, увязыванїя ногами промежъ зыблющихся накипей, коими каменистыя горы усыпаны, также отъ быстроты рѣкъ, отъ хищныхъ звѣрей, и такъ далѣе. Ежели кто изъ звѣриныхъ промышлениковъ переломитъ себѣ ногу или увязнетъ такъ, что ни какъ самъ выбиться не можетъ; то удаленъ будучи отъ всякой помощи приближается медлительно или отъ мученїя или отъ голоду къ концу своей жизни, ежели какой нибесть хищный звѣрь не прекратитъ скорѣе его страданїя. Упражнявшїйся щастливо въ звѣриной или рыбной ловлѣ Тунгузъ принимается за содержанїе оленей; оскудѣвшїй же оленный Тунгузъ берется за звѣриный промыселъ и рыбную ловлю, либо разводитъ собакъ: но ни тотъ, ни другой не промѣняетъ лѣсовъ и горъ на чистые степи, или звѣринаго и другихъ промысловъ на скотоводство.

Степные Тунгузы находятся почти въ одной Даурїи при Ононѣ, Аргунѣ, Баргузинѣ и проч. Они имѣютъ лошадей, которые составляютъ главное богатство, рогатой скотъ, овецъ, козъ и верблюдовъ. Во всемъ своемъ хозяйствѣ и житїи, также въ юртахъ и прочемъ, уподобляются Бурятамъ, коимъ они послѣдовали, и уже во время Россїйскихъ завоеванїй жили съ ними въ сосѣдствѣ и упражнялись въ скотоводствѣ. Однакожъ они не столько заводны, какъ Буряты. Между Тунгузами не легко сыскать такого человѣка, который бы имѣлъ тысячу лошадей, пять сотъ рогатаго скота, до двухъ тысячь овецъ, около ста козъ и до пятидесяти верблюдовъ; между Бурятами же, о которыхъ буду говорить послѣ, былъ бы такой человѣкъ не въ диковину. Оскудѣвшїй степный или конный Тунгузъ служитъ своей братїи или Россїйскимъ мужикамъ изъ хлѣба и платежа за него подушнаго окладу.

Между *лѣсными Тунгузами* есть и *кузнецы*: но другихъ ремесленниковъ нѣтъ ни какихъ. Наковальня, молотъ, терпугъ, клещи, которыя они такъ какъ и самое желѣзо вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у собирающихъ подушной окладъ Козаковъ, раздувальные мѣхи изъ тюленьихъ кожъ, подобные нашимъ, не выключая и самаго мѣшечка съ угольемъ, тяжестїю вообще не больше, какъ въ полпуда: по чему всякїй кузнецъ весь свой приборъ совокупно съ припасами удобно можетъ носить съ собою подъ пазухою. Ежели гдѣ надобно ему поработать, то складываетъ въ одно мѣсто нѣсколько каменныхъ обломковъ, дѣлаетъ изъ глины для мѣ-

ховъ трубу, и куетъ, сидя на землѣ, заступы, копейца на стрѣлы, огнивы, ножи, пилы, копья, жестяныхъ идоловъ и сему подобное лучше, нежели бы подумать можно.

Женскія упражненія, сверьхъ варенія пищи, смотрѣнія задѣтьми и такъ далѣе, состоятъ въ сушеніи рыбы, выдѣлываніи кожъ, шитьѣ одѣянія, крашеніи и сему подобномъ. *Мягкую рухлядь* выдѣлываютъ изрядно; а особливо *замша* ихъ отмѣнно хороша. Налимовыя и другія рыбьи шкуры выдѣлываютъ они не хуже Обскихъ Остяковъ. Шитье ихъ и вичуры, изъ разщипанныхъ жилъ и волосу выводимыя, также крашеніе кожъ, а особливо шерсти съ бѣлыхъ козъ и лошадей снимаемой, весьма не дурны.

Юрты (Аранъ) и *домашній скарбъ* лѣсныхъ Тунгузовъ не меньше просты, какъ и самое ихъ житіе. Они составляютъ изъ 10 или и 20 жердей или колышковъ столбъ, къ верьху уже сведенный и скрѣпляющійся тамъ зубцами, на землѣ же занимающій пространства въ поперешникѣ отъ 2 до 2½ саженъ. Сію изъ колышковъ состоящую решетку покрываютъ они наметами изъ вываренной и на подобіе холста сшитой бересты. Края оныхъ обшиваютъ какъ для красы, такъ и для крѣпости полосками изъ бересты же, какъ будто тесьмою. По самой серединѣ юрты виденъ очагъ, съ котораго поднимается дымъ сквозь полую вершину юрты. Въ мѣсто дверей разодвинуты двѣ жерди подалѣе одна отъ другой, и занавѣшены неприкрѣпленнымъ берестовымъ наметомъ, которой можно или оттопыривать или поднимать въ верьхъ. Когда они откочовываютъ на другія мѣста, то решетки покидаютъ, а наметы, свернувъ въ трубку, берутъ съ собою. Таковыя ихъ юрты на взглядъ весьма недурны; но отъ стужи, какъ легко разсудить можно, худое убѣжище. Зимою ставятъ ихъ наибольше въ закрытіяхъ горъ, лѣтомъ же такъ близко къ водѣ, что въ иную не привычному человѣку страшно бы показалось и войти.

Домашній ихъ *скарбъ* состоитъ въ одномъ мѣдномъ либо чугунномъ котлѣ, въ щепяныхъ, берестовыхъ либо и кожаныхъ сосудахъ, въ платяныхъ ящикахъ, украшенныхъ кожею и шитыми вичурами, въ мѣшкахъ (Чамбуллы), колыбеляхъ, лыжахъ, саняхъ подъ собакъ, заступахъ, топорахъ, лодкахъ, снасти для звѣринаго промыслу и рыбной ловли, оружіи и прочемъ. *Заступы* ихъ длиною фута въ полтора, нѣсколько выгнуты, и обложены желѣзомъ только на концѣ. *Колыбели* суть не иное что, какъ открытые ящики изъ бересты, въ вышину почти на пядень, и обтяну-

ты кожею. Они сведены тупымъ угломъ, на подобіе креселъ; по чему перевязанное дитя сидитъ какъ будто прислонясь. А дабы голова у него не измялась, то вырѣзана на днѣ дыра. Надъ головою дитяти вѣшаютъ небольшихъ жестяныхъ идоловъ, какъ будто хранителей. Въ прочемъ можно таковую колыбель и съ дитятемъ вмѣстѣ посредствомъ ремня вѣшать въ юртахъ, на вѣтвяхъ деревъ, также прикрѣплять къ сѣдлу или и черезъ плечо перевѣшивать. Юрты и домашній скарбъ степныхъ или конныхъ Тунгузовъ подобны Бурятскимъ, которыя описаны будутъ послѣ, а послѣдній сходствуетъ отъ части съ теперь только описаннымъ.

Одѣяніе ихъ сходно наибольше съ Якутскимъ, но тѣмъ паче отмѣнно отъ одеждъ почти всѣхъ прочихъ Восточныхъ народовъ. Кожаное платье или *шубы*, которыя носятъ они на голомъ тѣлѣ, короткія *штаны* и долгіе кожаные или теплые *сапоги*, почти совершенно подобны Якутскимъ: однакожъ одѣяніе ихъ обыкновенно еще короче и уже, да и сапоги свои не такъ часто, какъ Якуты, украшаютъ черными и бѣлыми полосами изъ необдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, но изпещряютъ ихъ красивымъ шитьемъ или строченьемъ и бисеромъ. Въ штанномъ поясѣ есть снурокъ, которымъ прикрѣпляютъ они штаны къ поясницѣ; а въ переди виденъ небольшой въ пядень длиною запонъ, изъ желтой или темной выдѣланной кожи, которая отъ части всплошь, а отъ части въ низу только съ краю изрѣзана въ узенькія полоски. По елику верьхнее платье, которое въ переди стягивается снурками, не совсемъ сходится, то привѣшиваютъ они по большой части красиво выстроченной и корольками или раздувающимся крашенымъ волосомъ конскимъ или козьимъ выложенной нагрудникъ, который шириною въ верьху въ ладонь, а въ низу въ пядень, достаетъ до половины лядвей, и держится около шеи на веревочкѣ. Лѣтомъ же носятъ они платье по большой части въ разпашку и нагрудника не надѣваютъ. Благоговѣйные и суевѣрные носятъ на таковыхъ нагрудникахъ, а лѣтомъ и просто на груди, жестянаго идола, во образѣ человѣка, звѣря, птицы и проч. представленнаго и уповаютъ на его покровительство, ожидаютъ себѣ отъ него щастія въ звѣриномъ промыслѣ, и такъ далѣе. *Лѣтомъ* носятъ также многіе изъ нихъ штаны и сапоги изъ налимовыхъ и другихъ рыбьихъ шкуръ. Зимою носятъ небольшіе по икры только пущенные полусапоги изъ необдѣланной кожи съ оленьихъ или лосиныхъ ногъ, подъ которые

Тунгузъ.
Ein Tungus.
Un Toungouse.

Тунгузъ на охотѣ.
Ein Tungus im Jagd-Kleid.
Un Toungouse en habit de chaſse.

подшиваютъ копченыя подошвы. *Зимнее одѣянїе* шьется по большой части изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, но не рѣдко и изъ другихъ звѣриныхъ кожъ, которыя волосомъ обращаются на ружу, однако ни чемъ не полнѣе лѣтняго замшанаго платья. Они столько любятъ легкое, свободное и разпашистое или странное на взглядъ платье, что кромѣ волосяной бахрамы, шириною въ ладонь, около обшивки платья находящейся, пришиваютъ нерѣдко еще и къ поясницѣ большїе, пядени въ двѣ длиною, пуки изъ бѣлаго, краснаго или чернаго волосу, которыя раздуваются отъ вѣтру такъ, какъ и бахрамы. Лѣтомъ ходятъ всѣ простоволосы; а зимою носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, а особливо изъ серныхъ головъ, на которыхъ оставляютъ какъ уши, такъ и молодые рога; отъ части же надѣваютъ на голову и небольшїя скуфьѣ подобныя теплыя шапки, которыя, когда шерстью пускаются въ низъ, строчатъ волосами и разпещряютъ бисеромъ. Волосы завязываютъ лѣсные Тунгузы на затылкѣ плотно, и такъ ихъ оставляютъ не заплетая; къ завязкѣ же прикрѣпляютъ красивую корольками унизанную накладку. Оленьи Тунгузы, когда волосы коротки, часто ихъ и не перевязываютъ. У многихъ видны *на лицѣ*, какъ у Американцовъ, Гренландцовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, а именно на щекахъ, на лбу, и на подбородкѣ синими точками выведенныя *изображенїя*, представляющїя протяженїя, дуги или безпорядочные виды; тщеславные родители вышиваютъ ихъ шести и десятилѣтнимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ намоченными сперьва слюною, а по томъ около котла въ сажѣ вычерненными нитками, которыя продѣваются сквозь кожу токмо на пролетъ. Лицо крайне отъ таковаго шитья разгорается; но синїе пятнышки или точки никогда не пропадаютъ. Теперь дѣлается сїе единственно изъ пышности; а въ прежнїя времена, какъ и *Иродотъ* утверждаетъ въ разсужденїи Ѳракїянъ, означало оно героевъ. Многїе перевѣшиваютъ лѣтомъ черезъ плечо для пуганья мухъ пучокъ конскаго волосу, и при томъ носятъ при себѣ мягкую и блестящую кожу съ селезнихъ головъ, для вытиранїя оною изъ глазъ мошки.

Женщины носятъ такое же точно *платье*, какъ и мужчины, и не больше ихъ наблюдаютъ чистоту и въ разсужденїи своего тѣла. Бабъ и дѣвокъ по платью ни какъ разпознавать не можно. Бабье одѣянїе обыкновенно бываетъ нѣсколько пополняе, также по большой части красивѣе и опрятнѣе мужскаго. Нѣкоторыя носятъ около шеи узкїя решетки изъ пронизокъ, покрывающїя нѣсколько и

грудь. Иные прицепляютъ къ платью, послѣдуя обычаю Якутъ, наперстки и другія брякушки (Удинъ). Лѣтомъ носятъ многіе совсемъ изъ рыбьихъ шкурокъ, по вышеописанному порядку сдѣланное платье. Женщины трудятся надъ всемъ тѣмъ, что принадлежитъ къ одѣянію, чрезвычайно рачительно, и оказываютъ въ шитьѣ и строченьѣ большее искуство, нежели какого бы чаять можно было отъ сихъ непросвѣщенныхъ людей. Молодые, изрядно одѣтые Тунгузы и Тунгузки собою статны, миловидны, веселы, смѣлы въ поступкахъ и нарочито пригожи. Шаманы и Шаманки при совершеніи своего идолослуженія наряжаются совсемъ отмѣнно: но объ нихъ буду говорить послѣ.

Степные или конные Тунгузы живутъ и одѣваются лучше и нѣжнѣе совершенно сообразно Бурятамъ; и при томъ заплетаютъ они по Монгольскому обыкновенію волосы на макушкѣ, а въ прочемъ бреютъ всю голову.

Они *ѣдятъ* всѣхъ четвероногихъ звѣрей, не исключая и хищныхъ, также ласточекъ, мышей, словомъ сказать все безъ разбору, да и самую падальщину, когда только не съ лишкомъ воняетъ; всѣхъ птицъ и рыбъ: но змѣи, ящерицы, лягушки, насѣкомые и черви кажутся имъ гнусны. Изъ царства растѣній заимствуютъ они себѣ въ пищу разные коренья, вырываемые ими въ изобильномъ количествѣ изъ норъ водящихся въ странѣ ихъ особаго рода мышей (*), также отмѣнную свою сарану (**) комки изъ шарлыку (***), совиной стрѣлы или молочайнику (****), разныя дикорастущія ягоды, а изъ травъ больше дикіе роды прасу.

Зимній запасъ лѣсныхъ Тунгузовъ состоитъ кромѣ того что достаютъ они ежедневно на охотѣ, въ замороженныхъ, сушеныхъ на солнцѣ, или копченыхъ рыбахъ, въ мясѣ такимъ же образомъ отъ порчи сохраняемомъ, въ мерзлыхъ дикорастущихъ ягодахъ, а у оленьихъ Тунгузовъ еще и въ сырѣ. Запасъ хранятъ отъ части въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, а отъ части въ небольшихъ голубятнямъ нашимъ подобныхъ чуланахъ, которые они для безопасности отъ хищныхъ звѣрей строятъ выше земли на одну или и на двѣ сажени на лесинахъ срубленныхъ деревъ.

(*) Mus œconomicus. Pall.
(**) Lilium Martagon & pomponium.
(***) Polygon vivipar.
(****) Sangvisorba.

Тунгузъ въ охотничьемъ платьѣ съ тыла.
Ein Tungus im Jagd Kleid rückwärts.
Un Toungouse en habit de chasse par derrière.

Пищу готовятъ себѣ просто и неопрятно. Мяса какое бы ни было, отнюдь сыраго не ѣдятъ; варятъ же просто въ водѣ почти всегда безъ соли, или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянныхъ рожнахъ. Ѣства ихъ *Силло* есть не иное что, какъ мясо смѣшанное съ дикими кореньями. Кровяныя колбасы дѣлаютъ совсемъ просто, а именно: выворотя кишку, наполняютъ ее безъ всякаго чищенья кровью, а по томъ варятъ. Когда они изрубленныя потрохи вмѣстѣ съ кровью кладутъ въ кишки, то колбасы ихъ называются тогда *Нимии*. *Жиръ* и *сало* ѣдятъ изъ горсти голое безъ хлѣба и соли. *Копченое мясо* и *рыбы*, равно то и другое на солнцѣ сушеное, ѣдятъ безъ всякаго варенія. Самая мерзкая ихъ ѣства есть жареное или вареное *мѣсто роженицъ*, которое они въ первомъ случаѣ *Силамою*, а въ другомъ *Едехалою* называютъ. Отцы почитаютъ его наилучшимъ кускомъ, да и матери отвѣдываютъ; при томъ созываютъ для отвѣдыванія сей ѣствы однихъ только наивеличайшихъ друзей, къ которымъ въ семъ случаѣ не всякъ бы чужой человѣкъ пожелалъ быть причисленъ. Когда они отъ принимающихъ подать Козаковъ могутъ вымѣнить на мягкую рухлядь муку, то варятъ изъ оной жидкую соломату.

Они *пьютъ* всегда чистую воду, весною по нѣскольку березоваго соку, мясные и рыбные отвары, и вареную съ пьяною травою (*) съ серебаринными листочками, и съ шелухою кедровыхъ шишекъ, воду безъ всякой другой примѣси. Дабы слюна служила лѣтомъ къ утоленію жажды, то жуютъ листвичной клей. У лѣсныхъ Тунгузовъ, кромѣ табаку, нѣтъ въ употребленіи ничего пьянаго, да и тотъ курятъ изъ маленькихъ Китайскихъ трубокъ, перемѣшавъ съ мхомъ: по чему и бываютъ во всю жизнь свою трезвы. Охоцкія и другія Сѣверныя поколѣнья употребляютъ для веселости духа такъ, какъ Отяки и Якуты, *мухоморы*. Степные и зажиточнѣйшіе оленьи Тунгузы пьютъ лѣтомъ *перекваш енное молоко*, а первые и вино изъ молока выкуренное. *Перегонный приборъ* весьма сходствуетъ съ тѣмъ, какой у насъ употребляется. Они ставятъ на котелъ наполненной кислымъ молокомъ деревянное дупло, по серединѣ котораго находится решетчетая доска, у коей на верхней сторонѣ сдѣланы жолобочки, склоняющіеся къ боковой дупла скважинѣ. Съ наружи покрываютъ они дупло на верьху войлоками, а скважины около котла замазываютъ глиною. Поднимаю-

(*) Rhododendr. dauric.

щїеся отъ разложеннаго подъ котломъ огня сквозь решетку крѣпкїе пары, собираются въ жолобочкахъ и стекаютъ боковою скважиною, къ коей придѣлана труба проводящая ихъ въ сосудъ.

Въ *обхожденїи* они отнюдь себя не принуждаютъ. Они говорятъ не много, да и то безъ околичностей. Будучи по природѣ люди добрые, всегда веселы и рѣдко одинъ другаго обижаютъ. Прозьбъ у нихъ вовсе нѣтъ, но всякъ требуетъ того, чего желаетъ, и вѣрно получаетъ, когда только есть что дать; либо въ то же самое время слышитъ отказъ безъ огорченїя. Нѣжности вышшаго степени имъ не знакомы: однакожъ свойственна имъ какъ будто холодная, но дѣльная дружба. Они иногда и нѣсколько лѣтъ не видавшись, не здоровкаются; да и разстаются по большой части безъ прощанья, и слушаютъ безъ примѣтнаго сострадания, когда говорятъ о нещастїяхъ, да и о самой смерти ихъ друзей. До старости же дожившїе друзья увидѣвшись послѣ долговременной разлуки обнимаютъ другъ друга, и при томъ иногда такъ плотно, что въ лицѣ оба посинѣютъ; иногда же и цѣлуются. Женской полъ и у Тунгузъ гораздо чувствительнѣе мужескаго; иногда стоитъ немалаго труда воздержать молодыхъ вдовъ отъ самоубїйства, и такъ далѣе. *Ласковыя* ихъ *слова* суть слѣдующїя: дружокъ (Ника), дитетка (Ута), батюшка (Аменикаиъ), матушка (Онимиканъ), старичокъ и добринькой (Каттунъ). Употребительнѣйшїя же *ругательства* суть: воръ, бѣсъ, (Буни), проклятой (Чилкуръ). За подарки почти и не благодарятъ: но при всемъ томъ оказываются весьма услужливыми, провожаютъ своихъ благодѣтелей нѣсколько дней долѣе, и доставляютъ имъ иногда и на свой счетъ забавы, которыя въ естественномъ ихъ состоянїи почитаются наибольшими. Сколько они голодъ сносить могутъ, столько напротивъ того и ѣдятъ здорово, да при томъ безвременно. Во время ѣды сидятъ на землѣ на цыпкахъ. Кто бы ни пришелъ, всякаго угощаютъ, хотя и послѣднимъ кускомъ. Ни передъ ѣдою, ни послѣ оной не молятся. Для прогнанїя отъ себя летающей въ превеликомъ множествѣ мошки, которая крайне безпокоитъ, перевѣшиваютъ часто, кромѣ махала и селезьихъ головъ, какъ о томъ сказано выше, небольшїе горшечки, въ которыхъ курится гнилое дерево, черезъ плечо такъ, что курево сїе то въ переди, но назади виситъ, смотря по дѣлу ихъ и по вѣтру: и такъ они безпрестанно бываютъ въ дыму, отъ чего около носу нарочито смугла бываетъ у нихъ кожа.

Чистота не въ великой у нихъ чести. Они никогда не умываются, и ни какой посуды не выполаскиваютъ, но за велико считаютъ и то, когда вытрутъ овчиною, которую вытаскиваютъ иногда и изъ колыбели. Когда у себя или у детей выискиваютъ вшей, то гадину сію глотаютъ. Они не гнушаются и детскими нечистотами; сопливые ихъ носы берутъ къ себе въ ротъ, и высосавъ возгри глотаютъ; много у нихъ и другихъ таковыхъ мерзостей. У людей живущихъ столь соответственно простоте человечества, не могутъ быть наблюдаемы наши понятія о стыдливости. Дети, будучи уже и нарочито взрослы, ходятъ не редко со всемъ нагіе; да и совершеннолетніе обоихъ половъ, однако не девки, сидятъ также возле огню нагіе до половины, то есть имеютъ на себе одни только коротенькія штаны, или попрыгиваютъ въ такомъ же состояніи и вне своихъ юртъ. По привычке и по тому, что почти все взрослые женаты, обычай сей безвреденъ и не соблазнителенъ.

Лесные Тунгузы при естественномъ, трезвомъ и не натужномъ житіи своемъ не прельщаются ни деньгами, ни крушцами, выключая железо, ниже другимъ чемъ, надобнымъ намъ по житейскимъ нашимъ обрядамъ и прихотямъ. Напротивъ того детей, здоровья и старости желаютъ. Они *любятъ детей* чрезвычайно: но сіи бываютъ имъ на старости и питомцами. Однако они не плодородны: мало такихъ матерей, которыя имеютъ четверыхъ детей; а сіе произходитъ можетъ быть частію отъ суроваго житія и отъ того, что долго кормятъ детей грудью, то есть иногда и до пятаго года. Бабы ихъ родятъ легко, и начинаютъ тотъ часъ после родовъ ходить; да и откочовываютъ вместе съ мужьями, которые почитаютъ ихъ четыре недели после родовъ нечистыми. Кто ни будь изъ пріятелей нарекаетъ младенцу безъ всякихъ обрядовъ веры имя, какъ н. п. *мальчикамъ*: *Шепинга*, *Уркунду*, *Лачичка*, *Атунга*. и такъ далее; а *девкамъ*: *Аланмуръ*, *Оіокъ*. *Тунгитби* и проч. Младенцы лежатъ въ колыбеляхъ нагіе, и обсыпаны во кругъ изтертымъ гнилымъ деревомъ: покрываютъ же ихъ шубнымъ лоскутомъ.

Многоженство у нихъ не запрещено, и многіе имеютъ женъ по пяти, однакожъ больше такихъ, у которыхъ по одной только жене. По елику всякъ старается, какъ можно скорее, завестись своимъ хозяйствомъ; то сочетаніе для обоихъ половъ нужно, и совершается въ весьма молодыхъ летахъ; по чему пятнадцатилетніе

мужи и двенадцатилѣтнія бабы и вдовы у нихъ нерѣдки. Невѣстъ они выкупаютъ. Степные и конные Тунгузы даютъ *за невѣсту выкупу* (Шурунъ) отъ 20 до 200 всякаго скота; оленій Тунгузъ даетъ отъ одного до 20 оленей; рыболовствующій Тунгузъ платитъ за избраннаго своего тестя года по 2, по 3 и больше подушной окладъ. Приданое (Иши) равняется почти противу четвертой доли выкупу; невѣста же даритъ отъ себя жениха платьемъ, которое служитъ свидѣтельствомъ въ разсужденіи искуства ея въ выдѣлываніи кожъ и шитьѣ. По исполненіи рядной начинаютъ женихъ и невѣста спать вмѣстѣ, безъ предварительныхъ торжественныхъ обрядовъ; когда же они переходятъ жить въ новую юрту, то бываетъ празднество. Конные Тунгузы ѣдятъ при томъ съ друзьями своими и пріятелями лошадь, оленьи оленя, а рыболовствующіе дикаго звѣря, какого къ сему случаю убить удастся какъ н. п. волка или лисицу. Въ случаѣ же неудачи въ звѣриномъ промыслѣ убиваютъ собаку; по крайней мѣрѣ даетъ обѣщаніе поднять таковой столъ жениховъ отецъ или свекоръ.

Увеселенія ихъ при брачныхъ поѣздахъ и въ праздники состоятъ въ повѣствованіи вымышленныхъ приключеній, которыя они иногда и воспѣваютъ въ пѣсняхъ, о звѣриномъ промыслѣ, о любви и проч. въ пляскѣ по досчатой скрыпкѣ (Куръ) о трехъ струнахъ; мужчины же забавляются наибольше бѣганьемъ въ запуски, выпереживаніемъ на лошадяхъ, и стрѣляньемъ изъ луковъ.

Болѣзней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собственныхъ и вовсе нѣтъ: однакожъ рѣдко кто и у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Старики лѣтъ въ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рдѣніе глазъ отъ дыму, и цынга отъ непрывычки къ спокойному житью, суть обыкновенныя тягости въ старости. Нѣсколько кратъ, да и за тридцать лѣтъ предъ симъ, весьма пагубна для нихъ была оспа. Идолослужители ихъ суть совокупно и врачи; стараются же пособить домашнимъ лѣкарствомъ, приношеніемъ жертвы и волшебствомъ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ одѣяніи, и надѣляютъ ихъ табашною и другою надобностью; мужчинамъ же даютъ и оружіе. Когда отъ покойника не было особливаго завѣщанія, то погребаютъ его тамъ, гдѣ умеръ; Шаманы и другіе хотятъ истлѣть на чистомъ воздухѣ, по чему и покрываютъ ихъ только камнями и хворостомъ, у первыхъ же вѣшаютъ еще и барабанъ; нѣкоторые, напротивъ того, желаютъ преданы быть погребенію или возлѣ род-

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ сзади.
Ein Tungusischer Schamann am Argun Fluss rückwarts.
Devin toungouse auprès de l'Argoun par derrière.

ственниковъ или возлѣ какого ни есть любимаго дерева. Похороны отправляютъ пріятели безъ всякихъ обрядовъ; а потомъ одинъ послѣ другаго потчуютъ покойника, ставя на могилу его пищу и питье: и сїе называется у нихъ *Шитуралъ*.

Законъ содержатъ *языческой* по *Шаманскому толкованїю*. Верьховное или всеобщее божество называютъ *Боа*, дїавола *Буги*, а идолослужителей и волшебниковъ *Шаманами*.

ВОСТОЧНЫЕ СИБИРСКІЕ НАРОДЫ.

Ближайшая къ Сѣверу матерая земля Сибири извѣстна стала Россіянамъ въ послѣдней половинѣ шестаго надесять столѣтія, и завоеваніе оной по причинѣ отдаленности, суровости мѣстъ и дикости тамошнихъ жителей, не могло произходить иначе, какъ токмо медлительно. По 1690 годѣ извѣстна была Камчатка по одному только слуху; занятіе же оной воспослѣдовало въ 1696 году. Въ 1710 году найдены Курильскіе острова. Въ 1727 году воспріяло начало свое Камчатское морское путешествіе подъ предводительствомъ *Беринга*, продолжавшееся до 1741 года. Во время онаго Восточные, а отъ части и Сѣверные берега Сибири, острова на морѣ между Сибирью и Америкою, а особливо Курильскіе, также Японія, да и самая матерая земля Америки, отъ части ближе опредѣлены, отъ части открыты, отъ части же и посѣщаемы были. По томъ бывали въ мѣстахъ сихъ и на островахъ Россійскіе промышленики, Козаки и Купцы, а въ послѣднія времена доѣзжалъ до нихъ Капитанъ Берингъ, и мало по малу обложены нѣкоторые подушнымъ сборомъ. Чуцкой мысъ, называемой и Шелатскимъ, и вообще Анадырская страна, прежде Камчатки стала извѣстна, и въ 1738 году и послѣ по большой части войскомъ состоявшимъ подъ предводительствомъ Маіора *Павлуцкаго* пройдена и завоевана: но дикіе тамошніе жители не всѣ пребыли въ повиновеніи.

Тѣ же самыя обстоятельства, которыя противуполагали препоны завоеванію и удержанію сихъ странъ, препятствовали и пріобрѣтенію точнаго объ нихъ свѣденія, по елику они по большой части не виданы были испытателями никогда. Все знаніе объ нихъ основано на изустныхъ преданіяхъ, которыя однакожъ въ отношеніи къ народамъ сихъ странъ, по елику устроенія ихъ и странные въ житіи обряды и самимъ воинамъ и купцамъ гораздо примѣтнѣе, нежели качество холодной, суровой и къ житію Европейцовъ почти вовсе неспособной земли, не столько не совершенны, какъ въ разсужденіи онаго естественнаго состоянія. *Стеллеръ*, *Крашенинниковъ* и *Миллеръ*, всѣ трое члены здѣшней Санктпетербургской Академіи Наукъ, а особливо Кавалеръ Палласъ сообщили объ нихъ наипространнѣйшія и лучшія извѣстія: однако и разныхъ неученыхъ путешественниковъ сказки о томъ вѣрны и полезны. Я почерпну и внесу сюда изъ таковыхъ извѣстій все то, что до предмѣта моего касается.

Между сими народами *Юкагиры* съ *Якутами*, *Чукчи* съ Сѣвернѣйшими *островскими жителями*, *Камчадалы* съ нѣкоторыми *Курильцами* и Восточными островскими жителями, въ языкѣ и житїи нарочито сходствуютъ, а *Коряки* составляютъ какъ будто бы межоумокъ между Чуцкими и Камчадальскими народами. Но у всѣхъ столь великая разность въ языкѣ, житїи, нравахъ и прочемъ, что и сходства почти не примѣтно: по чему безъ точнѣйшихъ до произхожденїя ихъ касающихся извѣстїй или рачительныхъ испытанїй не можно ни чего положительно сказать о ихъ единоплеменствѣ и породѣ относительно къ ихъ предкамъ. Я же по намѣренїю моему, касающемуся до нынѣшняго ихъ состоянїя, описываю ихъ здѣсь по порядку подъ именемъ *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ* больше въ разсужденїи ихъ смежности, нежели по статимому древнему ихъ единородству.

ЮКАГИРЫ.

Юкагиры и нынѣ еще нарочито знатный народъ, кочующей въ ближайшихъ къ Сѣверу Якутскихъ мѣстахъ и около самаго Ледовитаго моря, въ Восточной сторонѣ *Лены*, отъ *Ямы* до самой *Колымы*.

Они, по народной молвѣ, почти столь же давно, какъ и Якуты, извѣстны были Россійскимъ завоевателямъ Сибири: но какъ они жили въ ближайшихъ къ Сѣверу, въ суровѣйшихъ и непроходимыхъ странахъ, то первые Юкагиры не прежде, какъ въ 1639 году начали платить подушный окладъ: чему противились и вооруженною рукою. Лошади совсемъ имъ были неизвѣстны: у Якутъ напротивъ того оныя попадаются. И по тому думать надобно, что они издавна уже живутъ въ сихъ холодныхъ, болотистыхъ и гористыхъ мѣстахъ.

Нынѣ кочуетъ при нижней *Ямѣ* пять Юкагирскихъ колѣнъ, платящихъ подушный окладъ за 287 душъ въ *Устьямское Зимовье*, которое отстоитъ отъ Якуцка на 1184 версты къ Сѣверу. При нижней *Индигиркѣ* и *Алазеѣ*, вышедшихъ изъ Ледовитаго моря рѣкахъ, около *Удядинскаго Зимовья* кочуютъ четыре поколѣнья, которыя приписаны къ *Алазейскому Зимовью*, отстоящему отъ Якуцка на 1369 верстъ въ Сѣверосѣверовосточную сторону. При нижней *Колымѣ* живетъ 20 колѣнъ, изъ коихъ семь называются Юкагирами и состоятъ изъ 677 душъ. Они отдаютъ подушной окладъ въ зимовьяхъ при Колымѣ, изъ коихъ нижнее лежитъ въ 1914 верстахъ отъ Якуцка въ Сѣверовосточную сторону во 100 верстахъ выше устья Колымы, впадающей въ Ледовитое море. Весь народъ платитъ подать за 964 души. Но ихъ въ пустыняхъ такъ трудно отыскивать, что число непереписанныхъ мужчинъ, также женъ и дѣтей, по крайней мѣрѣ вчетверо превозходитъ, въ отношеніи ко всему народу, помянутое количество.

Въ разсужденіи *вида* и употребительныхъ у нихъ обрядовъ походятъ они на *Якутъ*, въ житіи же сходствуютъ съ *Семоядью*. *Одѣяніе* ихъ такимъ же образомъ составлено. Въ *языкѣ* ихъ много Якутскихъ словъ, но отнюдь не столько, чтобы можно было почесть его Якутскимъ нарѣчіемъ; ни они Якутъ, ни сіи ихъ никакъ не разумѣютъ. Идолослуженіе ихъ сходствуетъ съ Якутскимъ. Они кажутся быть особымъ и отдѣленнымъ народомъ еще и по то-

му, что живутъ совсемъ отщетясь и не имѣя ни какого обращенія съ другими народами.

Они *кочуютъ*, какъ и Якуты, въ юртахъ и заимствуютъ себѣ пропитаніе отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли и содержанія оленей. Нѣкоторое поколѣнье, которое Коряки называютъ *Анпялани*, имѣетъ, какъ слышно, всплошь пѣгихъ оленей. *Ѣствы* у нихъ такія же, какъ и у Якутъ.

Они *любятъ* больше, нежели другіе Сѣверные жители, *упоеніе* и бреженье, и употребляютъ на такой конецъ *табакъ* да *мухоморы*, по примѣру другихъ Сѣверныхъ Сибиряковъ. Они ѣдятъ не только отъ одного до четырехъ мухоморовъ, но и, какъ повѣствуетъ *Стеллеръ*, почитаютъ и мочу упившихся къ произведенію таковаго же дѣйствія способною: по чему оную и сберегаютъ. Отъ употребленія мухоморовъ не примѣтно сильнаго въ крови волненія: но въ нервахъ производятъ они столь великое дѣйствіе, что нѣкоторые во время бреженья безпрестанно трясутся. Какъ Юкагирскіе, такъ и Тунгузоламутскіе Шаманы принимаютъ всегда передъ своимъ упоеніемъ по доброму глотку таковой мочи. Въ прочемъ бываютъ такіе упійцы на старости глупы. Во время упоенія думаютъ про себя, что они люди большіе, толстые и богатые: иные поютъ также лежа на спинѣ красивыя пѣсни о любви или звѣриномъ промыслѣ; другіе мелютъ пустошь о будущемъ, и такъ далѣе. Будучи въ наивеличайшемъ упоеніи кричатъ и шумятъ, пока не уснутъ. Инымъ совсемъ не можно употреблять мухоморовъ, по тому, что послѣ оныхъ сами на себя остервеняются. Таковое дѣйствіе производятъ они, какъ слышно, и всегда, когда кто въ упоеніи коснется женскаго пола; по чему трезвые и отвращаютъ отъ того упоенныхъ.

КАМЧАДАЛЫ.

Полуостровъ *Камчатку* составляетъ каменистый и безплодный хребетъ горъ, простирающійся отъ матерой земли Коряковъ между Восточнымъ моремъ, также Пенжинскимъ морскимъ заливомъ и Охоцкимъ моремъ въ Южной сторонѣ, на Западъ, и въ кряжѣ Курильскихъ острововъ на многихъ мѣстахъ моря до самой Японіи продолжается. Сія земля, находящаяся между 51 и 62 степенемъ Сѣверной широты, не столько по Сѣверному, сколько по Восточному своему положенію, которое по новѣйшей картѣ находится подъ 174 степенемъ, и по причинѣ каменистой подошвы, холодныхъ ключей, недостатка въ плодородной землѣ, и дѣйствія стужи особливо лѣтомъ, крайне неспособна ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства; она едва можетъ быть обитаема привыкшими къ Европейскому житію людьми, и по справедливости почитается наисуровѣйшимъ мѣстомъ обширной Россійской Имперіи. Небольшое число Россійскихъ усадьбъ на семъ полуостровѣ составляютъ остроги; да и тѣ разсѣяны, смотря по тому, какъ требуетъ того надзираніе за Камчадалами, ссылочными людьми и торгами, и стоятъ казнѣ не дешево. При всемъ томъ суровыя сіи горы, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли искони коренныхъ жителей, а именно *Коряковъ* въ Сѣверной сторонѣ къ матерой землѣ, и *Камчадаловъ*, живущихъ на лежащемъ ближе къ Югу полуостровѣ. О *Корякахъ* буду говорить послѣ, а теперь опишу *Камчадаловъ*.

Камчадалы называются сами *Ительменами*, т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ Камчаткою по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной его сторонѣ, а сія получила наименованіе свое конечно отъ прозванія храбраго Ительмена *Кончата*, жившаго при оной.

Произхожденіе ихъ по недостатку въ бытійственныхъ свѣденіяхъ и по причинѣ собственнаго ихъ незнанія въ разсужденіи бывшихъ прежде съ ними перемѣнъ, сомнительно. По языку, виду и житію кажутся они особливымъ, съ нѣкоторыми жителями ихъ морей единоплеменнымъ народомъ. Кромѣ Коряковъ, нѣкоторыхъ островскихъ жителей, а нынѣ и Россіянъ, не извѣстны имъ никакіе другіе народы. Домашнія ихъ надобности совсемъ отмѣнны отъ скарбу другихъ народовъ, и столико просты, колико не велики собственныя ихъ нужды, подавшія имъ поводъ къ изобрѣтенію оныхъ.

Не меньше отмѣнно и самое ихъ житіе. Все сіе свидѣтельствуетъ, что они искони владѣютъ своими мѣстами.

Они *раздѣляются* и *называются* по рѣчкамъ, при которыхъ живутъ, и отъ коихъ рѣдко переселяются къ другимъ. Ради удобности въ собираніи подати и смотрѣніи за ними приписаны они къ разнымъ острогамъ. Къ *Большерецкому острогу* принадлежало въ 1760 году 1196 записныхъ душъ, которыя живутъ въ 22 острожкахъ. Къ Верьхнему и Нижнему *Камчатскому острогу* причислено 25 острожковъ, а душъ 938; къ *Тагильскому* же *острогу* 26 острожковъ, а душъ 940. Ежели въ разсужденіи неточнаго счисленія, также женщинъ и дѣтей, положить число душъ противу вышеписаннаго въ трое или и въ четверо; то количество народа будетъ при всемъ томъ для толико обширной страны весьма малое, и тѣмъ паче, что въ разсужденіи ближайшихъ къ Сѣверу остроговъ положены въ счетъ и принадлежащіе къ нимъ Коряки. При томъ же и оспа въ 1768 и 69 годахъ, слѣдовательно нѣсколькими лѣтами позже переписи, великое ихъ множество переморила.

Камчадалы обыкновенно *росту малаго*, широкоплечи, головасты; лицо у нихъ продолговатое и нѣсколько плоское, носъ низменный, глаза маленькіе, губы тонки, ноги коротки, бороды не велики. Они весьма нечувствительны ко всякимъ перемѣнамъ погоды и жизни; на ногахъ же крѣпки и ходятъ скоро. У *женщинъ* въ лицѣ кожа тонкая и смуглая; глаза и брови черныя, руки и ноги тонкія; да они и вообще статны.

Народъ сей имѣетъ *воображеніе проницательное* и память добрую, да при томъ чрезвычайную склонность и способность къ подражанію. Пѣсни ихъ и сказки преисполнены остроумными и забавными вымыслами. Что бы ни увидѣли, все поддѣлаютъ, и умѣютъ наипаче передразнивать иностранцовъ въ разсужденіи рѣчей и помаваній. Прародительскіе обычаи не строго наблюдаютъ; но какъ они никогда почти не разсуждаютъ, отъ содѣланныхъ прежде злодѣяній ни кѣмъ не предостерегаются, не думаютъ ни мало о слѣдствіяхъ или предбудущемъ, и такъ далѣе, то больше послѣдуютъ худымъ, нежели добрымъ примѣрамъ, и развращаются. Они чрезвычайно любопытны: по чему сны и толкованія оныхъ много дѣлаютъ имъ хлопотъ. Главная ихъ страсть похоть и веселость, которой рѣдко не сотовариществуетъ безпечность и

безпристрастіе къ прочимъ пріятностямъ житейскимъ, да и къ самой жизни. Бѣдность ихъ не тревожитъ; на звѣриной промыселъ ходятъ для утоленія единственно голоду, и при томъ удаляются отъ хижинъ своихъ не далѣе, какъ на такое пространство, чтобы можно было возвратиться къ бабамъ ночевать. Не нѣжность вкуса, но изобиліе въ пищѣ и хмель напитковъ, ихъ прельщаетъ. Они завидуютъ блаженству своихъ предковъ, которые жили въ такія времена, что бродили въ хижинахъ по самыя ладышки въ помояхъ, а нынѣ де и подошва едва подмокнетъ. Въ похоти скоту подобны; и по тому мужчины, вопреки обыкновенію Восточныхъ народовъ, добровольно раболѣпствуютъ женамъ. Не меньше любострастенъ и женскій полъ, который полюбовниками своими не только хвалится и допущаетъ иностранцовъ награждать себя за всѣ услуги удовлетвореніемъ ихъ похоти, но и употребляетъ неестественныя угожденія страсти. *Стеллеръ*, жившій долго въ Камчаткѣ, почитаетъ причиною таковой ихъ неутолимой похоти ежедневное яденіе почти гнилой рыбы, икры, сала, разныхъ родовъ луку, и сверьхъ того праздность.

О *чести* и *стыдѣ* не опредѣленныя имѣютъ они понятія: и потому отъ суровыхъ поступокъ больше, нежели отъ ласковыхъ, становятся вѣжливѣе, услужливѣе и меньше плутоваты. *Одна похоть* да *раздолье въ житии* возбуждаютъ въ нихъ зависть: и потому крадутъ токмо женъ да собакъ: но за таковыя покражи бывали между ими прежде не рѣдко и войны. Они крайне *боязливы*, мстятъ только сокровенно, и приходятъ въ отчаяніе и отъ самой малой опасности; не уповая на грядущую жизнь, бываютъ склонны отвращать зло настоящее, хотя въ прочемъ и суемысленное, самоубійствомъ. Не только осужденные на казнь, но и негодующіе, предпочитаютъ смерть горестной жизни или сопряженному съ казнію болѣзнованію. Устарѣлые и изувѣченные Камчадалы еще склоннѣе, нежели древніе Сѣверные народы, которые стариковъ своихъ побивали, поднимать на самихъ себя руки. Болѣзненныхъ страданій сносить не могутъ. Когда родятся близнецы, то охотно одного изъ нихъ убиваютъ. То же дѣлаютъ и съ уродами. Беременныя женщины, которыя много имѣютъ дѣтей, или чувствуютъ себѣ отъ нихъ помѣху въ неистовстве своей страсти, изводятъ ихъ умышленно, и такъ далѣе. Смерть же, хотя и мучительную, сносятъ злодѣи и больные весьма спокойно.

У Камчадалъ нѣтъ ни грамоти, ни заручительныхъ знаковъ, ни ученія, ниже иныхъ какихъ знаній, кромѣ тѣхъ, къ какимъ руководствуютъ необширныя ихъ дѣла и природа. Они имѣютъ собственной *языкъ*, котораго корень походитъ на отрасль Монгальскаго языка, и которому трудно учиться по тому наипаче, что они названія вещей внѣ области ихъ находящихся не заимствуютъ изъ другихъ языковъ, но сами выдумываютъ, сообразуясь природѣ или обстоятельствамъ, по которымъ они имъ попадаются. Они такъ, какъ и мы, *считаютъ* до десяти, а по томъ повторяютъ. По большой части и на первомъ десяткѣ берутъ уже на помощь пальцы. Неизчислимость изъявляютъ они чрезъ сжиманіе пальцовъ, или тѣмъ, что хватаются за волосы.

Лѣтній годъ состоитъ изъ лѣтняго и зимняго годовъ, которые они раздѣляютъ по луннымъ теченіямъ (Тава), а сіи называютъ по естественнымъ явленіямъ, какъ н. п. *кокушкинъ мѣсяцъ* (Конкуачъ), когда начинаетъ кричать кокушка, и такъ далѣе. Дней не считаютъ. Годы числятъ по новѣйшимъ и важнымъ для нихъ приключеніямъ, какъ то по бывшимъ мятежамъ, по свирѣпствованію оспы, и такъ далѣе.

Союзъ наблюдаютъ между собою *по семьямъ*. Всякое семейство живетъ въ особомъ острожкѣ при какомъ ни будь ручьѣ или рѣчкѣ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ хозяйствъ. Молодые поселяются въ тѣхъ острожкахъ, гдѣ женятся. Большой острожокъ раздѣляется на части, но все при томъ же ручьѣ или рѣчкѣ. Старѣйшій или коренный острожокъ пользуется нѣкоторыми преимуществами по тому, что въ немъ жилъ сынъ родоначальника Камчадаловъ и божества ихъ *Кутки*. Старшинѣ острожка оказывается нѣкоторое, однакожъ малое, повиновеніе. Они наказываютъ только воровъ да убійцъ, первыхъ тѣмъ, что прижигаютъ у нихъ пальцы, по чему ихъ признаютъ и презираютъ; послѣднихъ же выдаютъ обиженнымъ, которые часто поступаютъ съ ними жестоко.

Въ прежнія времена бывала часто между нѣсколькими острожками, наипаче изъ похищенія женъ, междоусобная *брань*, по случаю которой произошли небольшіе владѣльцы (Тоіонъ), которые противниковъ побивали, а женъ, собакъ и имѣніе брали себѣ въ добычу. А особливо воевали они часто Коряковъ, и иногда выигрывали, а иногда и сами побѣждаемы были. Они никогда не осмѣливались завѣдомо вступить съ неприятелями своими въ сраженіе, но такъ, какъ во время мятежей бываетъ, нападали на нихъ не-

чаянно въ ихъ жилищахъ или выманивали ихъ изъ выгодныхъ мѣстъ. Въ острожкѣ, на которой бывало такое нападенїе, кололи иногда мужья своихъ женъ, а по томъ боясь горшей участи, и самихъ себя. Собственныя ихъ *оружїя* суть лукъ, стрѣлы и копья съ завострѣнными костьми, да сверьхъ того дубины.

Нынѣшнее ихъ *устроенїе*, которое таковыхъ междоусобныхъ браней не терпитъ, такое же, какъ и у большой половины прочихъ Сибирскихъ народовъ. Они состоятъ подъ смотрѣнїемъ Россїйскихъ начальниковъ, и даютъ заложниковъ или аманатовъ. *Подать* ихъ состоитъ въ одномъ соболѣ съ души, въ мѣсто котораго принимаютъ отъ нихъ такъ же въ казну и другую мягкую рухлядь, либо и сладкую траву, инако Сибирскимъ борщомъ (*) называемую для куренїя вина.

Они живали всегда такъ, какъ и нынѣ, въ *одномѣстныхъ селитьбахъ*, которыя укрѣпляли прежде земляными или и каменными стѣнами, либо палисадами: по чему и названы оныя отъ Россїянъ острожками; да и нынѣ такъ же называются, хотя укрѣплять и запрещено. Останковъ прежнихъ деревень такое у нихъ множество, что должно думать, что Камчадалы были прежде нѣсколько кратъ многолюднѣе нынѣшняго. Всякїй хозяинъ обще съ домочадцами своими имѣетъ по одной зимней и лѣтней юртѣ. *Зимнїя хижины* вырываются подобно четвероугольнику въ землѣ, глубиною отъ 3 до 5 футовъ, обносятся палисадами и имѣютъ плоскїя стропилы, покрываемыя хворостомъ, сѣномъ и землею. Входомъ служитъ отверстїе, сквозь которое по подрубленному ступенчато бревну въ низъ опускаются и въ верьхъ вылѣзаютъ, и которое такъ, какъ и другое насупротивъ сего отверстїе для выходу дыму и проходу воздуха, служитъ и вмѣсто окна. *Лѣтнїя хижины* (Пемъ) объ нѣсколькихъ углахъ или круглы, и подобно нашимъ голубятнямъ стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ, вышиною отъ земли сажени на двѣ. Столбы нѣсколько одинъ къ другому понаклонились, по чему хижина подобна видомъ кеглю. Стѣны и потолокъ деревянныя; кроютъ же длинною травою. Поелику хижины не велики, то стоятъ по нѣскольку рядомъ и соединены между собою доскою, служащею въ мѣсто перехода. Вѣтръ по большой части таскаетъ ихъ не мало. Подъ таковыми же хижинами, которыя по причинѣ топкой земли нужны, привязываются собаки.

(*) Heracleum Sibiricum. L.

Хозяйство у нихъ чрезвычайно бѣдное. Въ зимнихъ хижинахъ отдѣлены спальныя мѣста жердями. Въ мѣсто постели служитъ сдѣланная изъ травы рогожа. *Лодки* ихъ (Коачтата) и ладьи (Байдара) устроены изъ дерева и рыбьей кости. *Собачьи санки* такъ, какъ у Остяковъ и Тунгузъ, узки, длинны, легки съ подобнымъ ящику коробомъ. *Лыжи* ихъ такія же, какъ и другихъ Сѣверныхъ обывателей. *Мѣшки* дѣлаютъ изъ кишокъ большихъ морскихъ звѣрей; а *сосуды* изъ дерева и бересты. Въ старыя времена точили они себѣ топоры и ножи изъ камней, въ мѣсто иголокъ употребляли рыбныя кости, и такъ далѣе. Нынѣ же имѣютъ порядочные котлы, топоры, ножи, иные лакированные Японскіе либо и крушцовые сосуды, булавки и сему подобное.

Стрялуція, да *логреба* ведутся у нихъ больше по старинному обыкновенію. Они по примѣру Тунгузъ и другихъ язычниковъ, *ѣдятъ* всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ: однакожъ не только ящерицъ и проч. но такъ же собакъ и мышей ѣсть не любятъ. Мертвые киты, тюлени и другіе морскіе звѣри кажутся имъ отмѣнно вкусны. Дикое коренье и всякіе плоды употребляютъ такъ, какъ и нѣкоторыя травы не только лѣтомъ, но и зимою въ пищу. Рыбу, мясо и коренье сушатъ на солнцѣ въ прокъ на зиму. Поелику у нихъ нѣтъ скотоводства, то они не столько, какъ скотоводствующіе народы, имѣютъ и поводу ѣсть падальщину. Приуготовленіе пищи странное и мерзкое. Весною ѣдятъ внутреннюю березовую и ивовую кору, которую изрубивши мѣшаютъ съ икрою. Калъ ихъ походитъ въ сіе время на гущу кожевеннаго квасу. *Солега* варится изъ дикихъ плодовъ, коренья и сладкой травы, вмѣстѣ съ саломъ или жиромъ. *Јокала* есть не иное что, какъ сушеныя на солнцѣ рыбьи спинки, которыя не варя ѣдятъ. *Икру* сушатъ на солнцѣ же въ прокъ. *Чуприками* называютъ они крѣпко копченыя и почти прожареныя, а *Гурготами* такія рыбы, которыя въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ перегнили такъ, что ихъ оттуда черпаютъ. Они воняютъ чрезвычайно, но при всемъ томъ Камчадальскому вкусу не противны. *Соль* мало у нихъ употребляется, а хлѣбъ и вовсе имъ не знакомъ.

Обыкновенное ихъ *питье* чистая вода, весною березовый сокъ, а лучшее уваръ изъ полушечной травы или луговаго чаю, мяса и рыбьей шелухи. Для *упоенія*, которое мужчины крайне любятъ, женщины же напротивъ того жалуютъ трезвыя увеселенія и иногда не упиваются, употребляли прежде одни только *мухоморы*, о

которыхъ упомянуто такъ же при описанïи Остяковъ и Юкатиръ, и которыя пьютъ Камчадалы съ уваромъ изъ листочковъ помянутаго луговаго чаю. Нынѣ же курятъ на такой конецъ *табакъ* и достаютъ отъ Козаковъ выдуманное ими вино изъ сладкой травы и раздавленныхъ плодовъ куренное.

Старинное *одѣянïе* обоихъ половъ во многомъ отмѣнно отъ нынѣшняго, по тому что они къ собственной своей одежѣ присовокупили много чужаго. *Камчадалъ одѣтый по прародительски* ходитъ въ хижинѣ, (а прежде ходили они такъ же лѣтомъ на звѣриной рыбной промыселъ) препоясавшись кожанымъ изрядно вышитымъ поясомъ, безъ штановъ; въ переди виситъ сумка, а назади кожаной запонъ, по голому тѣлу; и слѣдовательно онъ почти нагой. Нынѣ же носятъ они подъ поясомъ рубахи. *Штановъ* надѣваютъ теперь по двое, которыя шьются по кости и завязываются подъ колѣнками; нижнïя или такъ сказать портки дѣлаются изъ выдѣланной кожи, а верьхнïя, кои достаютъ да самыхъ пятъ, изъ мягкой рухляди, которую волосомъ пускаютъ къ верьху. Ноги обвертывали они прежде травою, или носили и сапоги на голой ногѣ; нынѣ же есть у нѣкоторыхъ и чулки. *Обувь* дѣлаютъ изъ тюленныхъ либо и оленьихъ кожъ, пуская шерстью на ружу, или изъ рыбьихъ шкуръ; праздничную же изъ разныхъ кожаныхъ лоскутковъ и крашеной гладкой кожи составляютъ и красиво строчатъ: та и другая привязывается около ладыжекъ. *Верьхнее одѣянïе* состоитъ въ двоякихъ шубахъ, которыя они прежде носили на голомъ тѣлѣ, нынѣ же надѣваютъ подъ нихъ рубахи изъ холста, китайки, камки или шелковой матерïи: всѣ сïи товары покупаютъ у Россïянъ. *У нижнихъ шубъ*, которыя они почти одни только надѣваютъ, и кои называются у нихъ *парками*, есть въ верьху такой точно, какой бываетъ у рубахъ, воротъ, сквозь которой едва проходитъ голова. Рукава и полы по колѣна. Шубы сïи дѣлаются изъ оленьихъ или тюленьихъ кожъ, выкрашенныхъ съ нутренной или закожной стороны ольховою корою въ темной цвѣтъ; въ подолѣ разпещрены по Тунгузскому обыкновенïю красивымъ шитьемъ и обложены не только бахрамою, но и долгими волосяными пучками. Они носятъ ихъ на обѣ стороны, однакожъ больше волосомъ къ тѣлу. *Верьхняя шуба* (Кукланка) подобна такъ же рубахѣ, токмо разпашная въ верьху и въ низу; дѣлается же изъ оленьихъ, а больше изъ собачьихъ кожъ. Она полнѣе нижней шубы или *Парки*, и достаетъ до самыхъ ладыжекъ. Около воротника видна кос-

Камчадалъ въ зимнемъ платьѣ.
Ein Kamtschadal im Winter-Kleide.
Un Kamtchadale en habit d'hiver.

Камчадалка въ простомъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau in gewöhnlicher Kleidung.
Une Kamtchadale en habit ordinaire.

матая собачья шерсть, и такъ же, какъ въ подолѣ и около рукавовъ, широкой опороченной или вичурами разпестренной, всегда бахрамою обшитой рубецъ, да сверьхъ того во многихъ мѣстахъ прикрѣпленные волосяные пучки, дабы тѣмъ страннѣе казалась шуба ихъ взору. На зади виситъ теплая сумка, для надѣванія, по примѣру Ушяковъ, на голову. Въ переди же держится лоскутъ собачьей кожи, которымъ покрываютъ ночью лицо. Все вообще кожаное обращаютъ шерстью на ружу. Голову покрывали въ прежнія времена зимою *шапкою* изъ птичьихъ перьевъ или и изъ мягкой рухляди, либо ремнемъ, отъ котораго висѣли въ низъ лоскутья какого нибудь мѣху; а лѣтомъ *заслоночною шляпою* изъ дерева, коры или перьевъ, по примѣру Американцовъ на находящейся отъ Камчатки къ Востоку матерой землѣ. Нынѣ же носятъ многіе Рускія шапки.

Женщины ходятъ въ штанахъ, (а нынѣ сверьхъ того въ рубахахъ и чулкахъ) въ башмакахъ, сапогахъ, паркахъ и Кукланкахъ, подобныхъ мужескимъ. У *Кукланокъ* ихъ виситъ на зади хвостъ. Они обыкновенно оторачиваютъ ихъ дорогою мягкою рухлядью и разпещряютъ красивыми вичурами; носятъ же на обѣ стороны. Рукавицъ и ночью не скидываютъ. *Дѣвки* заплетали прежде волосы, по примѣру Татарокъ, въ нѣсколько маленькихъ косъ, которыя кругомъ затылка висѣли; нынѣ же разчесавши волосы, заплетаютъ на затылкѣ въ одну косу, которую украшаютъ лентами, корольками и прочимъ, и носятъ головную повязку. *Бабы* заплетали такъ же волосы въ нѣсколько косъ, которыхъ концы сводили вмѣстѣ въ одну главную косу, и увеличивали сію накладными волосами. Нынѣ же повязываютъ голову платкомъ, или надѣваютъ Рускіе кокошники. Около шеи носили въ старыя времена ремень съ разными брякушками, а нынѣ съ пронизками.

Теперь многіе, когда захотятъ пощеголять, наряжаются совсемъ по Руски, мужчины въ цвѣтные суконные кафтаны, кои нерѣдко бываютъ и съ пуговками, въ сапоги и проч; бабы же въ шелковыя рубахи съ манжетами, въ сарафаны, туфли, шелковые платки, и проч. Такой нарядъ стоитъ мужу и его семьѣ въ Камчаткѣ около 100 соболей или лисицъ. Въ старину никогда они не умывались; нынѣ же многія женьщины уже бѣлятся гнилымъ деревомъ и пережженою слюдою, и румянятся особою морскою травою и жиромъ.

Мужчины препровождаютъ большую часть времени въ безпечной и похотливой праздности. Въ прочемъ же *упражняются* въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да сверьхъ того въ домашнихъ подѣлкахъ. *Звѣриный промыселъ*, который надѣлялъ ихъ соболями, лисицами и всякою дичью, становится отъ часу хуже; одному человѣку надобно прилежно потрудиться, чтобы промыслить въ зиму лисицъ до десяти и такъ далѣе. Въ *рыбной ловлѣ*, при которой употребляютъ свои суденышки, неводы изъ кропивной пряжи и трехзубчатыя вилы, подобныя Тунгузскимъ, весьма они проворны, и умѣютъ пользоваться ходомъ рыбы. Они строятъ свои суденышки и хижины, дѣлаютъ сани и щепяную домашнюю посуду, рубятъ дрова, обдѣлываютъ луки и стрѣлы и вооружаютъ сїи послѣднїя желѣзцами отъ разбитыхъ чугунныхъ котловъ, которыя разковываютъ безъ помощи огня, рѣжутъ траву на рогожи, и варятъ во преки обыкновенїю другихъ народовъ, ѣствы. Другъ другу пособляютъ и ссужаются чемъ могутъ, не изъ прибыли, но по прїязни. *Корякамъ промѣнивают*ъ соболей, лисицъ, бѣлыя собачьи шкуры и сушеные *мухоморы* для упиванья, на оленьи и другїя кожи. Многїе нанимаются служить Россїйскимъ купцамъ и козакамъ въ морскихъ путешествїяхъ къ островамъ, и какъ судовщики или корабельные служители, звѣриные промышленики и толмачи, становятся имъ весьма полезны.

Женщины выдѣлываютъ кожи, прядутъ кропивныя нитки, плетутъ рогожи и кузовы, сушатъ рыбу, дѣлаютъ рыбїй клей, собираютъ коренье, ягоды и травы, а особливо Сибирской борщъ, и проч. *Кожи выдѣлываютъ* на чисто по большой части выскабливая мездру, намазывая саломъ и икрою, и выжимая руками. Оленную же замшу выдѣлываютъ въ ольховомъ щелоку и квасу. Они весьма искусны въ *шитьѣ* к строченьѣ платья звѣриными жилами или нитками; при чемъ употребляли сперьва костяныя шилья, по томъ Японскїя, нынѣ же Россїйскїя иглы. *Кропивная пряжа* употребляется только на неводы и канаты. *Клей рыбїй* достаютъ съ китовыхъ и другихъ рыбьихъ шкуръ. Когда имѣетъ кто оленей, то смотрѣнїе за ними, такъ какъ и кормленїе собакъ, препоручается женамъ же.

При всемъ ихъ подражанїи Россїянамъ, ведутся еще у нихъ многїя и отъ части *странныя* обыкновенїя, изъ коихъ нѣкоторыя относятся къ состоянїю суровой ихъ страны. Они и теперь еще охотнѣе вытираютъ огонь изъ дерева, нежели высѣкаютъ посред-

66.

Камчадалка въ хорошемъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.
Une Kamtchadale en habit de fête.

Камчадалка въ великолѣпномъ убранствѣ.
Eine Kamtschadalin im grösten Schmuck.
Une Kamtchadale dans sa plus grande parure.

ствомъ булата, кремня и трупу. Что касается до способа ихъ вытирать огонь изъ дерева, то оный состоитъ въ томъ, что вертятъ они палочку промежъ ладоней въ небольшой дырочкѣ какого нибудь дерева до тѣхъ поръ, пока не загорится, и употребляютъ при томъ избитую траву въ мѣсто труту. По елику *собаки* единственная ихъ дворовая скотина; то они почитаются у нихъ за велико и содержатся въ знатномъ количествѣ. Они кормятъ ихъ рыбьими костями, и остатками какъ отъ рыбъ, такъ и отъ дичи. Собаки ихъ велики, сильны и весьма на волковъ похожи. Кромѣ гоньбы, употребляютъ ихъ зимою и въ упряжку. Одна собака везетъ на себѣ около двухъ пудъ грузу. Въ сани впрягаютъ они обыкновенно отъ четырехъ до осьми собакъ попарно; гдѣ нѣтъ тропы, тамъ долженъ извощикъ итти въ передъ на лыжахъ. При подъемѣ на гору надобно ему и безъ того итти пѣшкомъ; а подъ гору бѣгутъ собаки и сами такъ скоро, что едва можно усидѣть. Они переѣзжаютъ на таковыхъ своихъ бѣгунахъ безъ остановки часовъ въ пятнадцать больше 100 верстъ. Камчадалы *спятъ* на травяныхъ рогожахъ и шубахъ нагїе, и прикрываются одеждою. Во всемъ своемъ *поведенїи* крайне они неопрятны, и по елику лѣнивы и безпечны, то часто терпятъ великую нужду. Они не чистятъ и той посуды, изъ которой ѣли собаки. По большой части заводны они изрядно и вшами, которыхъ по Тунгузски глотаютъ. Почти всѣ запущаютъ ногти, и нечистотою какъ будто облѣплены. Прежде, нежели начали они покупать у Россїянъ котлы и чугунные горшки, не умѣли они иначе *варить* себѣ *пищу*, какъ токмо опуская каленые камни въ ушатъ наполненной рыбою или мясомъ. *Женщины вмѣняютъ* себѣ, кромѣ бѣлилъ и румянъ, *въ красоту* еще и то, когда облѣпятъ лицо верьхнею кожицею медвежьихъ кишокъ. Они иногда и занавѣшиваются, или по крайней мѣрѣ отворачиваютъ рожу отъ незнакомыхъ мужчинъ. Въ прежнїя времена *ѣли* тогда, когда было вздумается, а нынѣ наблюдаютъ обѣдъ и ужинъ; всякую ѣству ѣдятъ холодную и тѣмъ предохраняютъ зубы свои отъ поврежденїя. Всякъ беретъ часть свою на дощечкѣ передъ себя и управляетъ оную въ ротъ рукою. Они *прожорливы*, да и *пьютъ* много. Всякъ ставитъ возлѣ ночлега своего сосудъ съ водою, которой по утру всегда бываетъ пустъ. Сколь ни бѣдны, однакожъ *гостямъ ради*: но при томъ поступаютъ странно. Хозяинъ крѣпко натапливаетъ зимнюю свою хижину и потчуетъ гостя худою своею ѣствою. Чемъ больше онъ блюетъ, тѣмъ при-

лежнѣе онъ ему покладываетъ. По томъ всемъ, что бы у него ни имѣлось, поступается гостю. Но и то надобно сказать, что безъ нужды никто въ гости къ нимъ не заглядываетъ; при томъ же ходятъ съ гостинцами, и тотъ, кто сего дня хозяинъ, будетъ скоро и самъ въ гостяхъ. У народа не купечествующаго и обмѣномъ товаровъ не промышляющаго обыкновенїе сїе полезно. Понеже *убїенїе медвѣдя* почитается мужественнымъ и славнымъ дѣломъ, то потчуетъ герой гостей своихъ полосами изъ медвѣжьяго жиру вырѣзанными, отъ коихъ гости одинъ за другимъ кусаютъ по кусочку, и такъ далѣе.

Въ обхожденїи старается мужескїй полъ понравиться женскому пламенною любовїю, услужливостїю и покорностїю. Мужчины обходятся между собою холодно, безъ поклоновъ, здоровканья, подаванья рукъ, цѣлованья и безъ всякихъ другихъ вѣжливостей. Въ ссорѣ называютъ другъ друга собакою (Коса), сорвавшимся съ висѣлицы (Кодахвичь), бѣсомъ (Кана), прелюбодѣемъ (Кайкчичъ); а особливо попрекаютъ другъ друга неестественнымъ угожденїемъ похоти.

Забавы ихъ состоятъ въ ѣдѣ, питьѣ, пѣнїи, игранїи на дудкахъ изъ травяныхъ стволиковъ, пляскѣ и сказкахъ. *Пѣнїе* есть женская забава. Голосъ у нихъ изрядный и поютъ обыкновенныя, а иногда и такїя пѣсни, какїя взбредутъ имъ на умъ. *Пляска* весьма сходна съ Остякскою, и не меньше смѣхотворна. Нѣкоторые переняли оную у Курильцовъ. Въ иныхъ пляскахъ пляшутъ оба пола вмѣстѣ и при томъ поютъ. *Разсказы* же ихъ суть повѣствованїя о бытїяхъ или сказки о божкахъ, богатыряхъ, звѣриныхъ промышленникахъ и предкахъ.

Женитьбы произходятъ безъ всякихъ торжественныхъ или законныхъ обрядовъ. Женитьба называется у нихъ поимкою невѣсты. Всякому невозбранно брать столькихъ женъ, сколько хочетъ; но какъ мужья у бабъ въ порабощенїи, то рѣдко кто посягаетъ больше нежели на одну жену. Любовникъ оказывается въ хижинѣ невѣстиныхъ родителей весьма услужливымъ: но услуги его, когда онъ не полюбится, не принимаются. По томъ управливаетъ онъ случай поимать невѣсту, то есть положить ошейной свой уборъ въ ея штаны; при чемъ получаетъ отъ защищающихъ ее бабъ добрые толчки. Съ сего самаго времени начинаютъ они безъ всякой свадьбы жить вмѣстѣ, и остаются въ хижинѣ невѣстиныхъ родителей. Такое качество молодыхъ женщинъ, по какому Калмыч-

ки у Киргизцовъ предпочитаются, столько же не нравится Камчадаламъ, какъ, по Уллоеву повѣствованію, Бразильцамъ и другимъ Американцамъ, да и самимъ Ѳракіянамъ, какъ пишетъ Иродотъ. И по тому дѣвки обходятся съ Рускими людьми безъ всякой укоризны такъ ласково, что въ прежнія времена бывало у иного Козака и по цѣлой серали. Для вдовы до тѣхъ поръ не сыскивается новый мужъ, пока она чрезъ соитіе съ мужчиною не очистится отъ грѣха; и какъ при томъ Камчадалы боятся, чтобы чрезъ то не умереть подобно первому мужу, то Козаки обыкновенно очищаютъ таковыхъ вдовъ отъ мнимаго грѣха. Женатые мужчины и замужнія бабы живутъ правда весьма неистово: однакожъ при всемъ томъ терзаются ревнивостію, убиваютъ или отравляютъ другъ друга, и такъ далѣе. Разумнѣйшіе промѣниваютъ своихъ женъ, когда они постороннимъ дружкамъ милѣе, нежели имъ. По елику они въ утоленіи похоти подобны скоту; то кромѣ родителей и дѣтей, ни какихъ родственниковъ не щадятъ.

Многія *женщины ненавидятъ беременность*: но иныя и дѣтей желаютъ нетерпѣливо, и въ такомъ намѣреніи прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ средствамъ, глотаютъ паушину или заставляютъ волшебницъ дѣлать свои хитрости и колдовства; сіе произходитъ торжественно и какъ будто замѣняетъ свадьбу. Въ прочемъ Камчадалки нарочито *плодородны* и родятъ дѣтей до десяти; да притомъ и роды имъ легкія. *Имена* даютъ дѣтямъ прихожіе пріятели. Употребительныя же названія суть: *Коско*, *Пакангуръ*, *Алгача* и проч. Къ дѣтямъ оказываютъ безумную любовь и во всемъ потачку: по чему они родителей своихъ не только не почитаютъ, но и сурово съ ними поступаютъ.

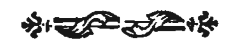
Они по большой части *здоровы* и бодры: но многіе изувѣчиваютъ себя, когда сорвутся съ горы, опрокинутся съ собачьими санями, и отъ многихъ другихъ нещастныхъ приключеній. *Болѣзни* имъ крайне противны, и по тому за больными худо смотрятъ. Обыкновенныя же ихъ болѣзни суть: цынга, отъ которой ѣдятъ свѣжія ягоды и сырыя рыбы, кровавые вереды, Французская немочь, которая была у нихъ еще до прибытія Рускихъ людей, параличь, ракъ, желчь, и гноеніе глазъ отъ смотрѣнія на снѣжную бѣлизну. Въ прежнія времена *прививали* они дѣтямъ *оспу* такимъ образомъ, что дѣлали имъ на лицѣ царапину обмоченною въ оспенной гной рыбьею костью. Но какъ у нихъ долго не бывало оспы, то перевелось и сіе обыкновеніе. Въ 1768 году занесена она къ

нимЪ паки давно уже выздоровѣвшимЪ отЪ сей болѣзни КозакомЪ: и тогда примерло отЪ оной почти двѣ трети всѣхЪ вообще КамчадалЪ.

Когда бывало *умретЪ* кто вЪ хижинѣ, то покидали оную, боясь, что судія преисподней прійдетЪ вЪ оную, и кого ни увидитЪ, всѣмЪ тѣмЪ надобно умереть. По причинѣ же трудности, состроить новую хижину, безЪ топоровЪ и прочаго, выносили они больныхЪ на дворЪ. Нынѣ обыкновеніе сіе не столь уже общее: однакожЪ они не охотно живутЪ вЪ такой хижинѣ, гдѣ лежалЪ покойникЪ. ВЪ прежнія времена сЪѣдаемы были умершіе внѣ юрты собаками; но теперь сіе рѣже случается, по тому, что почти всѣхЪ покойниковЪ загребаютЪ вЪ землю, а дѣтей кладутЪ вЪ дуплистыя дерева. Могильники пролѣзаютЪ дважды, дабы возпрепятствовать смерти вЪ ея преслѣдованіи, сквозь выплетенной кругЪ, и взявЪ двѣ птицы, какія бы ни были, одну сожигаютЪ, а другую ѣдятЪ. По томЪ поминая покойника сЪѣдаютЪ одну рыбу, а перышки сожигаютЪ.

Древній и собственный ихЪ *законЪ Шаманскій*, а идолослуженіе ихЪ подобно наибольше Якутскому. Высочайшаго *Бога* называютЪ они *ДуттлехтитомЪ* или и *Куткою*, сатану *Канною*, идоловЪ, которые стоятЪ вЪ хижинахЪ супротивЪ отдушинЪ и не иное что суть, какЪ деревянныя куклы, Нузаучами и *Камулами*, а волшебниковЪ *Эуйслагасами.*

По причинѣ небольшаго кЪ собственной своей не правой вѣрѣ уваженія, а кЪ высочайшему Существу почтенія, такЪ какЪ и по склонности кЪ подражанію, мало по малу большая ихЪ половина обращена кЪ Христіанскому закону. Но они столь же легкомысленные Христіане, каковы были и язычники, не любятЪ и не боятся Бога, шутятЪ провидѣніемЪ или вышнимЪ промысломЪ и вЪ желаніяхЪ своихЪ нарочито затѣйны. Царствія же небеснаго, какЪ такого обиталища, кое не обѣщаетЪ удовлетворенія ни одному ихЪ желанію, не ставятЪ они и подавну ни во что.



Шаманъ Камчатской.
Ein Schamann in Kamtschatka.
Devin de Kamtchatka.

КОРЯКИ.

Коряки называются и сами симъ именемъ. Таковое ихъ названіе произходитъ конечно отъ слова *Кора*, которое на ихъ языкѣ значитъ оленя. Они *живутъ* и кочуютъ около склонившейся наибольше на Сѣверъ части *Пенжинскаго* морскаго залива, да и въ самой Сѣвернѣйшей Камчаткѣ, до самаго Анадыра, на Западѣ отъ Оломоны рѣки, вышедшей изъ Колымы, до Восточнаго моря, обще и въ смежности съ Камчадалами, Тунгузами, Ламутами и Чукчами, въ крайне суровыхъ, болотныхъ, гористыхъ, отъ части и безлѣсныхъ пустыняхъ.

Бывшія съ сими дикими людьми до Россійскаго завоеванія *произшествія* остаются въ совершенномъ невѣденіи, по елику у нихъ нѣтъ ни грамати, ниже инаго какого ученія. Самое то обстоятельство, что они въ бывшихъ съ Южными ихъ сосѣдями перемѣнахъ не имѣли участія, а еще больше великое ихъ сходство со многими Островскими Восточнаго моря жителями и ближайшими Американцами и по ту сторону пролива морскаго, подаетъ поводъ думать, что они такъ, какъ и Чукчи и по таковымъ же причинамъ владѣютъ искони своими берегами. Статься можетъ, что всѣ сіи народы суть больше ни что, какъ Американскіе поселяна, либо что они при прорывѣ моря и при произхожденіи острововъ отъ оныхъ отдѣлены: но для точнѣйшаго подтвержденія сей догадки требуются бытійственныя извѣстія и обстоятельнѣйшія свѣденія о народахъ по ту сторону морскаго пролива, каковыхъ однакожъ по сіе время имѣемъ мы еще мало, да и надѣяться вскорѣ на полученіе оныхъ дальней надежды не имѣемъ.

Корякскій языкъ имѣетъ съ языкомъ *Чукчъ* и нѣкоторыхъ островскихъ жителей столь много общаго, но при томъ такъ же отмѣннаго и собственнаго столько, что съ равною справедливостію можно его почитать и нарѣчіемъ онаго, и со всемъ особымъ языкомъ. Слова протяжны, но выговариваются коротко, и произношеніе оныхъ слуху противно. *Время* раздѣляютъ только по годовымъ перемѣнамъ, не уважая при томъ лунныхъ теченій.

Росту они *малаго;* голова и глаза у нихъ небольшія, лицо круглое и сухощавое, носъ короткой, а ротъ большой. Волосы какъ на головѣ, такъ и на бородѣ черны, и при томъ на сей послѣдней жидки; брови навислыя. *Умъ* у нихъ коснительной и ту-

ной: въ прочемъ же гордятся своею землею и устроенїемъ, смѣлы недовѣрчивы и мстительны. Въ дѣлахъ они рачительны, искренны, дружны и начальникамъ вѣрны.

До покоренїя ихъ Россїи не знавали они, что то есть *верьховный начальникъ* или Государь; одно только богатство служило основанїемъ преимуществу. Нынѣ же есть у нихъ такїя, какъ и у другихъ Сибирскихъ народовъ *учрежденїя* и *расторяженїя*; платятъ *подушной окладъ* мягкою рухлядью, и такъ далѣе. Однакожъ они не столько, какъ описанные по сїе время народы, подчинены властямъ, и сїе справедливо наиболше въ разсужденїи кочующихъ Коряковъ: по чему они не точно переписываются и въ подушной окладъ вносятся. Сколько же видно по таковымъ переписямъ, то они числомъ душъ равняются съ Камчадалами.

Они *раздѣляются*, примѣняясь къ тому, какъ живутъ, на *усадебныхъ* и на *кочевыхъ*. Тѣ и другїе числомъ между собою почти равны, говорятъ разными нарѣчїями, и поступаютъ одни съ другими рѣдко по братски, а иногда и прямо по непрїятельски.

Усадебные, которые кочевыхъ далеко превозходятъ кротостїю нравовъ, владѣютъ склонившимися больше на Югъ мѣстами своея области около Пеншинскаго залива, а отъ части и въ самой Камчаткѣ. *Хижины* ихъ совершенно подобны Камчадальскимъ, всѣ же прочїе ихъ распорядки по большей части такїе же, какъ и у Камчадалъ. *Одѣянїе* ихъ малымъ чемъ отмѣнно отъ настоящаго Камчадальскаго. Но *женщины Корякскїя* вышиваютъ у себя на лицѣ по примѣру Тунгузокъ линеи и фигуры. *Пища* и приготовленїе оной такое же, какъ и у Камчадалъ, и при томъ ни мало не чище.

Главное ихъ *учрежденїе* состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ, и какъ тотъ, такъ и другой промыселъ, а особливо первой, производятъ съ большимъ раченїемъ, нежели Камчадалы, да и ѣствы варятъ не мужчины, какъ то дѣлаютъ Камчадалы, но бабы. Остальную добрую *мягкую рухлядь* промѣниваютъ они кочевымъ Корякамъ на оленьи кожи, изъ коихъ шьютъ одѣянїе. Каждая семья имѣетъ обыкновенно по нѣскольку, однакожъ не больше *оленей*, какъ сколько надобно имъ для путешествїй. *Женскїй полъ* шьетъ одѣянїе, выдѣлываетъ кожи, варитъ и сушитъ съѣстное, и такъ далѣе, по Камчадальскому обыкновенїю.

Въ обхожденїи они угрюмы, однакожъ дружны, всякаго охотно принимаютъ и угощаютъ наилучшимъ, что въ домѣ случится, но ни кого, по примѣру Камчадалъ, не принуждаютъ къ неумѣренно-

Корякъ.
Ein Koräke.
Korèk.

Корякъ въ уборномъ платьѣ.
Ein Koräk im Staats Kleide.
Un Korek en habit de fête.

му себя отягощенію. Въ *хижинахъ* ихъ чрезвычайно жарко, и по тому бабы ходятъ въ нихъ нагишомъ. Зимою ѣздятъ по примѣру Лопарей и другихъ народовъ въ небольшихъ санкахъ, въ кои запрягаютъ оленей. Поводъ прикрѣпленъ къ гребню, который жметъ оленю шею, когда за оной потянутъ. Часто впрягаютъ они рядомъ и по два оленя, и могутъ иногда переѣзжать въ день верстъ по полтора ста. Лѣтомъ путешествуютъ пѣшіе, по тому что нѣтъ у нихъ обыкновенія ѣздить верьхомъ на оленяхъ.

Кочевые Коряки странствуютъ въ лежащихъ наиближе къ Сѣверу своихъ мѣстахъ около *Анадыра*, смежно съ *Чукчами* и другими народами; но не рѣдко простираютъ кочевья свои и до самой Камчатки. Нравы у нихъ суровые и дикіе: и по тому не удобно ихъ содержать въ послушаніи. И самое подозрѣніе ихъ бываетъ опасно.

Юрты ихъ составлены изъ гнутыхъ жердей или колышковъ, подобно Барабинскимъ, только поменьше, и покрываются оленьими кожами. По срединѣ утверждены четыре небольшіе столба, къ коимъ привязываютъ собакъ, а сіи нерѣдко опоражниваютъ и висящій по срединѣ надъ огневищемъ котелъ. *Одѣяніе* носятъ такое же, какъ и усадебные Коряки или Камчадалы; разность же состоитъ только въ томъ, что сіи бреютъ голову и вытеребливаютъ бороду почти до гола

Главное ихъ *упражненіе* есть *содержаніе оленей*, да сверьхъ того звѣриный промыселъ. Въ производленіи рыбной ловли не очень они проворны. У нихъ по большой части бываетъ оленей по 50 и по 100 а у иныхъ по одной и по нѣскольку тысячь, съ коими кочуютъ они, не разбирая приволья въ разсужденіи лѣсу или воды, въ болотныхъ или мшистыхъ мѣстахъ и горахъ безпрестанно. Оленицъ они не доятъ, и по тому ни творогъ, ни сыръ имъ незнакомъ И самый богатый человѣкъ рѣдко когда убиваетъ здороваго оленя, но довольствуется больше падальщиною или изувѣченными оленями, по чему стада у нихъ становятся весьма велики: но и на содержаніе хозяевъ надобно не малое число оленей. Бѣдные служатъ у богатыхъ, и пускаютъ въ ихъ стада для паствы небольшое число своего собственнаго скота. Всякій звѣрь, какого кто ни промыслитъ, почитается безъ изъятія изрядною *ѣствою*. Сверьхъ того собираютъ бабы дикое коренье и плоды; и все сіе съѣдаютъ они тогда же, когда промыслятъ, не сохраняя въ прокъ.

Кочевые Коряки гораздо суровѣе, жесточае, воинственнѣе и опаснѣе нежели усадебные. Часто ходятъ они на разбой и для другихъ шалостей къ смирнѣйшей своей братіи или и къ сосѣдямъ. Передъ таковыми предпріятіями придаютъ они себѣ обыкновенно смѣлость и безчувственность мухоморами. *Оружіе*, какое употребляютъ на звѣриномъ промыслѣ и на войнѣ, состоитъ въ лукѣ, стрѣлахъ, копьяхъ, дубинахъ, а воинственное ихъ искуство въ нападеніяхъ. Воровать, грабить и убивать почитается у нихъ тогда только порокомъ, когда производится въ томъ же самомъ родѣ или семействѣ, гдѣ такой злодѣй живетъ, а не въ другомъ какомъ поколеньѣ или не у чужаго какого человѣка. Самымъ большимъ удовольствіемъ считаютъ они переходить отъ одного мѣста къ другому, и осматривать оленные свои стада, которыя, когда размножатся, раздѣляютъ. Они часто, да и по большой части, столь велики, что и считать не можно: однакожъ хозяинъ тотъ часъ примѣтитъ, когда какого оленя недостаетъ.

Коряки вообще имѣютъ по *нѣскольку*, а иные отъ трехъ до четырехъ *женъ*, которыхъ не покупаютъ, но такъ же, какъ и Камчадалы, выслуживаютъ либо похищаютъ. Богатые, не уважая кровнаго родства, остаются при богатыхъ, а бѣдные при бѣдныхъ. Усадебные держатъ своихъ женъ въ хижинѣ, а кочевые раздѣляютъ ихъ по разнымъ стадамъ для смотрѣнія за оными. *Кочевые* крайне мучатъ женъ своихъ *ревнивостію*. Иная жена и умираетъ отъ свирѣпости напрасно ревнующаго мужа; то же самое произходитъ и съ побочными дружками. И по тому стараются бабы казаться прямо мерзкими, не чешутъ головы и не умываются, ходятъ кругомъ выпачкавшись и оборвавшись, и проч: ибо мужья почитаютъ на вѣрно, что они наряжаются только для полюбовниковъ. *Усадебныя ошибаются*, напротивъ того, *чрезъ че093мѣрно великую лояоровку*. Они считаютъ себѣ то за удовольствіе, когда жены ихъ нравятся другимъ, и когда посторонніе люди къ нимъ ласкаются: по чему и должны они наряжаться какъ можно по лучше. Они отдаютъ чужимъ людямъ женъ своихъ и дочерей въ наложницы, и почитаютъ принятіе оныхъ знакомъ сущаго дружества; отрицаніе же отъ таковаго доброхотнаго даянія вмѣняютъ себѣ въ огорченіе. Сіе обыкновеніе, свойственное имъ обще съ нѣкоторыми Южными Американцами, и о которомъ упоминаетъ такъ же какъ *Варухъ*, такъ и Иродотъ въ разсужденіи древнихъ

Корячка.
Eine Koräkin.
Une Koräkienne.

Вавилонянъ, непрїятно у Коряковъ для гостя по тому, что долженъ онъ полоскать ротъ мочою, которую наложница въ виду его изпускаетъ въ чашку и подноситъ ему для таковаго полосканья.

Дѣтямъ даютъ *имена* старухи. Они не пеленаются и въ колыбеляхъ не бываютъ; сосутъ же грудь обыкновенно до третьяго году. Кочевые Коряки дарятъ дѣтей скотомъ: по чему они съ малыхъ лѣтъ учатся порядочно со скотомъ водиться. Роженица первые десять дней послѣ родовъ ни кому не кажется.

За *больными* смотрятъ они прилѣжно, и стараются пособить имъ своимъ волшебствомъ.

Кочевые Коряки *сожигаютъ* всѣхъ, усадебные же большую половину *покойниковъ*. Они дѣлаютъ костры, къ коимъ отвозятъ умершихъ на саняхъ, запряженныхъ оленями, и сожигаютъ ихъ тамъ въ наилучшемъ одѣянїи совокупно съ оружїемъ и домашнимъ скарбомъ. Запряженныхъ въ такїе подъ покойника сани оленей убиваютъ, ѣдятъ ихъ мясо, а остатки бросаютъ въ огонь. На поминкахъ убиваютъ также оленей.

Коряки содержатъ *языческой законъ по Шаманскому* толкованїю, и въ обрядахъ своихъ сходствуютъ наибольше съ Камчадалами.

ЧУКЧИ.

Чукчи, которые столь же обыкновенно, да при томъ и сами, называются *Чукотскими людьми*, въ видѣ, житїи, нравахъ и языкѣ такъ подобны *Корякамъ*, что должно ихъ почитать единоплеменнымъ съ ними колѣномъ. Они *владѣютъ* Сѣверовосточнымъ угломъ Сибири къ Ледовитому и Восточному морю, начиная отъ Колымы и Анадыра; и сїя занимаемая ими страна называется *Чуцкимъ* или *Шелацкимъ носомъ*. *Земля ихъ* по положенїю своему и качеству холодна, болотна, камениста, безлѣсна, неплодородна и крайне сурова и дика. Лѣто тамъ короткое, но дни долгїе; зима продолжительная и ночи долгїя; и она для Европейцовъ съ матерой земли непроходима и къ житью не способна.

Они на равнѣ съ страною своею крайне *дики, суровы, необузданны* и *жесточе всѣхъ Сибирскихъ народовъ;* у нихъ нѣтъ ни грамоти, ни ученїя, и по тому они еще и по сїе время совершенно не покорены, и подушной окладъ платятъ только отъ части. По сей же самой причинѣ остаются въ великомъ сомнѣнїи какъ бывшїя съ ними произшествїя, такъ прямая ихъ сила и внутреннее устроенїе. Они нѣсколько кратъ побѣждаемы были Россїйскимъ оружїемъ, но паки сотрясали съ себя власть и отнюдь не хотятъ терпѣть принужденїя. По вѣроятности считаютъ ихъ до 3500 ратныхъ людей. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и описанїе оныхъ, по елику оно долженствуетъ содержать въ себѣ токмо то, что заподлинно уже извѣстно, не можетъ быть полное и совершенное.

Они *раздѣляются* на два главныя колѣна, а именно на *Чуцкое* и *Шелагенское*, къ коимъ принадлежатъ также многїе островскїе жители Сѣверныхъ и Восточныхъ ихъ береговъ, кои дѣйствительно *Чукчи* же, но не причислены къ вышепоказаннымъ.

Росту они *малаго* и тонки; лицо у нихъ нѣсколько плоское, и чрезвычайно походитъ на Корякское. Но они гораздо дичае, суровѣе, гордѣе, необузданнѣе, смѣлѣе, вороватѣе, лукавѣе и мстительнѣе кочевыхъ Коряковъ: словомъ сказать, они съ природы толико же злые и опасные люди, колико Тунгузы добры. Двадцать Чукчей прогонятъ вѣрно пятдесятъ человѣкъ Коряковъ, и они бы ихъ всѣхъ перевели, если бы Россїйскїе остроги ихъ не обуздывали. Самые ближнїе къ нимъ остроги всегда въ опасности, и по причинѣ дороговизны съѣстныхъ припасовъ стоятъ прави-

Чукотская баба въ обыкновенномъ одеждѣ.
Eine Tschuktschin angekleidet.
Feme Tchouktchiene en son habit ordinaire.

тельству такЪ дорого, что недавно разсудило оно за благо оставить вЪ запустѣнїи Анадырской острогЪ, наидревнѣйшее Россійское вЪ тамошнемЪ мѣстѣ поселенїе, изЪ коего и Камчатка завоевана.

ВЪ поколѣньяхЪ наблюдаютЪ они между собою союзЪ по *родамЪ*: но выборныхЪ начальниковЪ не имѣютЪ, а послѣдуютЪ со всякою необузданностїю знатнѣйшимЪ богачамЪ и удальцамЪ, пока намѣренїя и дѣла оныхЪ сходствуютЪ сЪ собственными ихЪ затѣями.

Большая половина сего народа живетЪ во *всегдашнихЪ* зимнихЪ хижинахЪ или землянкахЪ, подобно КамчадаламЪ. ВЪ лѣтнее, а иногда и вЪ зимнее время, откочевываютЪ они отЪ оныхЪ для паствы оленей, также для звѣринаго промыслу, рыбной ловли и разбоевЪ: при чемЪ дѣлаютЪ себѣ повсюду маленькїя хижины, подобныя КамчадалькимЪ лѣтнимЪ юртамЪ. Иные не имѣютЪ ни какихЪ другихЪ, кромѣ таковыхЪ легкихЪ хижинЪ, а иные живутЪ такЪ же вЪ горныхЪ пещерахЪ, которыя занавѣшиваютЪ сЪ приходу звѣриными кожами.

Одѣянїе ихЪ и пища, такЪ какЪ и приуготовленїе оной совокупно сЪ домашнимЪ скарбомЪ, подобны настоящему Камчадальскому и Корякскому; токмо еще дичае и суровѣе. Они вышиваютЪ у себя также, по примѣру ТунгузЪ, на лицѣ и на рукахЪ линѣи и фигуры.

Посуды они не имѣютЪ ни желѣзной, ниже другой какой крушцовой, но довольствуются, какЪ старинные люди, каменными ножами, костяными шильями, деревянными и кожаными сосудами, и такЪ далѣе. *Оружїе* ихЪ состоитЪ вЪ лукахЪ, стрѣлахЪ, копьяхЪ сЪ костяными наконешниками, и пращахЪ. *Байдары* ихЪ, вЪ коихЪ ѣздятЪ они по морю и кЪ островамЪ, составлены изЪ китовыхЪ ребрЪ и обтянуты тюленьими кожами такЪ, что могутЪ они вЪ оныхЪ затягиваться по примѣру ГренландцовЪ, ЕкимоксовЪ, и нѣкоторыхЪ другихЪ АмериканцовЪ. Байдары сїи бываютЪ длиною до двухЪ саженЪ, узки и плоскодонны.

Мяса и рыбы *ѣдятЪ* не сырыя, но обыкновенно копченыя. Дикїе плоды и коренья ѣдятЪ всегда сырыя. ОленицЪ не доятЪ, и по тому у нихЪ, какЪ и у КоряковЪ, нѣтЪ ни творогу, ни сыру. Наибольше же питаются они всякою дичью и птицами, околѣлыми оленями, (ибо здоровыхЪ, сколько бы оныхЪ у нихЪ ни было, убивать не любятЪ) морскими звѣрями, выброшенными на берегЪ китами и раковинами. Вседневное ихЪ *питїе вода*. Когда вздумаютЪ

лодлить, то варятъ въ оной *мухоморы*; и по елику они ростутъ у нихъ столь же мало, какъ и у Коряковъ, то вымѣниваютъ ихъ у Камчадалъ на оленьи кожи.

Главный ихъ *промыселъ* состоитъ въ содержанїи оленей, да при томъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Олени* составляютъ ихъ богатство; у иного есть ихъ до 10000, а у нѣкоторыхъ и больше; по чему они по большой части усадебныхъ Коряковъ и Камчадалъ одѣваютъ ихъ кожами, а на промѣнъ получаютъ наилучшую мягкую рухлядь, или что имъ полюбится. Однакожъ у многихъ и вовсе нѣтъ оленей. Такїе живутъ совокупно и питаются отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли, также китами, моржами и другими морскими звѣрями. Козаки называютъ таковыхъ бѣдныхъ *Чукотскими пѣшими*. Женьщины ихъ упражняются въ томъ же, въ чемъ и Корячки.

Во нравахъ и *обыкновенїяхъ* сходствуютъ отъ части съ островскими жителями, кои будутъ описаны послѣ. *Зимнїя хижины* дѣлаютъ они пространныя, и по большой части живутъ вмѣстѣ нѣсколько семей, коихъ мѣста отдѣлены жердями. Съ общаго огнивища поднимается дымъ въ верьхъ сквозь потолокъ: но хижины ихъ крайне дымны и такъ жарки, что бабы и въ самыхъ холодныхъ ихъ мѣстахъ сидятъ совсемъ нагїя. Каждое отдѣленїе хижины имѣетъ свой собственной рыбьимъ жиромъ налитой свѣтильникъ съ сдѣланною изъ моху свѣтильнею. *Постели* ихъ возвышены, на подобїе скамьи или палатей, и усланы кожами. Во время перекочовки ѣдутъ какъ и Коряки на саняхъ, запряженныхъ оленями. Къ стужѣ привычны они такъ, что ежели не въ зимнихъ хижинахъ находятся, то довольствуются по большой части теплотою свѣтильниковъ, рыбьимъ жиромъ наливаемыхъ. У нихъ такъ же, какъ и у Коряковъ, не смѣетъ ни кто *красть* или убивать въ своемъ родѣ; внѣ же онаго производить то и другое не токмо не возбранно, но еще и честно. За такую дѣвку, которая не оказала еще проворства своего въ воровствѣ, ни кто и не сватается; ограбленїе сосѣдей служитъ производителю онаго въ превеликую славу. При *заклинанїяхъ* и клятвенныхъ обязательствахъ берутъ они Солнце въ поруки. Побѣдителямъ даютъ въ залогъ своей покорности своихъ священнослужителей. При всей своей дикости великїе они хлѣбосолы. Гостей своихъ хотя и не обременяютъ ѣствами, однакожъ убиваютъ оленя, чего для себя собственно никогда не дѣлаютъ; или извиняются по крайней мѣрѣ, что на тотъ случай,

Чукотская баба кожи выдѣлывающая.
Eine Tschucktschin das Leder zubereitend.
Femme Tchouktchienne façonnant des peaux.

какъ гости пожаловали, олень ни одинъ не палъ, или не растерзанъ медвѣдемъ и проч. При томъ такъ же, какъ и Коряки, даютъ гостямъ наилучшихъ своихъ красавицъ въ наложницы, которыя подносятъ имъ, какъ и Корячки, для питья свою мочу.

Въ разсужденіи *сватовства, воспитанія дѣтей, увеселеній* и *похоронъ* произходитъ у нихъ то же самое, что и у Коряковъ. Они содержатъ такъ же *Шаманской законъ* безъ порядочныхъ понятій о богахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, будущемъ и проч. къ жизни не прилѣпляются, не перенося житейскихъ горестей крайне склонны къ самоубійству; а сіе самое и преодолѣнію оныхъ не малымъ служитъ препятствіемъ.

КУРИЛЬЦЫ.

Острова, лежащїе отъ Южнаго мыса полуострова *Камчатки* до самой *Японїи*, простирающся рядомъ съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ и, какъ кажется, воспрїяли начало свое отъ Камчатскаго хребта горъ, коего долины покрыты моремъ, и по тому между собою раздѣлены. Всѣ они вообще гористы, и на нѣкоторыхъ есть такъ же, какъ и въ Камчаткѣ, огнедышущїя горы и горячїе ключи; на иныхъ есть и лѣса, а иные совсемъ безлѣсны; воздухъ же на всѣхъ умѣренной. Острова сїи называются вообще *Курильскими*: но ни количество оныхъ, ни названїя ниже обширность и качества, точно еще не извѣстны. Двадцать съ небольшимъ острововъ имѣютъ названїя какъ на примѣръ: *Сумчу*, лежащїй отъ Камчатки только въ 15 верстахъ, длиною въ 50, шириною въ 30 верстъ; *Поромузу*, ближайшїй къ Сумчу, обширностїю вдвое; *Уїоко* еще пространнѣйшїй; *Матмай*, лежащїй отъ Японїи только въ 30 верстахъ, и еще больше приближенный по Таскому проходу къ Западной Китайской матерой землѣ, при томъ по Японїи наивеличайшїй; и многїе другїе. Большїе острова всѣ населены; нѣкоторые же изъ малыхъ совсемъ пусты. По положенїю своему и качеству весьма они между собою различны. Въ лѣсахъ ближайшихъ къ Сѣверу острововъ роспетъ листвица и дубъ, въ склонившихся на Югъ натуральныя трости, виноградныя лозы и такъ далѣе. На нѣкоторыхъ водятся медвѣди, лисицы, песцы, дикїе бараны и другїе звѣри. На берегахъ всѣхъ сихъ острововъ вообще появляются морскїе бобры, моржи, тюлени, киты и другїе морскїе звѣри.

Жители сихъ острововъ не на всѣхъ называютъ себя одинакимъ именемъ, и при томъ нарочито между собою разнятся нѣкоторые какъ въ видѣ, такъ и языкѣ. Больше называются они *Кушами*, отъ чего можетъ быть произошло и названїе *Курильцы*; ближайшїе же къ Югу островскїе жители называются обыкновенно *Киккурильцами*. Нѣкоторые островяне походятъ языкомъ, видомъ и нравами на Японцовъ, иные же на Камчадалъ; но есть и такїе острова, коихъ жители произошли отъ обоихъ сихъ коренныхъ народовъ. Сѣвернѣйшїе острова повинуются Россїйской, а Южнѣйшїе Японской власти; многїе независимы, да и подвластные отъ части токмо наблюдаютъ долгъ подданныхъ. Они не всегда даютъ аманатовъ или заложниковъ; равно и подать платятъ не

всякой годъ, да и не за одинакое число душъ: почему и не можно знать сущаго ихъ количества. Въ 1766 году записано въ подушной окладъ изъ всѣхъ Россіи подать платящихъ островскихъ жителей только 262 души.

Настоящіе *Курильцы*, которые сходны нѣсколько съ Японцами, *росту малаго*, лицомъ круглы и нѣсколько плоски, однакожъ не дурны; волосы у нихъ черные, бороды большія, и тѣло нарочито обросло волосами. Въ поведеніи своемъ человѣколюбивы, честны, постоянны, вѣжливы и привѣтливы, но въ нещастіяхъ малодушны и къ самоубійству склонны. *Языкъ* ихъ, которымъ говорятъ протяжно, слуху приятенъ.

Мужчины упражняются въ ловлѣ морскихъ звѣрей, птицъ, китовъ и проч. также въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Лодки* строятъ изъ дерева своихъ лѣсовъ, или и изъ выбрасываемаго моремъ на берегъ, и гребутъ однимъ весломъ, которое съ обѣихъ сторонъ имѣетъ по одной лапѣ. *Женьщины стараются* о приготовленіи пищи, одѣянія и проч. а на Сѣверныхъ островахъ прядутъ такъ же крапиву и ткутъ. Южные островскіе жители, которые превосходятъ Сѣверныхъ разумомъ и лучшими нравами, производятъ въ Японію небольшіе торги китовымъ жиромъ, мягкою рухлядью, орлиными перьями для опéренія стрѣлъ, и другими товарами; получаютъ же въ оборотъ Японскую крушцовую и лакированную посуду, котлы, сабли, разныя матеріи, наряды, щепетные товары и табакъ.

Живутъ они въ землянкахъ, обшитыхъ въ нутри тесомъ и подобныхъ Камчадальскимъ: но оныя поопрятнѣе и украшены отъ части Японскимъ домашнимъ скарбомъ. *Ѣдятъ* же морскихъ звѣрей, всякую дичь, птицъ, рыбъ, дикія коренья и плоды, отъ части и морской капустникъ; а на южнѣйшихъ островахъ и Японскія сахарныя закуски, и проч.

Одѣяніе сѣверныхъ островскихъ жителей нарочито походитъ съ виду на Тунгузское, и дѣлается изъ лебяжьихъ, гагарьихъ и другихъ водяныхъ птицъ шкуръ, также изъ тюленьихъ и иныхъ морскихъ и дикихъ звѣрей кожъ. Волосы подрѣзываютъ до самаго затылка. Шляпы ихъ сплетены изъ камышу. Южнѣйшіе островяне почитаютъ большія бороды, волосъ на головѣ не подрѣзываютъ, а губы чернятъ до половины. Одѣяніе ихъ по Китайскому вкусу долгое, и дѣлается изъ подбрюшинъ водяныхъ птицъ, также изъ мягкой рухляди, китайки или и изъ шелковыхъ матерій; подпоясываются же Японскими саблями. *Женское одѣяніе* подобно

мужскому. Женщины подрѣзываютъ волосы только на лбу, дабы свободнѣе было смотрѣть, и чернятъ губы всплошь. Оба пола вышиваютъ по Тунгузскому обыкновенїю на лицѣ и на рукахъ у себя фигуры. Они столько любятъ чужїе образцы въ разсужденїи нарядовъ, что иногда и странно одѣваются. Употребляемые ими Японскїе наряды стоятъ имъ наилучшихъ морскихъ бобровъ и лисицъ. По елику они любятъ пестроту и при томъ не бережны, по чему платье скоро марается; то ни когда не видно, чтобы они къ стати или по крайней мѣрѣ чисто были одѣты.

Устарѣлымъ людямъ оказываютъ преимущественное почтенїе, всякаго человѣка почитаютъ, и обходятся особливо со своими приятно. Гостей другихъ острововъ принимаютъ, наряжась и вооружившись, дружески, здоровкаются преклоненїемъ колѣнъ и обниманьемъ, и при томъ цѣлуются; у иныхъ же и слезы съ глазъ катятся. Старшїй изъ гостей повѣствуетъ въ рѣчи бывшїя какъ съ самимъ имъ, такъ и съ родственниками его произшествїя; что всѣ слушаютъ стоя. Хозяинъ разсказываетъ и съ своей стороны то же, и по томъ увѣряютъ себя взаимно о дружественномъ соучавствованїи. Въ угощенїяхъ, одѣянїяхъ, и жилищахъ ихъ мало видно чистоты. Для забавы они поютъ, пляшутъ и говорятъ быль. Когда говорятъ, то наблюдаютъ при томъ кротость, вѣжливость, скромность и правду. По елику они сами не лгутъ и не обманываютъ, то не хотятъ терпѣть, чтобы и ихъ проводили.

Женитьбы ихъ нарочито походятъ на Камчадальскїя. Съ невѣстами сживаются они тайно, и по томъ ихъ увозятъ. Рогатой мужъ вызываетъ своего помощника на поединокъ, который долженъ съ нимъ или перевѣдаться или побиться; въ послѣднемъ случаѣ даютъ они попремѣнно другъ другу по три удара. Роды тамошнимъ *женамъ*, какъ слышно, тяжелы. *Дѣтямъ* даютъ имена повивальныя бабки безъ всякихъ обрядовъ. *Покойниковъ* своихъ хоронятъ; сѣверные же островскїе жители зарываютъ ихъ зимою только въ снѣгъ.

Законъ содержатъ *языческой* по *Шаманскому толкованїю. Идоловъ* своихъ (Югутъ) дѣлаютъ изъ составленныхъ красиво щепокъ, и ставятъ ихъ въ хижинахъ.

ВОСТОЧНЫЕ ОСТРОВСКІЕ ЖИТЕЛИ.

Морекой проливъ между матерою землею Азіи на Сибирскомъ берегу, и Америкою, такъ какъ и находящееся отъ Камчатки въ Юговосточной сторонѣ море, преисполнены островами разной величины. Ближайшіе изъ сихъ острововъ со времени воспріятія Россіею въ свое владѣніе отдаленнѣйшей Восточной Сибири не неизвѣстны; но обрѣтеніе большаго ихъ количества началось во время Государя Императора *Петра Великаго*. Первое на то поступленіе воспослѣдовало чрезъ славную *Камчатскую морскую* експедицію; по томъ разъѣзжали по сему морю отважные купцы, козаки и промышленики, и умножали открытія съ году на годъ: однакожъ не прежде, какъ съ 1760 году начали подробнѣе и поимянно освѣдомляться о сихъ островахъ. Въ послѣдніе 20 лѣтъ на основаніи благотвореній, какія въ нынѣшнее славное царствованіе ЕКАТЕРИНЫ II оказаны въ таковомъ намѣреніи торговымъ людямъ и мореходцамъ, сдѣлано гораздо больше новыхъ открытій, нежели во всѣ прежнія времена а особливо съ 1780 года по мореходной експедиціи Капитана Биллинга.

При всемъ томъ можно думать съ вѣроятностію, что въ водахъ сихъ есть не меньше и неизвѣстныхъ еще по нынѣ острововъ; о найденныхъ же, по елику они, выключая нѣкоторые токмо осмотренные во время помянутой морской експедиціи, не виданы никогда испытателями природы, извѣстія наши весьма недостаточны. Нечистота моря, суровое состояніе острововъ, трудность въ доставаніи нужныхъ съѣстныхъ припасовъ, звѣроловный и торговый промыселъ нашихъ мореходцовъ и многія другія обстоятельства долго еще и въ будущія времена будутъ противуполагать затрудненія Астрономическимъ опредѣленіямъ ихъ положенія, также натуральной исторіи и точнѣйшему познанію тамошнихъ жителей. Однакожъ я во удовольствіе читателей сообщу здѣсь въ таковомъ же порядкѣ, какой наблюдалъ я по сіе время при описаніи другихъ народовъ, наивѣрнѣйшія и главнѣйшія обстоятельства, почерпнутыя мною изъ полученныхъ по сіе время отъ части другими людьми, а отъ части и самимъ мною занятыхъ отъ мореходцовъ извѣстій: при чемъ однакожъ и отъ краткости не отступлю.

Изъ сихъ острововъ ближайшїе къ Сѣверу, которые г. *дѣйствительный Статскїй Совѣтникъ Штелинъ*, въ краткомъ извѣстїи объ оныхъ, называетъ вообще *Сѣвернымъ Архипелагомъ*, по причинѣ суровости своей и положенїя меньше всѣхъ извѣстны въ разсужденїи обширности ихъ и состоянїя. Нѣкоторые изъ нихъ такъ близки къ Сѣверовосточному углу Сибири, что *Чукчи* могутъ туда ѣздить на малыхъ своихъ ладьяхъ. Южнѣйшїе къ Камчаткѣ, на широтѣ отъ 56 до 61 степени, посѣщаемы бываютъ отъ части нашими промышлениками: по чему и имѣемъ мы извѣстїя о ихъ состоянїи и жителяхъ.

Нѣкоторое количество сихъ острововъ простирается съ Западоюгозапада на Востокосѣверовостокъ рядомъ отъ Камчатки къ матерой землѣ *Америки*. Острова сїи называются вообще *Лисьими*, по тому, что много на нихъ водится черныхъ и красныхъ лисицъ. Отмѣнно же достойны примѣчанїя острова: *Берингов* или такъ называемый *Коммандерскїй*, лежащїй въ 250 верстахъ отъ устья рѣки Камчатки на Востокъ длиною верстъ на 80; *Мѣдный островъ*, къ берегамъ котораго прибиваетъ изъ моря мѣдныя частицы; *Умнакъ*, обширностїю верстъ на 250; *Уналашка*, еще пространнѣе, со многими другими не много меньшими, и великимъ числомъ малыхъ. Изъ знатнѣйшихъ острововъ *Кадьякъ* близокъ къ матерой землѣ Америки.

Другой рядъ острововъ простирается съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ, и какъ будто пересѣкаетъ крестообразно Лисїе острова. Сихъ острововъ не много, и при томъ они не велики, но изрядно населены и подобны Лисьимъ. Они называются *Алеутскими островами*: но запросто разумѣются подъ симъ названїемъ иногда и всѣ тѣ острова, къ коимъ суда наши пристаютъ. Знатнѣйшїе называются: *Аттакъ*, *Семичи* и *Шемїя*.

Нѣкоторое число ближнихъ острововъ, простирающихся отъ Алеутскихъ въ Сѣверовосточную сторону, называются *Андреновскими*. Нѣкоторые изъ нихъ и знатны, какъ н. п. *Аякъ*, *Тагалокъ* и другїе: но по положенїю своему много имѣютъ общаго съ Сѣверными островами. О многихъ же далѣе къ Сѣверу и къ Югу разсѣянно лежащихъ островахъ, на коихъ по большой части никто еще не бывалъ, и которые частїю и обширны, умалчиваю.

Всѣ въ разсужденїи *внѣшняго состоянїя* между собою подобны. Они каменисты, гористы, болотны, и крайне суровы; есть на нихъ такъ же и огнедышущїя горы. Въ отношенїи же къ *произведенїямъ*

ихъ весьма они между собою разнятся по отмѣнности ихъ положенія. На Сѣвернѣйшихъ есть лѣса и въ нихъ водятся звѣри; Южнѣйшіе же безлѣсны и имѣютъ степныхъ звѣрей, какъ то лисицъ и другихъ. Около береговъ всѣхъ сихъ островов показываются, однакожъ не у всѣхъ въ равномъ множествѣ, морскіе бобры, сивучи, морскіе коты, тюлени и другіе морскіе звѣри. На берегъ выбрасываетъ море Американской лѣсъ, морской капустникъ, раковины, и сему подобное.

Нѣкоторые острова, изъ коихъ иные и немалы, совсемъ ненаселены, или имѣютъ временныхъ только жителей; иные также худо, а другіе нарочито изрядно заселены. Но ни на которомъ еще нѣтъ по нынѣ Россійскаго селенія. Есть острова общирностію въ 50 и больше верстъ: но на нихъ живутъ только семьи двѣ, четыре, либо и шесть; и сіе самое обстоятельство весьма полезно для промысла морскихъ звѣрей, по тому, что ни кто ихъ не пугаетъ и они спокойно выходятъ на берегъ. На другихъ равной величины островахъ живетъ семей по сту и больше. Поголовное счисленіе народа у сихъ людей не въ обыкновеніи; они сами себя не считаютъ, да и Козакамъ дѣлать того не дозволяютъ, которые не только управиться съ ними не въ состояніи, но ищутъ еще и сами дружества таковыхъ островскихъ жителей для собственной своей безопасности, для удобности въ звѣриномъ промыслѣ, и для большей выгоды въ производимыхъ ими вымѣнахъ товаровъ. Нарочито великое число Козаковъ погибло уже въ разныя времена отъ свирѣпости или и отъ одного только подозрѣнія сихъ островскихъ жителей. Въ 1766 году записано ихъ въ подушной окладъ только 367 человѣкъ; хотя въ прочемъ легко можно изчислить, что и на нѣсколькихъ токмо ближнихъ островахъ было тогда больше 1000 взрослыхъ мужчинъ.

Острова, посѣщаемые нашими кораблями, кои ежегодно по два, а иногда и по три, но въ случаѣ великихъ затрудненій противоборствующихъ таковому снаряду, и ни одинъ изъ Охоцка не отправляется, даютъ больше добровольно нѣкоторую *подать*, а именно по черной лисицѣ, или по морскому бобру, либо на столько же по цѣнѣ другой мяхкой рухляди, съ души, и берутъ при отдачѣ свидѣтельства въ полученіи. Но на иные острова можно токмо ѣздить года черезъ три, черезъ четыре, либо и черезъ пять лѣтъ; и тогда даютъ они правда наддачу, однакожъ не большую. Подать ихъ походитъ больше на даръ, приносимый ими въ знакъ

преданности своей, нежели на сущую дань. Самою главною выгодою можно почесть набогащенїе Россїйскихъ подданныхъ, которые крайне скоро разживаются, если токмо посланные къ таковымъ островамъ суда совершатъ путь свой благополучно. Самое большое количество острововъ по нынѣ еще въ совершенной пребываетъ независимости и пользуется естественною вольностїю. Но они черезъ звѣриной промыселъ и промѣнные торги могутъ быть столько же полезны, какъ и покоренные.

Между разумными островскими жителями есть конечно въ разсужденїи породы, вида, душевныхъ качествъ, нравовъ, языка и проч. не меньше отмѣны, какъ и между народами, обитающими на матерой Сибирской землѣ: но полученныя по нынѣ извѣстїя столь недостаточны, что не можно по нимъ положить разности на основанїи сихъ и другихъ признаковъ и между извѣстными островянами, ниже раздѣлить ихъ по единоплеменнымъ колѣнамъ и однихъ отъ другихъ отличить. Жители Алеутскихъ, Лисьихъ и Андреновскихъ острововъ, видомъ, житїемъ и прочимъ такъ между собою сходны, и при томъ какъ Корякамъ, такъ и Сѣвернымъ Американцамъ, толико подобны, что предки ихъ, какъ кажется, были единоплеменцы тѣхъ и другихъ. Да и въ языкѣ ихъ столь мало разности, что приученый къ толмаченью Алеутскїй мальчикъ можетъ исправлять сїе на многихъ отъ части и отдаленныхъ островахъ. Напротивъ того на другихъ, иногда и не очень дальнихъ островахъ, видно въ языкѣ, нравахъ и въ видѣ жителей гораздо больше отмѣннаго. Они сами даютъ себѣ разныя имена, которыя бываютъ совокупно и названїями ихъ острововъ. Жители острова *Кадьяна* называются *Канагистами*; и сїе наименованїе сходствуетъ нѣсколько съ названїемъ Гренландцовъ и Екимоксовъ въ Лабрадорѣ, кои именуются *Каралитами.*

Островяне сїи по большой части *малорослы*, костью крѣпки, однакожъ тонки; лицо у нихъ нарочито плоское, кожа бѣлая, волосъ черной и прямой, борода жидкая, глаза, уши, носъ и ротъ обыкновенной величины, да и вообще они статны, крѣпки, и совершенно сообразны своему климату и суровости обитаемыхъ ими острововъ. Они *одарены изряднымъ* природнымъ *разумомъ,* но оный нѣсколько коснителенъ. Оказываютъ же они его природными понятїями о правдѣ и кривдѣ, удовлетворенїемъ своихъ нуждъ и при многихъ недостаткахъ своихъ острововъ, понятностью дѣтей въ изученїи чужихъ языковъ, и многими другими обстоятельствами,

довольно явственно. Они чрезвычайно скромны и безпристрастны: но ежели тихость ихъ нарушится подозрѣніемъ, обидами или инымъ чемъ, то бываютъ необузданны, дики. мстятъ наижесточайшимъ образомъ, не уважая ни оскорбленія, ни удовлетворенія, и прекращаютъ часто жизнь свою и по причинѣ небольшихъ мученій, либо опасаясь какого ни есть нещастія, самоубійствомъ, при коемъ бываютъ толико же безчувственны, какъ и Восточные Сибирскіе народы. Они правда дерзки, однакожъ не вѣроломны, не воровашы, и не любятъ ни грабежей не убійствъ. Хотя они и погубляютъ такого иностранца, которой приневоливаетъ женъ ихъ къ прелюбодѣянію: однако спокойному чужому же человѣку вручаютъ ихъ напротивъ того изъ одной учтивости. Къ нимъ можно вкрадываться въ любовь такъ, что откроютъ совершенно и умыслы своей братьи.

Сіи суровые, и необузданные простаки, живутъ между собою въ совершенномъ равенствѣ, безъ предводителей и начальниковъ, безъ законовъ и наказаній, безъ уваженія прошедшаго и будущаго. Хитрой и удалой человѣкъ руководствуетъ однакожъ нерѣдко цѣлыми артелями, а особливо когда дойдетъ дѣло до удовлетворенія или мщенія. При томъ и старѣйшина въ малой или большой хижинѣ, хотя и не видитъ къ себѣ почтенія, однакожъ и другимъ не уступаетъ. Вожда такъ, какъ и родоначальника, называютъ они *Тоіономъ* и *Туйгучомъ*. Между собою хранятъ они союзъ по семействамъ и по родамъ, и стоятъ за себя какъ при защищеніяхъ, такъ и въ случаѣ нападеній. Жители одного острова почитаютъ себя всегда единородными и думаютъ, что островъ общее рода ихъ имѣніе. Небольшія артели чужихъ людей принимаютъ хорошо; многолюднымъ же толпамъ сопротивляются, пока или ихъ не истребятъ или сами не погибнутъ. Всякъ пользуется свободно тѣмъ, въ чемъ имѣетъ нужду; равно почитаетъ себя и хозяиномъ всего, что бы то ни было; а отъ сего произходятъ споры, хотя они въ прочемъ и миролюбивы.

У нихъ нѣтъ ни какого ученія, ни граматы, ни заручительныхъ знаковъ, ни лѣтосчисленія, ни свѣденія о прежнихъ ихъ бытіяхъ; словомъ сказать, они не знаютъ ни чего другаго, кромѣ того, что до житія ихъ касается. Они считаютъ, какъ и мы, до десяти, и по томъ удвоиваютъ. На Алеутскихъ островахъ считаютъ такъ: *Тагатакъ*, одинъ; *алагъ*, два; *канкусъ*, три; *зечи*, четыре; *та*, пять; *ату*, шесть; *оулу*, семь; *калсе*; восемь; *шисетъ*,

девять; *асокъ*, десять; и такъ далѣе. Солнце называется *Агайя*, луна *Тугилагъ*, вода *Гана*, вѣтръ *Катикъ*, огонь *Кигенагъ*, человѣкъ *Тайяха*, баба *Аягутъ*, дерево *Яга*, и проч.

Промыслы и дѣла свои производятъ единственно во удовлетворенiе естественныхъ нуждъ для сохраненiя жизни, безъ всякаго при томъ помышленiя о удобности, чести, богатствѣ, будущемъ и проч. по чему они и не отстаютъ отъ оныхъ ни по какимъ обстоятельствамъ. По елику одни острова не имѣютъ съ другими сообщенiя, то жители каждаго живутъ про себя; а отъ сего произходитъ различiе въ житiи и въ разныхъ изобрѣтенiяхъ къ облегченiю ихъ нуждъ, или въ заимствованiе пользы отъ того, что уже есть, и въ приведенiи онаго еще въ лучшее состоянiе. У нихъ *нѣтъ* ни какого *скота*, ниже собакъ: по чему и стрѣляютъ козачьихъ собакъ такъ, какъ и другую дичь. Звѣриный промыселъ, также ловлю птицъ и рыбъ, производятъ только по нуждѣ, и во всемъ, не выключая ниже строенiя хижинъ и дѣланiя домашнихъ надобностей, берутъ женъ на помощь. Дикихъ звѣрей убиваютъ стрѣлами или ловятъ. Рыбу запружаютъ въ ручьяхъ наноснымъ валежникомъ и ловятъ ее небольшими коробами или костяными вилами, либо и голыми руками; употребляютъ такъ же и костяныя уды на веревочкахъ изъ кочерыгъ морскаго капустника, кои бываютъ длиною саженъ по осьмидесяти и вытягиваются. На морскихъ звѣрей нападаютъ обыкновенно, когда они спятъ, или убиваютъ ихъ и стрѣлами въ водѣ, разъѣзжая на своихъ ладьяхъ. Женщины сушатъ мясо и рыбу, выдѣлываютъ птичьи подбрюшины по большой части черезъ выминанье, рыбьи шкуры, мягкую рухлядь и кожи, подобныя замшѣ, шьютъ одѣянiе, и проч. Въ выдѣлкѣ сей не столько они знающи, какъ всѣ почти Сибирячки; въ шитьѣ же и строченьѣ вичуровъ весьма искусны. Ежели островъ избыточествуетъ какою нибудь надобностью, а другою недостаточенъ; то островяне мѣняются вещьми безъ дальныхъ ращетовъ. Иногда покушаются они выживать благополучнѣйшихъ островянъ; и дѣло сiе производятъ по большой части не иначе, какъ черезъ истребленiе оныхъ. Съ того времени, какъ стали прiѣзжать къ нимъ Рускiе люди, цѣна иныхъ вещей во всемъ у нихъ перемѣнилась. Сами носятъ они хуждшую мягкую рухлядь, лучшую же, а особливо морскихъ бобровъ и черныхъ лисицъ, промѣниваютъ на лоскутья матерiй, также на нитки, иголки, и другiя мѣлочи, а больше на бисеръ. Кто имѣетъ изрядную хи-

жину, много бабъ, хорошую лодку и пригожее по ихъ вкусу одѣяніе, тотъ считаетъ себя не меньше Князька.

Оружіе ихъ и *домашній скарбъ* со всемъ по мысли старинныхъ людей: сюда принадлежатъ лукъ, стрѣлы, дротики, копья, пращи, щиты и дубины, все безъ желѣза, коего не велѣно къ нимъ возить, дабы не сдѣлать чрезъ то сихъ людей опаснѣйшими: но они всѣ сіи орудія дѣлаютъ смертоносными посредствомъ завостреныхъ костей или камней. Изрядно опереные, фута въ три длиною, *дротики* могутъ они, какъ и Гренландцы, метать саженъ за тридцать. Когда попадается имъ въ руки желѣзо, то куютъ холодное каменьемъ и дѣлаютъ копейца, отъ которыхъ раны по причинѣ шероховатой и нечистой отдѣлки, бываютъ крайне опасны. Байдары ихъ бываютъ длиною саженъ по шести, и могутъ поднимать иныя человѣкъ до сорока; хотя въ прочемъ дѣлаются только изъ наноснаго дерева или и изъ китовыхъ ребръ; работу производятъ завостреными каменьями съ великимъ трудомъ и не гладко; обшиваютъ же моржовыми и тюленьими кожами. Обыкновенные Каноты или лодки разполагаются только для одного или двухъ человѣкъ, и бываютъ вѣсомъ фунтовъ въ тридцать.

Жилища ихъ подобны Камчатскимъ, но по большой части обширнѣе. *Зимняя землянка* (Уллаа), которая походитъ также и на Гренландскую, гдѣ она называется *Иглолъ*, длиною бываетъ отъ 10 до 50 саженъ, шириною отъ 3 до 5 саженъ, а глубиною въ землю сажени на полторы; въ нутри раздѣлена жердями, въ верьху решетчатая, и покрыта травою, сверьхъ которой навалена земля. Решетки же таковыя дѣлаются изъ жердей, а сіи изъ наноснаго лѣсу. Въ таковъ потолокѣ для лазенья по лѣсницамъ, для проходу дыму, и для свѣту бываетъ отъ четырехъ до шести отверстій, а иногда и больше; въ нутри же по самой срединѣ видно одно либо и больше огнивищъ промежъ столбовъ, которыя у всѣхъ въ употребленіи: однакожъ сколько можно въ меньшемъ количествѣ; по чему въ землянкахъ ихъ рѣдко водится огонь. *Ночлеги* покрыты травяными рогожами или и теплыми кожами. Для *освѣщенія* сей длинной могилы находятся у раздѣлительныхъ столбовъ свѣтильники изъ выдолбленыхъ каменныхъ отломковъ, въ коихъ огонь содержится рыбьимъ жиромъ. Въ таковой хижинѣ живетъ малая или большая артель, состоящая изъ родственныхъ семей, въ коихъ бываетъ вообще душъ 50, 100, 200, а иногда и 300. Она нарочито походитъ на преисподнюю; всего тутъ доволь-

но: теплота, дымъ, иногда несносный жаръ, тусклой отъ свѣтильника свѣтъ, нагія необузданныя человѣческія отродія, гадины, пребѣдная и негодная пища, шумъ, несносныя мерзости, смрадъ несноснѣйшій еще того, какой бываетъ отъ смолы и сѣры; вотъ все то, что сыскать тутъ можно. На нѣкоторыхъ островахъ ведутся отъ части по старинному обыкновенію, а отъ части и по причинѣ каменистой отъ земли обнаженной подошвы, малыя футъ въ три глубиною *землянки* же, въ коихъ живутъ по одной только семьѣ. Большая половина островянъ имѣетъ и *лѣтнія хижины* (Барабара), подобныя такъ же Камчадальскимъ. Они огромнѣе, стоятъ поверьхъ земли и преисполнены людей. Нѣкоторые островскіе жители укрѣпляютъ нѣсколько свои землянки наноснымъ лѣсомъ.

Домашній ихъ *скарбъ* соотвѣтствуетъ жилищамъ. Оный состоитъ наипаче въ деревянныхъ корытахъ, дѣлаемыхъ изъ наноснаго или собственнаго лѣсу, въ раковинныхъ чашкахъ, въ выдолбленыхъ отломкахъ камней, въ плетеныхъ кузовахъ, въ сосудахъ изъ коры и кожи, въ травяныхъ рогожахъ, въ завостреныхъ камняхъ, кои служатъ имъ вмѣсто топоровъ и ножей, въ костяной ремесленной снасти, а куда Рускіе люди пріѣзжаютъ, тамъ водятся у нихъ сверьхъ того и котлы или чугунные горшки. Легко можно разсудить, сколь великаго труда таковымъ людямъ стоитъ, ухижить такое жилище, дѣлать домашнія подобности, лодки и проч. безъ долотъ, топоровъ, ножей и сему подобнаго, одною каменною и костяною снастью: по чему они и живутъ въ вышеописанной тѣснотѣ, а иногда и въ каменныхъ пещерахъ, которыя ухиживаютъ для житья наноснымъ валежникомъ, кожами, рогожами и проч. и тутъ весь свой вѣкъ препровождаютъ.

Они не чаютъ быть устроенными отъ природы такъ чтобы надлежало имъ стыдиться: по чему не только дѣти, но и взрослые обоихъ половъ ходятъ въ жаркихъ юртахъ, или когда одѣяніе мѣшаетъ имъ въ исправленіи своихъ дѣлъ, совсемъ нагіе. Многіе занавѣшиваютъ срамной удъ маленькимъ запономъ кожанымъ, или шубнымъ лоскутомъ, либо и листкомъ; мужчины же особливо носятъ въ переди мошну, которой не оставляютъ пустой не столько для прикрытія уда, сколько для сбереженія онаго. На многихъ, особливо Сѣверныхъ островахъ, выводятъ оба пола, для мнимой прикрасы, на рукахъ и на лицѣ изображенія звѣрей, птицъ, цвѣтовъ, либо и изъ своей головы вичуры, не нитками, какъ то

Алеутъ.
Ein Aleute.
Aléutien.

дѣлаютъ Восточные Сибиряки, но кровавымъ накалыванїемъ посредствомъ рыбьихъ костей; наколотыя же такимъ образомъ мѣста натираютъ черною или другою какою земляною краскою, и дѣлаютъ чрезъ то выводы свои незагладимыми. Въ *ушныхъ мочкахъ* дѣлаютъ иные по краямъ множество дырочекъ, въ которыя продѣваютъ пучки изъ мѣлкаго красиваго перья составленные, также корольки и другїя мѣлочи: наибольше дѣлаютъ сїе женьщины. Мужчинамъ кажется дурно, когда волосы скоро и густо ростутъ: по чему и выщребливаютъ у себя бороды иные и до чиста. Женьщины обнажаютъ у себя отъ волосъ лобъ; а остальные заплетаютъ на затылкѣ въ одну косу. На нѣкоторыхъ островахъ очищаютъ мужчины отъ волосъ всю голову вострыми каменьями, на другихъ же дѣлаютъ только лысину съ околышемъ, которой коротко подрѣзываютъ. Многїе совсемъ не умываются и по тому смуглы и дурны; иные же моются сперьва своею мочою, а по томъ водою; и съ лица чисты, румяны. и здоровы кажутся. Наистраннѣйшимъ ихъ обыкновенїемъ можно безъ сомнѣнїя почесть то, что на всѣхъ почти островахъ многїе какъ мужчины, такъ и женьщины въ ребячествѣ своемъ дѣлаютъ на нижней губѣ два глубокїе прорѣза, а въ носовомъ хрящу провертываютъ скважину. Въ губные оные прорѣзы вставляютъ они, когда вздумаютъ пощеголять, а сїе случается и часто, моржовые, до двухъ дюймовъ длиною, изкривленные и выглаженные зубы стоймя, такъ что держатся на челюсти, сквозь скважину же въ носовомъ хрящѣ продѣваютъ подобную перекладинѣ небольшую птичью кость, такъ что ноздри приподнимаетъ къ верьху. Которые любятъ щеголять, тѣ дѣлаютъ по срединѣ нижней губы еще третїй прорѣзъ, въ которой вставляютъ выкрашенной камышекъ.

Одѣянїе ихъ теплое и щегольское состоитъ въ сорочкѣ (Парка) длиною по колѣна, подобной во всемъ Корякской. Мужскїя Парки дѣлаются изъ подбрюшинъ гагаръ и разныхъ морскихъ птицъ, а особливо изъ гагаръ; женскїя же изъ морскихъ бобровъ, лисицъ и иной мягкой рухляди. Они всегда надѣваютъ ихъ на голое тѣло, и обращаютъ на ружу то пушистою, то гладкою стороною; а сїю послѣднюю красятъ обыкновенно красною землею. Они носятъ въ дождливое время еще и другїя сорочки (Камлаи), подолѣе первыхъ изъ сивучьихъ кишекъ или рыбьихъ шкурокъ сдѣланныя, и надѣваютъ ихъ сверьхъ теплыхъ сорочекъ, а иногда и на голое тѣло. Холщевыя матерїи совсемъ имъ незнакомы, а штаны, рука-

вицы и чулки не въ употребленіи: однакожъ нѣкоторые запасаются на зиму кожаными теплыми чулками. Ногамъ ихъ не бываетъ ни какого вреда отъ того, что ходятъ по снѣгу босикомъ. Лѣтомъ или ни чемъ головы не покрываютъ, или носятъ лѣтнія шляпы изъ дерева вырѣзанныя, кои походятъ съ виду на утиной носъ, и которыхъ узкій или передній конецъ выдался надъ лбомъ въ передъ фута на полтора, какъ навѣсная крышка. Они красятъ таковыя шляпы земляными красками своихъ острововъ, и огораживаютъ ихъ по краямъ перьями, а въ верьху и около разставливаютъ пучки, сдѣланные изъ крѣпкихъ, длиною въ пядень и больше, сивучьихъ и морскихъ котовъ усовъ, да сверьхъ того украшаютъ пригожими пронизками и перяными пучками: по чему они на Римскіе шишаки не меньше походятъ, какъ и на лѣтнія шляпы, а особливо, когда они переднюю часть носа больше приподнимаютъ въ верьхъ. Надъ самою же головою они полы; и на таковомъ верьхнемъ краю укрѣпляютъ они по большой части маленькаго, длиною въ дюймъ, идола костянаго, въ человѣческомъ подобіи сѣдящаго, и при томъ красивѣе вырѣзаннаго, нежели бы можно было ожидать отъ людей не имѣющихъ ни ножей, ниже иныхъ какихъ для такой работы надобныхъ орудій. Мужчины носятъ также и кегелю подобныя кожаныя шапки, вышиною съ лишкомъ на пядень, которыхъ края и два супротивныя шва вичурами, а сіи и оторочки ихъ волосяною бахрамою шириною въ ладонь, вершина же снурками и прицепленными къ нимъ улитками, украшены. На нѣкоторыхъ островахъ носятъ шапки и поплосчаѣ, нарочито похожія на наши скороходскія. Верьхній шовъ у сихъ шапокъ выкладываютъ они такъ же долгою волосяною бахрамою; края же и бока украшаютъ вичурами и перьями. Женьщины шьютъ себѣ лѣтнія шапки изъ кожи, рыбьихъ шкурокъ или изъ разпоротыхъ звѣриныхъ кишокъ. У шапокъ сихъ края прямые, шириною въ ладонь; при томъ они повсюду вышиною равны, и они имѣютъ плоскую или мѣлкую тулью. Края и тулью украшаютъ весьма пригожимъ шитьемъ, которое выводятъ жилами, волосами, а иногда и бисеромъ, когда могутъ оной достать; тулью же обводятъ по краямъ во кругъ волосяною бахрамою, длиною въ палецъ. Зимою носятъ шапки изъ шкурокъ пѣганокъ, которыя здираютъ и высушиваютъ такъ, что голова проходитъ въ брюхо птицы; при чемъ ея шея, крылья и хвостъ остаются по прежнему на своихъ мѣстахъ. Найвеликолѣпнѣйшія ихъ перяныя шапки дѣлаются изъ пѣганокъ. Въ мѣсто шеи придѣлываютъ состоящую

Курилецъ.
Ein Kurill.
Kourilien.

изъ сложенной вдвое кожи, шириною пальца въ два, упругую полоску, которая въ низу и въ верьху разпещрена мѣлкимъ шитьемъ, а по краямъ выложена волосяною бахрамою, длиною въ перстъ. Въ мѣсто птичьей головы прикрѣпляютъ они къ таковой кривулинѣ нижнюю песцовую челюсть. Полоса сія простирается черезъ всю спинку птицы, и придаетъ шапкѣ упругость. Она и на спинкѣ вышита и бахрамою обложена. Нарядное ихъ одѣянїе дѣлается изъ птичьихъ подбрюшинъ и разной мягкой рухляди, на подобїе сорочекъ, просторное, длиною по самыя пяты, съ чрезвычайно красиво вышитыми перста на два шириною закраинами, увѣшены повсюду полосками длиною въ пядень, изъ хорошей мягкой рухляди, а въ низу съ подзоромъ, длиною въ пядень, изъ однихъ кожаныхъ полосокъ. Одѣянїе свое шьютъ изъ того, чемъ сами они или ближайшїе островскїе жители избыточествуютъ. Многїе дѣлаютъ всегда оное изъ тюленьихъ, Сѣвернѣйшїе же изъ оленьихъ кожъ, а ближайшїе къ Востоку отъ части изъ такой токмо мягкой рухляди, которую могутъ получать съ матерой Американской земли. Оба пола носятъ платье одинакое съ тою только разностїю, что мужское шьется больше изъ птичьихъ шкурокъ, женское же изъ хорошей мягкой рухляди, а лѣтнее изъ подобной замшѣ выдѣланной кожи. Кожевенная ихъ выдѣлка посредственная; напротивъ того въ шитьѣ одѣянїя и въ выводѣ наономъ вичуровъ, при чемъ въ мѣсто иголокъ и нитокъ употребляютъ рыбьи кости и щипаныя жилы, крайне искусны.

Въ разсужденїи *пищи* соображаются совершенно природѣ своей и качеству своихъ островов. Они *ѣдятъ* китовъ, морскихъ бобровъ и котовъ, сивучей, хищныхъ звѣрей и другую дичь, также всякихъ хищныхъ и другихъ птицъ, всякую рыбу, а особливо палтусовъ, изъ коихъ нѣкоторые бываютъ вѣсомъ и свыше 8 пудъ, разные роды кунжи, раковины, и всѣ вообще, выключая людей и насѣкомыхъ, водяныя, земныя и воздушныя животныя употребляютъ въ пищу, однако улитокъ только по нуждѣ; сверьхъ того ѣдятъ разныя дикорастущїя ягоды, сродныя островамъ ихъ обще съ другими ближайшими къ Сѣверу странами, какъ то, черницу, голубицу, клюкву, брусницу, рябину, водяницу, толокнянку, морошку, сарану, макаршино коренье, Камчатскую сладкую траву, морской капустникъ и другїя не горькїя коренья и травы. Охотно ѣдятъ также и издохшихъ морскихъ и полевыхъ звѣрей; да и сонную рыбу, хотя уже и съ душкомъ. *Соль* совсемъ имъ незнакома.

Больше *ѣдятъ* они все *сырое*, такъ что кровь течетъ при томъ изъ роту по губнымъ прорѣзамъ: и по тому пища ихъ не требуетъ дальныхъ приготовленій. Зимою держатъ они мясо и рыбу на деревянныхъ рожнахъ надъ своими свѣтильниками, не для того, чтобы поджарить, но въ томъ единственно намѣреніи, дабы разогрѣть. Если же затѣютъ что варить, то парятъ промежъ двухъ выдолбленныхъ и мискамъ подобныхъ камней, коихъ скважины замазаны глиною; а по томъ ѣдятъ холодное.

При такой своей неразборчивости рѣдко претерпѣваютъ они недостатокъ на островахъ по большой части мало населенныхъ; однакожъ на иныхъ и бываетъ оной въ зимніе мѣсяцы. Для предупрежденія же таковаго недостатка, сушатъ остальное мясо и рыбу на солнцѣ, или коптятъ въ дыму: и по тому сушеная рыба (Юкола), которую они такъ, какъ и сушеное мясо, ѣдятъ безъ дальняго приготовленія, бываетъ обыкновенною ихъ зимнею пищею. Мясо и рыбу, которую скоро думаютъ съѣсть, или что останется излишнее въ началѣ зимы, сохраняютъ они чрезъ опущеніе въ воду или зарыванье въ снѣгъ. Но они стольже безпечны, какъ и прожорливы: по чему рѣдко у кого бываютъ такіе остатки, которые бы можно было сохранить въ прокъ.

Питье ихъ вода; они часто употребляютъ и соленую морскую, когда въ близи нѣтъ прѣсной. Въ праздничное время пьютъ китовой или иной какой рыбій жиръ, и тянутъ оной изрядно. Для *подлого*, собственнаго не имѣютъ ни чего; да и не находятъ ни какой приятности ни въ мухоморахъ, ни въ табакѣ, ни въ хлѣбномъ или Камчатскомъ травяномъ винѣ: что все было къ нимъ привозимо: однакожъ нѣкоторые, подражая козакамъ, привыкли къ нюхальному табаку.

Поелику морской берегъ въ разсужденіи выбрасываемыхъ на оной мертвыхъ животныхъ, раковинъ, улитокъ и морскаго капустника, что все можно тамъ собирать во время отлива, бываетъ въ случаѣ недостатка надежнѣйжимъ прибѣжищемъ; то всякая хижина или усадьба бережетъ свое на берегу мѣсто. Чужіе нуждающіеся люди не смѣютъ поднять на берегу ниже мертвой рыбы, но должны сперьва просить оной какъ милостыни; въ противномъ же случаѣ съ цѣлыми головами не уплетутся.

Сколь ни сообразно житіе ихъ простотѣ природы, однакожъ оно не въ честь ей служитъ, когда люди бываютъ чрезъ то толико подобны звѣрямъ. Въ *обхожденіи* они важны, въ разговорахъ весьма

отрѣзисты, между собою веселы, отъ части и болтливы, по безпечности гостепрiимчивы и щедры, но грубы и неприступны. Не почитая родителей и начальниковъ, не заобыкши къ повиновенiю, и не зная что есть благочинiе и благопристойность, слѣдуетъ всякъ своей прихоти. Они ѣдятъ, когда есть за что приняться, и когда проголодаются; при чемъ иногда и выпоражниваются. Въ случаѣ недостатка постятся безъ роптанiя и нѣсколько дней съ ряду. Жилыя ихъ ямины дѣтскими, а кровли, взрослыхъ людей кладами всплошь усажены: по чему несносно смердитъ въ близи и въ нутри ихъ жилищъ. Они ходя часто нагiе, творятъ и соитiе въ нутри и внѣ юртъ безъ всякаго зазору, и при томъ, по великой горячности обоихъ половъ, нарочито часто. Да и родятъ, женьщины безъ всякаго же закрытiя или утайки. Спятъ они на камышевыхъ рогожахъ а покрываются платьемъ. Всякiй родъ или поколѣнье держится правда одного острова: но они ѣздятъ временемъ и на другiе острова, и живутъ тамъ иногда долго. Необитаемые острова принадлежатъ всѣмъ равно; на населенныхъ же бываютъ или какъ гости, или какъ непрiятели. Когда они прiѣзжаютъ и на короткое время, то дѣлаютъ немедленно для себя ямины. Огонь добываютъ по примѣру Камчадалъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ чрезъ тренiе одного дерева объ другое. Грѣются травою, которую поджегши, становятся надъ оною разтопыря ноги такъ, чтобъ дымъ и тепло проходили подъ шубу (Парка). Войны ихъ состоятъ больше въ нападенiяхъ; когда же идутъ приступомъ, то несутъ передъ собою деревянные щиты, которыми могутъ нѣсколько человѣкъ заслоняться, и выходятъ, когда надобно, изъ за оныхъ съ своимъ оружiемъ.

Женитьбы ихъ, въ сравненiи съ употребительными у насъ, едва и названiя сего достойны. Мужчина, который можетъ исправлять звѣриной промыселъ и рыбную ловлю, принимаетъ къ себѣ одну или и нѣсколько женьщинъ, достаетъ при помощи ихъ себѣ и имъ надобное, и живетъ съ ними въ своей яминѣ или въ своемъ отдѣленiи по женатому; чему не предслѣдуютъ никогда ни купля, ни договоръ. ни празднества. Первыхъ бабъ выбираетъ мужъ обыкновенно самъ; если же онъ удалъ, и при томъ заводной промышленникъ и рыболовъ, то стекается къ нему и больше дѣвокъ, вдовъ, отпущенныхъ или бѣглыхъ женъ и дѣтей малыхъ, которыхъ всѣхъ принимаетъ онъ и содержитъ добычами на звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Сколь поспѣшно при щастiи семейство

возрастаетъ, столь скоро и разсѣвается оно при тщетныхъ стараніяхъ о снисканіи пропитанія; бѣглецы переходятъ къ другимъ, да и бабы расходятся и ищутъ себѣ другаго кормильца, къ коему приводятъ иногда съ собою и дѣтей, если они сами не пожелаютъ остаться у отца. Все сіе произходитъ безъ ссоръ, дракъ и тому подобнаго; по елику оба пола равную имѣютъ вольность. На нѣкоторыхъ островахъ больше союзны мужья съ женами, и родители съ дѣтями, по тому, что мужья больше имѣютъ власти: но тутъ и промѣниваютъ они женъ и дѣтей своихъ на нужныя для пропитанія и на одѣяніе вещи. Бѣжавшія или промѣненныя жены возвращаются иногда и по нѣскольку разъ къ прежнимъ своимъ мужьямъ. Въ естественномъ состояніи не могутъ быть слѣдствія отъ таковой необузданности толико опасны, какъ при гражданскомъ устроеніи общества. Островскіе жители ставятъ ни вочто какъ попеременное владѣніе женами, такъ и союзы родства, и женятся единственно для пропитанія и удовлетворенія похоти: при чемъ они не обрѣтаютъ препятствій, а по тому и неистовствъ не дѣлаютъ. Они всякому желаютъ добра и забавъ; и по елику тамъ, какъ въ Камчаткѣ, предпочитаютъ бабъ дѣвкамъ, то сіи послѣднія возрастаютъ и при всемъ своемъ безпутствѣ безъ всякаго стыда. Ни какая мать не покидаетъ дѣтей своихъ до тѣхъ поръ, пока они не станутъ помнить ея имени; и таковыхъ дѣтей, при всеобщемъ чадолюбіи островскихъ жителей, принимаетъ охотно не только новоизбранный матерью ихъ мужъ, но и всякій посторонній человѣкъ.

Бабы, какъ слышно, родятъ очень легко. Малыхъ *дѣтей* купаютъ весьма часто въ холодной морской водѣ, и когда разкричатся, окунываютъ ихъ въ оную, не взирая и на зимнюю стужу, до тѣхъ поръ, пока не успокоятся. Грудью кормятъ ихъ не долго, но приваживаютъ ихъ вскорѣ къ суровой, по большой части сырой пищѣ. Дабы приучить ихъ сидѣть на цыпкахъ, связываютъ имъ ноги вмѣстѣ. Воспитанныхъ столь сурово дѣтей отпускаютъ родители на свою волю какъ можно скорѣе; послѣ чего мальчики и дѣвочки безъ дальней отъ родителей своихъ помощи живутъ безъ нужды и становятся напослѣдокъ столь же добрыми людьми, какъ и родители ихъ, коимъ они ни чего отмѣннаго не оказываютъ, и которыхъ иногда вовсе не знаютъ. Употребительныя тутъ имена суть слѣдующія: *Иганишъ*, *Бакутунъ*, *Алаутокъ*, *Тумига* и проч.

Они не столь суровы и безчувствительны, чтобы не старались *забавами* сдѣлать себѣ жизнь приятною. Женитьбы, рожденія, да и самая вѣра не подаютъ правда имъ поводу къ празднествамъ: но они почти весь Декабрь мѣсяцъ препровождаютъ въ посѣщеніяхъ сосѣдей или и другихъ островскихъ жителей. Къ случайнымъ же увеселеніямъ подаютъ имъ поводъ, найденные на берегу киты, щастливые звѣриные промыслы, и нечаянныя дружескія посѣщенія. Когда китъ осядетъ на мѣли, или море выброситъ на берегъ издохшаго, то принадлежитъ оный не набережнымъ, но всѣмъ вообще островскимъ жителямъ. Всѣ стекаются съ великою радостію къ сей громадѣ, совершаютъ идолослужебные и волшебные обряды, раздѣваются до нага, а по томъ свѣжуютъ и дѣлятъ мясо, жиръ, кожу и кости. По томъ наряжаются въ самое лучшее платье, вставливаютъ кости въ щеки и носъ, и убираютъ все, что ѣсть можно, съ чрезвычайною радостію. Подобныя но не столь общія, празднества бываютъ и по случаю частныхъ щастливыхъ звѣриныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель.

Увеселенія ихъ состоятъ, кромѣ неумѣреннаго употребленія мяса и жиру, въ біеніи въ бубны, въ пѣсняхъ, пляскахъ, сказкахъ и удовлетвореніи похоти. Кромѣ бубенъ не имѣютъ они никакихъ музыкальныхъ инструментовъ. Съ оными выходятъ они на встрѣчу пріѣзжимъ своимъ гостямъ цѣлыми артелями; да и въ пляскѣ сообразуются біенію въ бубны и пѣснямъ, коихъ содержаніе есть мечтаемое ими щастіе и разныя басни. Они пляшутъ не кругомъ, но стѣна противъ стѣны, которыя то сближаются, то паки раздаются: при чемъ и прыгаютъ довольно. Иногда накладываютъ они на лица свои и деревянные хари, уподобляющія ихъ звѣрямъ, и при томъ крайне дурныя. Въ такомъ случаѣ мужчины раздѣваются, и оставляютъ только передъ удомъ передникъ или мошну; женьщины же остаются въ платьѣ. По окончаніи пляски разбиваютъ они бубны и хари въ щепы, и дѣлаютъ послѣ новые. Гдѣ есть волшебники, тамъ присовокупляютъ и они къ тому свои обмороки и предсказанія. Напослѣдокъ удаляются пріѣзжіе гости въ свои станы, а хозяева, имѣющіе женъ съ залишкомъ, надѣляютъ ими пріѣхавшихъ безъ женъ гостей. При отъѣздѣ не бываетъ ни чего отмѣннаго, ни провожанья, ни благодарности.

Они такъ, какъ и народы, обитающіе на восточномъ берегу Сибири, содержатъ *Шаманской* языческой законъ; прилѣплены столько же или еще и больше, къ чувственному, а невидимое и непонят-

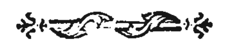
ное ни мало ихъ не трогаетъ. Они не имѣютъ ни какихъ точныхъ понятій о богахъ, ниже о ихъ соучаствованіи въ судьбахъ, и о будущей участи; нѣтъ у нихъ такъ же ни праздниковъ, ни моленій: однакожъ есть у нихъ *волшебники* или Шаманы, подобные Камчадальскимъ, похваляющіеся знакомствомъ своимъ съ богами и свѣденіемъ прошедшаго и будущаго, и состоящіе у народа въ почтеніи, но никакихъ подаяній отъ него не получающіе. Во время празднованій своихъ у выброшенныхъ на берегъ китовъ, благодарятъ они въ пѣсняхъ своихъ боговъ за таковую благодать: но сопleшаютъ благодарность свою съ разными кощунствами. При ядѣніи таковыхъ благодатей бросаютъ нѣсколько кусковъ мяса въ огонь, яко жертву. Покойникамъ даютъ, какъ и всѣ язычники Шаманскаго толку, разную утварь для употребленія на томъ свѣтѣ. У нихъ есть небольшіе деревянные *домашніе идолы*, которыхъ они мажутъ кровью и жиромъ, и думаютъ, что ихъ чрезъ то питаютъ. Огнедышущія или дымящіяся горы и нѣкоторыя знатныя пещеры, почитаютъ они жилищами боговъ и духовъ; къ нимъ обращаютъ и Шаманы или волшебники свои молитвы. Будущей же участи и боговъ, также милости ихъ и гнѣва не ожидаютъ они и не боятся ни мало.

Здоровьемъ они *крѣпки*, и до старыхъ лѣтъ бываютъ бодры. Цынга, короста, лихорадка и другія обыкновенныя болѣзни случаются у нихъ очень рѣдко. Оспа ни когда еще у нихъ не бывала. И у самыхъ старыхъ людей зубы пригожіе, чистые и крѣпкіе. Кто нездоровъ, тотъ по произволенію своему воздерживается нѣсколько дней отъ пищи. Когда болитъ голова, то пускаютъ изъ одной головной жилы кровь вострымъ кремешкомъ. На раны кладутъ нѣкоторой корешокъ, признанной ими врачебнымъ, и такъ далѣе. Въ прочемъ они столь мало нѣжатся, что когда понадобится имъ кровь на склеиваніе чего ни будь, то разбиваютъ себѣ носъ кулакомъ до крови.

Они боятся посѣщенія покойниковъ, и не охотно живутъ въ такихъ хижинахъ, гдѣ люди уже умирали: по чему они больныхъ изъ большихъ хижинъ выносятъ вонъ, въ маленькихъ же оставляютъ покойниковъ и заметываютъ ихъ землею. Скудныхъ покойниковъ завертываютъ въ ихъ одѣяніи совокупно съ домашнею ихъ утварью и звѣроловною снастью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предаютъ погребенію; зажиточнѣйшихъ же кладутъ такъ же въ платьѣ и съ домашними надобностями въ небольшую лодку, и въ-

шаютъ оную на висѣлицу, состоящую изъ двухъ утвержденныхъ въ землю вилъ, и положенной на оныя перекладины, дабы они, вися такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, превращались въ тлѣнъ.

Россійскимъ Козакамъ, промышленикамъ купцамъ крайне трудно *жить* на сихъ островахъ. Моремъ надобно туда ѣхать изъ Камчатки съ лишкомъ годъ. Между тѣмъ заѣзжаютъ они и на другіе острова, собираютъ добровольную подать, промѣниваютъ щепетные товары, а особливо пронизки, на мягкую рухлядь, да и сами ходятъ на звѣриные промыслы. Ежели бы можно было отважиться, возить къ нимъ ножи и топоры, то обмѣнные торги великое бы получили чрезъ то приращеніе: но какъ тѣмъ уготовляемы бы были себѣ опасности, то надобно пособлять сему неудобству собственнымъ звѣринымъ промысломъ, которой производить какъ на берегахъ, такъ и въ дали отъ оныхъ, островскіе жители не только не препятствуютъ Рускимъ людямъ, но и придаютъ имъ мальчиковъ, которые скоро привыкаютъ говорить по Руски, и бываютъ по томъ толмачами и почти залогами. Пока ведутся привезенные съ собою съѣстные припасы, питаются оными промышленики: при недостаткѣ же ѣдятъ какъ и коренные островскіе жители мясо и рыбу безъ хлѣба и соли, и бываютъ при томъ здоровы. Островяне поступаютъ правда съ чужими людьми грубо, однакожъ тихо; если же возъимѣютъ подозрѣніе, то стараются всѣхъ безъ всякаго изслѣдованія перебить: по чему промышленики должны всегда остерегаться, тѣмъ наипаче, что на островахъ не можно такъ, какъ въ Камчаткѣ, заводить тѣснаго знакомства съ женьщинами, черезъ которыхъ всѣ злые умыслы тамъ открываются. Козаки остерегаются жить порознь или долго быть въ ихъ жилыхъ ямвнахъ; да и у собственныхъ своихъ хижинъ содержатъ по ночамъ караулъ. Ежели путешествіе удачное, то корабль, смотря по состоянію островов, у которыхъ былъ, и по изобилію тамошнихъ звѣрей, привозитъ до 2000 морскихъ бобровъ, столько же и больше морскихъ котовъ, до 1000 кослоковъ, до 2000 черныхъ лисицъ, толикое же число голубыхъ песцовъ, вдвое противъ того или и больше бѣлыхъ песцовъ; однакожъ всегда одной которой нибудь рухляди больше, другой же мало или вовсе ничего: иногда же и ни которой не бываетъ въ вывозѣ вышепоказаннаго количества.



О ШАМАНСКОМЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ЗАКОНѢ.

Многочисленные языческіе народы Россійскаго государства держатся отъ части *Шаманскаго*, отъ части *Ламайскаго*, Индійцы же, коихъ вообще не много, *Браминскаго толку*. *Шаманской* имѣетъ наибольше послѣдователей; къ оному принадлежитъ суевѣріе покланяющихся идоламъ *Финновъ*, *Татаръ*, *Семояди*, *Остяковъ*, *Красноярскихъ*, *Манджурскихъ* и *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ*, *островскихъ жителей Восточнаго моря* такъ, какъ и *Бурятъ* или *Брацкихъ Татаръ*. О языческомъ законѣ Финновъ говорилъ я на своемъ мѣстѣ; при описаніи же прочихъ народовъ преходилъ я сей предмѣтъ молчаніемъ, дабы при великомъ сходствѣ въ обрядахъ и мнѣніяхъ не наскучить читателямъ повтореніемъ. Здѣсь же исполню мое обѣщаніе и о всемъ вообще Шаманскомъ идолослуженіи нашихъ народовъ сообщу краткое описаніе въ такомъ союзѣ, какой могъ я въ ономъ открыть.

Шаманскій законъ принадлежитъ въ число древнѣйшихъ вѣръ. Онъ всѣхъ старѣе на Востокѣ, и почитается корнемъ Ламайскаго, Браминскаго и другихъ языческихъ толковъ. Въ Индіи были священнослужители его отъ части и мудрецы: по чему и не было ему въ союзѣ недостатка. У исповѣдниковъ сего закона между нашими народами, за недостаткомъ грамати и школъ, также по причинѣ воеваній, преселеній, непостояннаго житія, переиначенныхъ преданій и переворотовъ глупыхъ или обманчивыхъ священнослужителей, претворился онъ по большой части въ противное идолослуженіе и слѣпое суевѣріе. По сему надлежало бы въ разсужденіи толь различныхъ народовъ, языковъ, странъ и житія, ожидать и наивеличайшей разности въ мнѣніяхъ и обрядахъ: однакожъ главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды остались въ достопамятномъ единообразіи, и кажется, что чрезъ то больше токмо забыто, нежели прибавлено. Здѣсь сыщутъ читатели отъ части дополненіе и къ тому, что при описаніи Финскихъ народовъ сказано о ихъ суевѣріи.

У всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ почитается *женской полъ* гораздо *хуже* мужескаго, и существующимъ единственно для удовлетворенія похоти, для рожденія дѣтей и для исправленія домашнихъ дѣлъ: по чему они женъ презираютъ жестоко. Они присвояютъ женскому полу весьма мало правъ человѣчества, и почитаютъ

его отринутымЪ отЪ боговЪ, вообще нечистымЪ, во время же мѣсячнаго очищенія или родовЪ мерзкимЪ и какЪ людямЪ, такЪ и скоту опаснымЪ. ОнЪ кЪ богослуженію не допускается, и не смѣетЪ вЪ юртахЪ ходить около общаго огня, поелику оной почитается священнымЪ. Понеже жены тѣломЪ своимЪ все оскверняютЪ, то имѣютЪ особыхЪ верьховыхЪ лошадей, сѣдла, мѣста для сидѣнія, да обыкновенно и особливую посуду, изЪ которой ѣдятЪ, или должно по крайней мѣрѣ всѣ таковыя вещи, прежде нежели станетЪ ихЪ употреблять мужчина, окурить и отЪ нечистоты упразднить. Они почитаются такимЪ товаромЪ, который вымѣнивается на скотЪ, одѣяніе и проч. и вЪ такомЪ количествѣ, какое кому надобно для исправленія дѣлЪ или похоти; который почти продается, и такЪ далѣе. Когда баба родитЪ двойни или безобразныхЪ дѣтей, то обвиняютЪ ее соитіемЪ сЪ діаволомЪ, и проч. Родители никогда дочерей не любятЪ; да они и сами, если бы знали свое состояніе, отреклись бы отЪ воспріятія бытія.

При всемЪ томЪ есть у ШаманцовЪ и *священнослужительницы*, которыя не меньше вЪ чести или столько же шальными почитаются, какЪ и священнослужители. Они вѣрятЪ, что люди сего состоянія избраны самими богами, и почитаютЪ судорги, родимцы и другіе дѣтскіе припадки знаками таковаго вышшаго избранія.

У *ТунгузЪ*, *БурятЪ* и нѣкоторыхЪ другихЪ народовЪ называются священнослужители *Шаманами*; слово же сіе значитЪ воздыхающаго пустынника и обладателя всѣхЪ страстей; у *ТелеутЪ* и проч. *Камами* или *Хамами* т. е. владыками или пророками; у *ЯкутЪ* и проч. *Аюнами* и *Абысами*: оба сіи слова суть титлы ТатарскихЪ священнослужителей; у *Семояди Тадыбами*, и такЪ далѣе.

Шаманы и *Шаманки* люди простые, и не разнятся отЪ прочихЪ ни одинакимЪ состояніемЪ, ниже особенными правилами или житіемЪ: но отмѣнны токмо по платью и лучшему знанію ученія и обрядовЪ своей вѣры. Они содержатЪ себя подаяніями и жертвами: однакожЪ сверьхЪ того употребляютЪ обыкновенно себѣ вЪ помощь и главный народа промыселЪ, сирѣчь, ловятЪ звѣрей и рыбу и проч. Старые люди учатЪ молодыхЪ всему до вѣры и обмана касающемуся. Поелику священнослужители одни владѣютЪ, такЪ сказать, ученіемЪ, то ихЪ, яко *посредственниковЪ* между народомЪ и богами, коихЪ они умилостивлять имѣютЪ, боятся и почитаютЪ, но при томЪ не рѣдко и ненавидятЪ, когда кто изЪ нихЪ

приличится въ злоупотребленіи своей должности. Отъ великаго напряженія силъ при колдовствахъ своихъ многіе лишаются зрѣнія: но сіе почитается тѣмъ большимъ знакомъ благоволенія къ нимъ духовъ. Поелику вступленіе въ ихъ должность зависитъ отъ случайнаго въ оную позыва; то Шамановъ и Шаманокъ иногда бываетъ много, а иногда и мало. Иные исправляютъ должность свою по смерть, другіе же здаютъ оную при жизни своей другимъ. Они отъ части обморачиваютъ, а отъ части обманываютъ, а больше то и другое дѣлаютъ вмѣстѣ.

Шаманы и Шаманки *разлещряютъ одѣяніе* свое въ томъ намѣреніи, чтобы богамъ быть угодными, а народу страшными; для приобрѣтенія же въ томъ успѣха разныя употребляютъ средства. Тунгузскіе, да и всѣ почти Шаманы, носятъ долгое Восточное, больше кожаное *платье* и сапоги чулкамъ подобные; одѣяніе сіе какъ будто усыпано жестяными идолами, цепочками, колокольчиками, кольцами и другими брякушками, орлиными кохтями, змѣиными чучалами, вырѣзками изъ невыдѣланныхъ кожъ и проч. *Шалки*, которыя иногда клобукамъ, а иногда шишакамъ бываютъ подобны, обвѣшены змѣиными и другими чучалами, и украшены совиными перьями. Нарядъ таковаго человѣка и произходящее отъ онаго бренчанье, приводитъ людей въ юртахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ, въ немалой ужасъ. Хитрые Шаманы надѣваютъ таковое платье у жертвеннаго огня съ содроганіемъ и проч. какъ будто бы вселяется въ нихъ при томъ другой духъ. У нѣкоторыхъ народовъ Шаманское служебное платье покороче, у другихъ же обвѣшиваютъ они простое свое платье кожаными лоскутьями, тряпицами, идолами и проч. и утверждаютъ на шапкѣ перяную шишку.

Главнѣйшее *Шаманское орудіе* есть *барабанъ* или *бубенъ*. Съ виду онъ продолговато круглой, длиною до трехъ футовъ, вышиною едва въ пядень. Ободъ изъ ракитника, съ одной только стороны обтянутъ кожею, а съ другой мѣсто полое, съ поперечною перекладинкою, которая служитъ рукояткою. Кожа какъ будто усыпана изображеніями идоловъ, звѣрей и заручительныхъ знаковъ, въ нутри же висятъ идолы и брякушки. Для ударенія въ сей барабанъ употребляется одна только колотушка, нѣсколько изогнутая и для глухаго звуку обтянутая заячею или иною какою невыдѣланною кожею, а иногда придѣлываются къ ней еще и два рожка, дабы страшнѣе казалась. Дѣйствіе и сила волшеб-

наго барабана по ихъ удостовѣренію весьма велики; нѣкоторые удары призываютъ, а другіе прогоняютъ духовъ. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и священнослужители ходили въ старыя времена въ походъ, вошли можетъ быть отъ нихъ въ употребленіе и у салдатъ барабаны. Шаманы не имѣющіе барабановъ употребляютъ въ мѣсто оныхъ по двѣ *палицы*, длиною въ три фута, обвѣшенныя идолами. Бурятскіе Шаманы при моленіи своемъ повертываютъ небольшой *значекъ*, состоящій изъ лиственичной вѣтви и тряпички. Якуты употребляютъ въ мѣсто онаго *конской хвостъ*.

Сибирскіе Шаманы не имѣютъ надобности ни въ храминахъ, ни въ керемѣтяхъ. Они отправляютъ служеніе свое у нѣкоторыхъ народовъ на чистомъ мѣстѣ, на холмахъ или возлѣ рѣкъ, у другихъ въ юртахъ, у разныхъ народовъ днемъ не разбирая поры, у прочихъ же больше ночью при огнѣ.

Касающіяся *до вѣры понятія* нашихъ язычниковъ всѣ вообще неопредѣленны, темны, отъ части перемѣшаны и прекословны; въ разсужденіи же главныхъ предмѣтовъ почти все клонится къ одному.

Всѣ вѣруютъ въ общаго Бога и Создателя всѣхъ вещей, который называется на Тунгузскомъ языкѣ *Боа*, на Бурятскомъ *Тингири Бурханъ*, т. е. Богъ небесный, на Телеутскомъ *Кудай*, на Камчадальскомъ *Кутка*, на Отякскомъ и Вогульскомъ *Тöрöмъ*, т. е. свѣтъ, на Семоядскомъ *Нумъ* и *Номъ*, и такъ далѣе. Они думаютъ, что Богъ тварь свою любитъ, всевѣдущъ и всемогущъ: но не уважаетъ частныхъ дѣлъ человѣческихъ. Бога, по ихъ разсудку, не можно ни оскорбить, ни къ себѣ умилостивить. Онъ не наказуетъ и не награждаетъ, и слѣдовательно не для чего его ни бояться ни любить. Камчадалы отличаются предосудительными своими о Высочайшемъ Существѣ понятіями. Все, что въ свѣтѣ не по ихъ мысли, такъ какъ и бѣдствія въ жизни, почитаютъ они доказательствами недостаточнаго могущества и свѣденія Промысла, и надъ онымъ издѣваются.

Большая половина сихъ язычниковъ воображаетъ себѣ Бога невидимымъ, обитающимъ на небѣ или въ солнцѣ, и имѣющимъ образъ человѣческой; иные же почитаютъ и солнце за самаго Бога. Телеуты и Алтайскіе Татара думаютъ, что явленія и откровенія Всевышняго бываютъ въ сновидѣніяхъ; и что съ виду онъ походитъ на престарѣлаго бородою оброслаго человѣка, а одѣяніе его подобно мундиру драгунскаго офицера (великолѣпнѣйшаго одѣ-

янія не могутъ они себѣ и вообразить). Въ прочемъ мечтаютъ, что онъ имѣетъ великолѣпной придворной штатъ и множество лошадей; когда онъ ѣздитъ верьхомъ, то происходитъ громъ отъ конскаго топоту, а молнія отъ искръ издаваемыхъ подковами отъ ударенія объ камни на небѣ находящіеся, и такъ далѣе.

Правленіе міра и судебъ человѣческихъ раздѣлено отъ Высочайшаго Существа между многими *божками*, которые правда ему подвластны, однакожъ по большой части поступаютъ своевольно: по чему благоволеніе ихъ необходимо людямъ нужно. Воображенія ихъ о божкахъ перепутаны, прекословны, а отъ части и безтолковы. Разные народы чтутъ и разныя божества, и приписываютъ имъ такъ же различныя соучаствованія и упражненія. Когда сообразить по возможности ихъ понятія, то выходитъ слѣдующее. Божки вообще добрые и злые, то есть благодѣтельствуютъ или противуборствуютъ людямъ. Понятія о существенности и качествахъ сихъ божковъ грубы, тѣлесны, и нерѣдко совсемъ нелѣпы. Они перемѣшиваютъ такъ же многократно имена и дѣйствія добрыхъ и злыхъ божковъ.

Всякое доброе божество имѣетъ по одному или по нѣскольку дѣлъ въ правленіи міра. Они охотно благодѣтельствуютъ, часто бываютъ пристрастны, будучи оскорблены наказываютъ, поступаютъ по своевольству своему жестоко, и при томъ мстительны. Всѣ *качества божіи* претворяютъ они въ лица, причисляютъ ихъ къ мужескому и женскому полу, но не думаютъ, какъ Финскіе язычники, чтобъ они вступали между собою въ бракъ. Всѣ небесныя и страшныя или знатныя земныя тѣла и естественныя явленія, отъ коихъ происходитъ имъ добро или зло, суть божества, коихъ они поимянно чтутъ: солнце, луна, звѣзды, облака, радуга, громъ, буря, огонь, вода, земля, знатныя горы и рѣки. Иные почитаютъ горы и воду токмо жилищами божковъ, а огонь жертвою. Тунгузы, содержащіе законъ свой и отправляющіе по оному идолослуженіе съ великою ревностію, имѣютъ обще съ нѣкоторыми другими народами и бога здравія, звѣринаго промыслу, путешествій, женъ и женскихъ припадковъ и добродѣтелей, дѣтей, оленей и многихъ другихъ.

Соборъ *неприязненныхъ божковъ* или *бѣсовъ* не меньше великъ. Они вѣруютъ въ одного *верьховнаго Сатану* и обладателя прочихъ, и называютъ его по большой части *Шайтаномъ*, Тунгузы *Бучомъ*, Буряты *Окодиломъ*, Камчадалы *Канною*, и проч. Но все-

общемъ божествѣ онъ наисильнѣйшій. Въ немъ ни на волосъ нѣтъ ни чего добраго: однакожъ онъ можетъ быть укрощаемъ и удостоиваетъ Шамановъ своего благоволенія. *Сатаны нижшаго степени* или злые духи раздѣляются на чиненіе зла и споспѣшествованіе всякимъ нещастіямъ. Подъ Сатанами разумѣютъ они отъ части обращенныя въ лица наказанія Божіи, а отъ части и самое нещастіе и зло въ свѣтѣ приключающееся, которое воображаютъ они себѣ самосуществующимъ, и называютъ оное великимъ множествомъ именъ: но все при томъ перемѣшиваютъ и запутываютъ. *Сатаны живутъ* по ихъ мнѣнію въ водѣ, въ преисподней, въ огнедышущихъ горахъ и въ лѣсахъ: по чему и есть у нихъ *русалки, земные бѣсы, горные духи, лѣшіе, богъ насѣкомыхъ*, и многіе другіе.

Кромѣ сихъ *чтутъ* они покойныхъ *родоначальниковъ, богатырей* и всѣхъ *Шамановъ* и *Шаманокъ*, яко *полубожковъ* или святыхъ, коихъ боги при правленіи міра употребляютъ такъ, какъ совѣтниковъ или помощниковъ, которые имѣютъ свѣденіе о преисподней, умѣютъ призывать духовъ, и могутъ подавать помощь и надѣлять щастіемъ. Безчисленное же множество сихъ святыхъ причиною тому, что они ихъ смѣшиваютъ съ божками и сатанами, и моленія свои возсылаютъ совсемъ не къ тѣмъ лицамъ, къ какимъ бы надлежало. Живущіе по близости Россіянъ, приписываютъ благосостояніе ихъ св. Николаю, почитаемому Грекороссійскою церковью, и по тому молятъ его и о своемъ благополучіи. Божки и святые, по ихъ мнѣнію, живутъ по примѣру людей, токмо великолѣпнѣе и удовлетворяютъ нуждамъ своимъ то однею волею, то трудами. Когда мѣсто жилища своего перемѣняютъ, то или пѣшкомъ идутъ или ѣдутъ верькомъ либо въ повозкахъ. Камчадалы думаютъ, что богъ ихъ *Туй* ѣздитъ на шестернѣ преизрядныхъ собакъ, которыя, естли встрепенутся, причиняютъ землетрясеніе; когда во время грозы идетъ дождь, то громовой ихъ богъ *Белута* изпускаетъ свою мочу. Шалаши, которые богатые скотомъ Буряты строятъ въ степяхъ для покрова божкамъ, и выгонъ лошадей на паству у многихъ скотоводствующихъ народовъ, о коихъ буду говорить послѣ, относятся къ симъ понятіямъ. Нѣкоторые вѣрятъ такъ же, что божки ихъ, въ утоленіе голода, производятъ звѣриной промыселъ, ловятъ рыбу, вырываютъ коренье, и такъ далѣе, не упоминая о многихъ другихъ ихъ безуміяхъ.

Божки являются Шаманамъ, по ихъ мнѣнію, наибольше въ видѣ медвѣдей, змѣй и совъ: по чему они и воздаютъ животнымъ симъ честь. *Пихта*, нѣкоторый родъ *полыню*, который у Качинцовъ и другихъ народовъ называется Ирвенемъ, особая трава на Камчаткѣ, и иныя растѣнія у разныхъ народовъ посвящены божкамъ и почитаются любимымъ ихъ куревомъ: по чему идолы и жертвы оными украшаются, поганыя вещи окуриваются, и проч. Нечистыми и въ жертву негодными почитаются свиньи, лягушки, насѣкомые и черви.

Воображеніе ихъ *о мірѣ* пресѣкается по большой части на ихъ пустыняхъ. Сложеніе міра почитаютъ они безконечнымъ, а о состояніи людей и звѣрей думаютъ, что они по смерти будутъ жить такъ же, какъ и нынѣ: по чему говорятъ съ медвѣжьими, китовыми и другими стервами такъ, какъ съ живыми людьми.

Живой *человѣкъ состоитъ изъ тѣла и жизненности* или души. Онъ поступаетъ произвольно; успѣхъ, щастіе и неблагополучіе зависятъ отъ боговъ, бѣсовъ и дѣйствій другихъ людей: по чему иные гнѣва боговъ боятся, а другіе ни чего не уважаютъ. Боги любятъ и награждаютъ оказываемое имъ почтеніе, также честность и человѣколюбіе; ненавидятъ же и наказуютъ нечестіе, плутовство и жестокость. Въ другихъ обстоятельствахъ не скоро человѣкъ, по ихъ мнѣнію, согрѣшить можетъ. Боги не заботятся о томъ, лѣнивъ ли человѣкъ или прилѣженъ, съ своею ли или съ чужою спитъ женою, много или мало ѣстъ и пьетъ, украденною или самимъ имъ убитою дичиною питается, и такъ далѣе. Сатаны вредятъ людямъ во всякомъ дѣлѣ: по чему и должно ихъ отвращать отъ себя посредствомъ Шамановъ, жертвами, подарками, ласковыми словами, угрозами и сему подобнымъ. *Благополучіе* состоитъ въ здоровьѣ, изобиліи скота и дѣтей, прибыточномъ звѣриномъ промыслѣ, рыбной ловлѣ и плотоугодіи: *нещастіе* же въ противномъ вышеписанному, а особливо въ смерти.

Всѣ Шаманскіе язычники крѣпко увѣрены въ томъ, что и послѣ смерти будутъ жить: но жизнь сію воображаютъ они себѣ бѣдною и печальною; и по тому смерть кажется имъ по большой части мерзостнѣе и страшнѣе всего, и они ее больше всего опасаются и убѣгаютъ. И самые покойники ихъ ужасаютъ. Они боятся ихъ возвращенія и явленій; по чему многіе идучи обратно съ похоронъ, стараются разными суевѣрными кривленіями лица отвратить смерть и покойника отъ послѣдованія за ними. Они

скачутъ черезъ огонь, лазятъ промежъ жердей, при чемъ Шаманъ угрожаетъ смерти жезломъ, дабы ее тѣмъ воздержать; по томъ окуриваютъ себя и хижины, либо покидаютъ оныя, и боясь воспоминанія умершихъ, ни когда ихъ по именамъ не называютъ; родственники же покойниковъ, дабы не называться тѣмъ именемъ, перемѣняютъ свое наименованіе къ немалому ущербу бытійственныхъ свѣденій. Кончину почитаютъ они превращеніемъ нынѣшней жизни въ подземную, подобную въ прочемъ нынѣшней: но больше считаютъ ее горестною и ни мало желанія недостойною. Тамъ живутъ одни только духи да души, которыя присвояютъ они и погребеннымъ вмѣстѣ съ покойниками животнымъ и вещамъ, и по тому почитаютъ ихъ полезными для умершихъ, хотя въ прочемъ они такъ же, какъ и покойники, истлѣваютъ. Въ преисподней владычествуютъ земные духи, старающіеся причинить умершимъ много зла: по чему Телеутскіе и Корякскіе Шаманы при похоронахъ ихъ заклинаютъ и секирными размахами удержать стараются; многіе же, а особливо въ отдаленнѣйшихъ пустыняхъ обитающіе ставятъ покойниковъ своихъ на дерева или оставляютъ ихъ для истлѣнія поверьхъ земли, либо и сожигаютъ, единственно для избѣжанія отъ земныхъ духовъ. Стада ихъ остаются на семъ свѣтѣ, а что дается покойникамъ при похоронахъ изъ платья, домашняго скарбу, оружія, и убитыхъ звѣрей, то служитъ имъ только на раззаводъ въ будущемъ подземномъ или преисподнемъ хозяйствѣ. Всякая скотина по окончаніи ея жизни явится въ преисподней точно такъ, какъ и ея хозяева: но она умираетъ исподоволь и доставшись другимъ хозяевамъ. Будутъ ли тамъ для звѣринаго промыслу и рыбной ловли такія угодьи, какія есть поверьхъ земли, весьма еще сомнительно; за мужьями послѣдуютъ туда устарѣлыя жены, и такъ далѣе. Обитающіе ближе къ Востоку Сибирскіе народы и островскіе жители почитаютъ *будущую жизнь исправленнымъ продолженіемъ нынѣшней,* и ожидаютъ тамъ сугубаго удовлетворенія своихъ прихотей, стадъ, пригожихъ цуговъ собакъ, удачныхъ звѣриныхъ промысловъ, проворныхъ бабъ или мужей, и всего того, что бываетъ здѣсь предметами ихъ желаній, хотя и никогда не исполняющихся. И по тому они смерти не страшатся, но еще и сами себя нерѣдко и съ великою холодностію духа оной предаютъ, поднимая сами на себя руки. Поелику Христіана чаютъ себѣ послѣ смерти царствія небеснаго безъ всѣхъ таковыхъ благостей, то сожалѣютъ они объ нихъ и ра-

дуются своему блаженству. *Шаманы* умираютъ по большой части великодушно. По елику они при жизни упражняются въ умилостивленіи боговъ и злыхъ духовъ, почитаютъ свои волшебства за нужныя, и причисляются по смерти къ святымъ, имѣющимъ участіе въ судьбахъ живыхъ людей и приносимыхъ ими жертвахъ; то ожидаютъ себѣ впредь благой участи. Для избѣжанія искушеній земныхъ духовъ и для собственнаго своего очищенія, приказываютъ по большой части тѣла свои по смерти сожигать.

Всѣ Шаманскіе язычники стараются снискать себѣ благоволеніе боговъ и ихъ умилостивить идолами, моленіями и жертвами: большая ихъ половина считаетъ дѣло сіе толь важнымъ, что нынѣшнее свое уничиженіе, а отъ части и бѣдность, приписываютъ нераченію своихъ прародителей о ихъ служеніи.

Идолы, которые по понятіямъ разумнѣйшихъ суть подобія божковъ, а по мнѣніямъ глупыхъ самые божки, дѣлаются по большой части Шаманами изъ странныхъ отростковъ деревъ и изъ каменныхъ отломковъ, которые покажутся подобными нѣсколько человѣческому виду. Не рѣдко и цѣлыя каменныя горы, ради необыкновеннаго ихъ вида, почитаются идолами, какъ н. п. Шаманская гора въ Восточной сторонѣ отъ Байкала, и другія. Дѣлаемые идолы бываютъ и большіе и малые, рѣзные, набивные или страннаго вида куклы. *Деревянные кукольные идолы*, которые у Тунгузъ *Шовоками* у Камчадалъ *Камулами*, у Бурятъ *Онгонами* называются, длиною бываютъ въ пядень и больше, и одѣваются по примѣру Шамановъ. У нѣкоторыхъ покрываютъ лицо красною листовою мѣдью. Бурятской *божокъ боргды* (Имегильшинъ) такова́я же кукла, окруженная кольцомъ, шириною въ два пальца, изъ ракитнику, на подобіе бубеннаго обода. Курильцы составляютъ идоловъ своихъ изъ щепокъ нарочито красиво. *Сутельные* или *набивные идолы* употребляются у Якутъ, Чулымцовъ, Телеутъ, Алтайскихъ Татаръ и у другихъ. Чулымцы называютъ ихъ *Шайтанами*; Телеуты же дѣлаютъ и поменѣе, длиною дюймовъ въ 8, шириною въ половину тюфячекъ, съ одного конца расписанный по подобію человѣческаго лица, въ мѣсто же глазъ вставлены бисеры или дробинки; въ прочемъ они украшаютъ ихъ совиными перьями и называютъ *Салусами*. Бурятской *баранковой идолъ* есть не иное что, какъ шкурка съ барашка съ ногами и хвостомъ; а лицо рѣзное человѣческое. *Жестяные идолы* въ употребленіи у всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ; они привѣшиваютъ-

ся больше къ Шаманскому платью, къ барабанамъ, колыбелямъ и прочему. Они вырѣзаны изъ жести и кое какъ изображаютъ людей, медвѣдей, оленей, птицъ, рыбъ, змѣй, звѣздъ и стихіи. Человѣческое лицо значитъ солнце, полукругъ луну, суденышко воду, треугольникъ огонь, решетка землю и такъ далѣе. *Войлошные идолы*, или куклы изъ войлока вырѣзанныя, длиною въ пядень, въ употребленіи у Брятъ и Якутъ. Бурятской *Ирескинъ* есть не иное что, какъ подобная гребню, часто надрѣзанная кожа, въ длину и въ ширину на пядень; ремешки ея представляютъ цѣлой соборъ божковъ. *Малеванные идолы*, называемые у Бурятъ *Ногатами*, и употребляемые многими народами, суть начертанія нагихъ людей, выводимыя кровью изъ сердца приносимой въ жертву твари, или и краснымъ карандашомъ; длиною они въ пядень; въ мѣсто глазъ вставлены дробинки или бисеръ, а голова украшена совиными перьями.

Камчадалы ставятъ въ пустыняхъ своихъ небольшіе столбы, которые обвиваютъ особою травою и почитаютъ ихъ божественными. Они дѣлаютъ также изъ разныхъ травъ чучелы подобныя волкамъ, и ставятъ ихъ въ хижинахъ своихъ какъ будто идоловъ; чучелы сіи называются у нихъ *Хайту*. *Чилгилканъ* лѣсныхъ Тунгузъ не другое что, какъ небольшія вороты изъ ельнику, въ коихъ вѣшаются принесенныя въ жертву птицы. *Дой* ихъ есть стоячій крестъ съ распятою птицею. Сдѣланное по подобію человѣческому чучело изъ ельнику называютъ они *Боге*. *Тисъ* Качинской есть подобная вилкѣ тычина, промежъ зубцовъ которой вѣшаютъ лисью голову или двухъ рѣзныхъ птицъ Легко можно разсудить, что всѣ сіи святости при недостаткѣ вкуса, искуства и ремесленной снасти, весьма неуклюжи, безобразны, отъ части не примѣтны, и не годятся ниже дѣтямъ нашимъ игрушкою.

По елику идолопоклонники при всякомъ почти жертвоприношеніи получаютъ новаго идола, то въ иной юртѣ великое ихъ множество. Телеуты ставятъ всѣхъ идоловъ вмѣстѣ въ одномъ углу избы; у Бурятъ виситъ въ юртѣ на лѣвой сторонѣ, а въ лѣтнее время передъ юртою на столбѣ, мѣшокъ съ идолами; Тунгузы вѣшаютъ ихъ на распорѣ, состоящемъ изъ трехъ колышковъ (Шонанъ); Качинской *Тисъ* ставится на кровлѣ; идоламъ и божкамъ Бурятскихъ стадъ или табуновъ строятся хижины (Обо) на горахъ; нѣкоторыхъ идоловъ кладутъ они въ ящички, и проч.

У идоловъ висятъ всегда шкурки съ ласточекъ, горностаевъ, и другихъ зверковъ, также кости принесенныхъ въ жертву животныхъ, пучки волосу отъ священныхъ коней, и другія небольшія жертвы. Почти всѣ язычники воздаютъ идоламъ своимъ почтеніе, покланяются имъ, творя при томъ молитву, берутъ ихъ съ собою, когда идутъ на звѣриной промыселъ, питаютъ или мажутъ ихъ кровью и жиромъ, окуриваютъ ихъ саломъ, мясомъ, кровью, ельникомъ, ирвенемъ и проч. Другіе, когда имъ что не пощастливится, ругаютъ ихъ, попрекаютъ почестями, какія имъ воздаются, бросаютъ ихъ объ землю или въ воду, а иногда и колотятъ.

Моленія божкамъ и идоламъ приносятся обще и торжественно, либо и особенно въ каждой хижинѣ. Когда молятся съ пустыми руками, то не надѣются много себѣ добра получить: и по тому торжественныя мольбы приносятъ съ жертвами. Всѣ Шаманскіе язычники празднуютъ въ году три *праздника*, а именно: *вешній*, *лѣтній* и *осенній*. Вешній праздникъ есть новый ихъ годъ, и они жертвуютъ въ сіе время первую траву и первенцовъ отъ скота, а особливо молоко, и просятъ при томъ о низпосланіи на весь годъ благословенія. Лѣтній или осенній праздникъ не вездѣ празднуется ежегодно: однакожъ располагается всегда такъ, что бы всякому можно было ежегодно имѣть въономъ участіе.

Въ *жертву* или пищу божкамъ годятся, выключая свиней, всякіе звѣри, рыба, птицы, мягкая рухлядь, черепы, кровь, жиръ и сало, волосъ, рога, молоко, твarогъ и сыръ, подожженой хлѣбъ (Курмачь), пиво, вино, матеріи, деньги и почти все вообще. Восточные Сибиряки приносятъ въ жертву и собакъ. *Пихтовыя* вѣтви жертвуютъ особливо горамъ и водамъ.

Обряды торжественнаго богослуженія не только у разныхъ народовъ, но отъ части и у частныхъ Шамановъ, нѣсколько отмѣнны. Но у всѣхъ главная важность состоитъ въ сущихъ моленіяхъ къ добрымъ богамъ возсылаемыхъ, въ жертвахъ, и въ похожихъ на волшебство заклинаніяхъ бѣсовъ и колдовствахъ. Нѣкоторые Шаманы дѣлаютъ сіе особенно, другіе всѣ вмѣстѣ, и приносятъ жертвы свои совокупно какъ для умилостивленія боговъ, такъ и для укрощенія бѣсовъ.

Когда *Телеуты* празднуютъ *вешній* свой *праздникъ*, то міряне обоихъ половъ, прибравшись чистенько, собираются въ полѣ око-

ло Кама, который бьетъ въ бубенъ, по томъ молится, и въ продолженіе молитвы брызгаетъ молоко и пиво, и посыпаетъ Курмачъ; послѣ чего ѣстъ самъ нѣсколько отъ онаго и надѣляетъ по немногу мірянъ, которые ѣдятъ даръ его съ благоговѣніемъ. Напослѣдокъ бросаетъ онъ молошную чашу прочь, и по паденію ея судитъ, какова показалась богамъ жертва: ежели чаша упадетъ стоймя, то почитаетъ жертву угодною, а ежели опрокинется, неугодною. Праздникъ сей оканчивается веселымъ разпиваньемъ остальнаго пива и молока. У *Качинцовъ* разводитъ *Камме* для вешняго праздника (Урысъ) на рѣчномъ берегу или на казистомъ высокомъ мѣстѣ огонь, приноситъ моленіе повертывая небольшой значекъ, и брыжжетъ по немногу кислаго молока къ солнцу, лунѣ, рѣкамъ и горамъ ихъ области, а на конецъ то же самое дѣлаетъ и на долю Сатаны. Остаткомъ освященнаго молока кропитъ всякъ въ своей юртѣ все; а что за тѣмъ останется, выпиваютъ обще. У *Якутъ* приноситъ Аюнъ въ жертву перваго удою молоко во всякой юртѣ, творя при томъ молитву и повертывая небольшимъ значкомъ или конскимъ хвостомъ. Онъ называетъ всѣхъ божковъ, бѣсовъ и святыхъ, выплескиваетъ при всякомъ имени одну ложку молока на воздухъ, въ томъ мнѣніи, чтобы ихъ онымъ попотчивать: сіе дѣлаетъ онъ троекратно. Изъ остальнаго въ чашѣ молока беретъ онъ одинъ глотокъ; всѣмъ же собравшимся мірянамъ, которые отъ части стоятъ на колѣняхъ, подноситъ онаго же молока мальчикъ. Паденіе брошенной ложки изъясняетъ имъ мнѣнія божковъ. *Тунгузы* и *Буряты* празднуютъ вешній свой праздникъ какъ и Телеуты, съ тою только разностію, что оба сіи народы, сверьхъ молока, приносятъ еще въ жертву и свѣжую траву. То же дѣлаютъ и прочіе народы съ небольшою токмо отмѣною.

Осенній праздникъ бываетъ у *Телеутъ* въ Октябрѣ. Жители деревни приносятъ всемъ міромъ на выборномъ жертвенномъ мѣстѣ (Таутга) молодую лошадь въ жертву. Міряне становятся кругомъ около мѣста, на которомъ сдѣланъ жертвенной срубъ или жертвенникъ (Ташкатъ) изъ столбовъ и хворосту. Камъ барабанитъ и молится; послѣ чего убиваютъ лошадь и сдираютъ съ нее шкуру такъ, что копыта, голова и хвостъ остаются при кожѣ, обрѣзываютъ мясо около костей, варятъ вмѣстѣ съ нутренностію, и ставятъ богамъ на жертвенникъ, гдѣ оно и стоитъ до тѣхъ поръ, пока продолжается возобновляемое моленіе. Напослѣдокъ съѣдаютъ

сами жертвенное мясо, а шкуру вѣшаютъ на шестѣ головою къ Востоку; возлѣ же оной прицепляютъ на веревочкѣ заичьи шкурки и другія небольшія жертвы. Ближайшія деревни принимаютъ въ томъ участіе. *Буряты* приводятъ на жертвенное мѣсто для осенняго праздника (Санге Гаара т. е. бѣлый мѣсяцъ) лошадей, рогатой скотъ, овецъ и козъ. Тутъ приносятся у нихъ, какъ и у Телеутъ, въ жертву всѣ оныя животныя по порядку, и по томъ съѣдаются. Они убиваютъ таковыхъ животныхъ пораженіемъ въ грудь и исторженіемъ большой жилы. Молитвы свои обращаютъ они къ тряпичнымъ идоламъ (Нугитъ и Ногатъ), которыхъ прикрѣпляютъ къ небольшой палаткѣ. Они ставятъ также березовые кусты, и привѣшиваютъ къ нимъ тряпицы какъ будто значки, которыхъ движеніе почитаютъ они, по примѣру Ламайскихъ язычниковъ, молитвами. Нечистоту изъ нутренности и все, чего не ѣдятъ, сожигаютъ, дабы собакамъ ни что не досталось. Кожи жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ около ихъ костей, и разпяливаютъ ихъ на утвержденныхъ стоймя шестахъ: послѣ чего, пока стоятъ, дѣлаютъ имъ всегда, когда бы ни увидѣли, поклоны. При семъ случаѣ освящаютъ они и вожжи для привязыванія жеребенковъ и телятъ: они привѣшиваютъ ихъ въ таковомъ намѣреніи къ разтянутому канату, къ коему прикрѣпляютъ совиныя перья и молитвенные значки. *Якутскіе* и другихъ народовъ праздники симъ подобны.

Случайныя жертвоприношенія болѣе отмѣнны. О питаніи и окуриваніи идоловъ сказано уже выше. *Курильцы* послѣ всякаго звѣринаго промысла приносятъ въ жертву шкуру съ первоубитаго звѣря и вѣшаютъ ее передъ юртою. *Камчадалы* при нещастіяхъ кидаютъ въ огонь по нѣскольку кусковъ рыбы. *Коряки* взоткнувъ собачью или оленью голову на колъ, обращаютъ оную къ рѣкѣ или огнедышущей горѣ, и творятъ у оной при стукѣ въ волшебные барабаны молитвы. *Телеуты* въ случаѣ домашнихъ нуждъ приносятъ въ жертву зайца, котораго шкуру съ головою и ногами вѣшаютъ передъ дверьми на березкѣ и часто оной покланяются. Обыкновенныя домашнія жертвы состоятъ вообще въ шкурахъ съ ласточекъ и малыхъ животныхъ. При великихъ заботахъ приносятъ въ жертву и большихъ животныхъ съ вышеописанными праздничными обрядами, и разпяливаютъ кожи передъ хижинами; по чему около иныхъ точно такъ, какъ на живодерныхъ мѣстахъ. Въ путешествіяхъ *приносятъ въ жертву горамъ* и *рѣкамъ*, черезъ

которыя переправляются, больше ельникъ, нѣсколько кусковъ мяса, рыбы или сыръ, пучки волосъ изъ конской гривы, небольшія кожи, шубные и суконные лоскуты, и проч. Принесенное въ жертву горѣ вѣшаютъ на вершинѣ на дерево, которое *Тунгузы* называютъ *Малакитомъ*. *Огню* при всякомъ случаѣ приносятъ такія же малыя жертвы, равно сало или кровь, которую въ огонь бросаютъ. У *покойниковъ* приносятъ въ жертву обыкновенно большую живошину, какъ ихъ приданое, дабы души ихъ могли пользоваться духами животныхъ; то же самое дѣлаютъ они обыкновенно и на нѣкоторыхъ поминкахъ, при чемъ многіе кожи принесенныхъ въ жертву животныхъ развѣшиваютъ.

Къ жертвамъ же принадлежитъ конечно и *посвященіе дворовой скотины*. Скотоводствующіе народы дѣлаютъ сіе въ томъ намѣреніи, дабы предохранить стада свои отъ бѣдъ или привлечь на оныя благословеніе и размноженіе. Въ первомъ случаѣ посвящаютъ они богамъ нѣкоторыхъ животныхъ, а особливо жеребцовъ и быковъ навсегда, въ послѣднемъ же и все стадо на одинъ или и на нѣсколько мѣсяцовъ. Они вѣрятъ, что боги звѣрей и животныхъ для охраненія ихъ отъ бѣдъ ѣздятъ ночью верьхомъ на посвященныхъ имъ скотинахъ; и при томъ утверждаютъ, что часто видятъ ихъ по утрамъ въ поту. Въ разсужденіи жеребцовъ исполняется ихъ намѣреніе, по тому что оные въ необузданномъ своемъ состояніи защищаютъ и непосвященныхъ кобылицъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ нѣгѣ становятся еще бодрѣе. На посвященную лошадь отнюдь не должно класть подержанаго сѣдла, не садиться на нее женьщинѣ, не продавать оной и не убивать. Хозяинъ посвященнаго богамъ стада можетъ свободно онымъ пользоваться, но не долженъ такъ же въ продолженіе того времени, на которое оно богамъ посвящено, ни чего ни убивать, ни продавать, ниже дарить.

Когда *Буряты посвящаютъ лошадь*, то не разбираютъ при томъ ни шерсти, ни роду. Шаманъ приноситъ въ жертву у огня по немногу молока, сыру или творогу, и молошное вино. Посвящаемую богамъ лошадь окачиваетъ онъ молокомъ. Онъ молится повертывая небольшимъ значкомъ, которой на огнѣ поджигаетъ и дымъ пускаетъ лошади въ ноздри. По немногу волосу изъ гривы и хвоста кидаетъ въ южную сторону и привязываетъ къ гривѣ красной лоскутъ. Напослѣдокъ ставитъ онъ лошади на спину молошную чашу и пускаетъ ее въ степь. По паденію чаши узнаетъ онъ,

угодна ли или противна богамъ сія живая жертва. *Степные Тунгузы* поступаютъ съ своими божьими лошадьми (Ганганъ) совершенно сходно, а *Телеуты* со своими (Іекъ) почти такъ же. *Качинцы* окуриваютъ при семъ случаѣ животныхъ ирвенемъ.

При праздничныхъ и другихъ *моленіяхъ* оказываютъ къ божкамъ страхъ, а отъ части и благоговѣніе. Всѣ ихъ *молитвы* отрывисты, и у простаго человѣка состоятъ единственно во вздохахъ относящихся къ его нуждамъ и желаніямъ. Творя молитвы становятся лицомъ къ солнцу, горамъ, рѣкамъ, идоламъ или къ поставленнымъ жертвамъ. Моленія свои обращаютъ они прямо къ извѣстнымъ имъ именно божествамъ, сатанамъ и святымъ совокупно, отъ части черезъ перебивку ихъ именъ, а отъ части и умышленно, или и всѣхъ вмѣстѣ призываютъ. На примѣръ: *Богъ*, имя рекъ, *или боги и святые! надѣлите меня* или моихъ домоводцовъ *здоровьемъ*, *размноженіемъ скота*, *удачнымъ звѣринымъ промысломъ*, и проч. Когда приносятъ жертву, то просятъ о воздаяніи. *Боги!* и проч. *жертву сію приношу вамъ!* или питаю васъ оною; *надѣлите и вы меня взаимно дѣтьми, скотомъ, долгоденствіемъ, отвратите смерть отъ моей жены, дѣтей, меня* и проч. Смертныхъ страховъ сіи холоднокровные простаки ни какъ сносить не могутъ, и для отвращенія смерти готовы все сдѣлать. Боговъ укоряютъ, поламывая у себя руки, а иногда и безчинно: *чемъ я васъ огорчилъ, боги! сатаны!* (Шайтаны) *святые! что вы меня съ земли похищаете? въ чемъ согрѣшилъ мой мужъ, жена, дитя, приятель* и проч. *что вы его умерщвляете, что предаете ихъ богамъ преисподней* и проч. Въ случаѣ же нещастій ропщутъ такъ: *въ чемъ я провинился, что скотину мою терзаютъ хищные звѣри, что стрѣлы мои не поражаютъ звѣрей.* Шаманы имѣютъ нѣкоторыя при жертвоприношеніи и въ праздники читаемыя порядочныя молитвы, которыя они единственно по обстоятельствамъ перемѣняютъ. Они содержатъ въ себѣ призыванія боговъ и святыхъ, также заклинанія, угрозы и обѣты сатанамъ: при чемъ однакожъ перепутываютъ они имена, понятія и самыя дѣла. Главнѣйшая н. п. Телеутская молитва гласитъ въ переводѣ такъ: *Боже! Царю неба* (Кудай Кайра Камъ)! *воззри на нашу жертву! соблюди Императрицу! даруй намъ здравіе, долгоденствіе, дѣтей, скотъ, хлѣбъ и щастіе.* Молитвы *Шаманскія* у *Тунгузъ*, *Бурятъ*, и проч. походятъ на наши ектеніи. Молитвы свои они выпѣваютъ, называютъ поимянно одно божество за другимъ, и просятъ у каждаго того,

что отъ него зависитъ, какъ на примѣръ у солнца ведра, у бога женъ дѣтей, у бога звѣрей дичины, и такъ далѣе, а у святыхъ или умершихъ Шамановъ предстательства. И они перемѣшиваютъ многократно боговъ, бѣсовъ, святыхъ, могущество ихъ и дѣла. Шаманы пробивъ въ барабанъ, чемъ думаютъ они возбудить въ богахъ и проч. вниманіе и ихъ созвать вмѣстѣ, поютъ у жертвеннаго огня слѣдующее: *Боже! даруй здравіе! не попусти звѣрямъ меня разтерзать, предохрани меня отъ паденія съ горы, отъ потопленія въ водѣ! надѣли дѣтями, скотомъ, дичью, рыбами!* (и другими надобностями, которыя у всѣхъ въ разсужденіи простаго и единообразнаго житія почти одинаковы). *Мы приносимъ тебѣ въ жертву оленя, птицу, рысу, поставляемъ тебѣ идола* и проч. Міряне провозглашаютъ на всякомъ отрывѣ рѣчи поперемѣнно: *услыши!* (Го!) *услыши насъ!* (Гегеа!) *помоги! умилосердись!* что они часто по два и по три раза восклицаютъ. Шаманы называютъ напослѣдокъ только боговъ и святыхъ поимянно, и не прерываютъ возглашенія народа: услыши, умилосердись, пособи!

Похожія на волшебство дѣла идолослужителей, которыя предпринимаютъ они собственно для укрощенія идоловъ, и почитая ихъ не меньше нужными, какъ и приносимыя богамъ и святымъ моленія непосредственно производятъ ихъ послѣ молитвъ, столь безтолковы, а отъ части и толь явно на обманѣ основаны, что отнюдь не достойны той поноровки и сожалѣнія, какихъ могутъ требовать сіи язычники, при добромъ намѣреніи своего богослуженія руководствуемые незнающихъ и заблуждающихся священнослужителей нелѣпыми преданіями и собственными своими чувствами и нуждами. Поступки идолослужителей съ бѣсами глупы, безтолковы, противны здравому разсудку, обаятельны, презрѣнія и сожалѣнія достойны.

Сколь ни мало связи между обаяніями Шамановъ и волшебниковъ: однакожъ, при точнѣйшемъ разсматриваніи оныхъ оказывается, что всѣ они одинакую имѣютъ цѣль. Шаманское суевѣріе присвояетъ бѣсамъ великое могущество и власть въ естественныхъ явленіяхъ и судьбахъ человѣческихъ, распускаетъ злыхъ духовъ по всему свѣту, и присвояетъ имъ способность, наблюдать все и роду человѣческому вредить. Священнослужители и волшебники хвастаютъ, будто они имѣютъ знакомство съ духами, будто обходятся съ діаволами по дружески, будто имѣютъ

надъ ними власть и знаютъ средство ихъ выспрашивать, усмирять, а иногда и получать чрезъ нихъ добро. Они разговариваютъ съ ними посредствомъ бубна. Отъ вѣрныхъ имъ злыхъ духовъ узнаютъ они причины благоволенія, гнѣва и ненависти боговъ, способы къ ихъ умилостивленію, знаніе прошедшихъ и будущихъ судебъ; получаютъ также черезъ нихъ извѣстія изъ дальнихъ мѣстъ, могущество въ щастіи и нещастіи дѣлать великія перемѣны, дарованіе толковать сны, предсказывать, и такъ далѣе. Шаманское язычество, а еще больше почтеніе къ священнослужителямъ, утверждаются на семъ заблужденіи: и по тому сіи послѣдніе какъ неистовые обаятели, а отъ части какъ обманутые бродяги, почитающіе самое существо дѣла истиннымъ, ревностно его подкрѣпляютъ; отъ чего произходитъ въ обрядахъ волшебства нарочитая, однакожъ не весьма важная, разность.

Подробное описаніе разныхъ волшебныхъ и *заклинательныхъ хитростей* по причинѣ очевиднаго дурачества и сходственности возбудило бы во многихъ негодованіе, и для того предложу здѣсь вкратцѣ токмо то, что поважнѣе. Когда Шаманы, Камы, Хамы, и иные священнослужители, хотятъ узнать о чемъ нибудь прошедшемъ или будущемъ отъ Шайтановъ, Бунисовъ, Окодилловъ и всего преисподняго собора духовъ, также освѣдомиться о своихъ и постороннихъ судьбахъ навѣдаться о причинахъ болѣзней и нещастій, вступить въ переговоры съ огорченными богами, или укротить и заклясть бѣсовъ; то производятъ, предпріявъ таковое дѣло, свойственныя сумасшедшимъ шалости, и кажутся отъ части свирѣпѣющими. Надѣвъ на себя Шаманское платье и разведши огонь, курятъ обыкновенно съ ужасомъ табакъ, часто вздрогиваютъ, и напослѣдокъ встаютъ для созыванія злыхъ духовъ посредствомъ біенія въ волшебной бубенъ. Они дѣлаютъ при томъ крайне странные скачки около огня и черезъ оной, кривятъ ротъ, размахиваютъ руками, кричатъ и ревутъ безтолковщину, и зовутъ духовъ поимянно; видѣть и слушать все сіе въ темнотѣ при глухомъ стукѣ въ барабанъ и бренчаньѣ навѣшанныхъ на Шаманское платье вещей, страшно. Спустя съ полчаса притворяются они какъ будто бы явились уже бѣсы, и какъ будто бы они съ ними сражаются. Они спрашиваютъ, грозятъ, просятъ, обѣщаютъ, наказываютъ имъ кое что, и такъ далѣе. Когда хотятъ узнать ихъ отвѣтъ, то бросаютъ въ верьхъ барабанную колотушку, или иное что изъ вещей, ношенныхъ тѣмъ, до кого отвѣтъ касаться бу-

детъ, на примѣръ шапку и проч. какъ будто бы съ паденіемъ таковой вещи получается и отвѣтъ, и по томъ всовываютъ голову въ бубенъ, слушаютъ со вниманіемъ, дрожатъ, встрепетываютъ и потѣютъ. Якутскіе, Чулымскіе и другіе Шаманы, предъявляютъ, будто при таковомъ волшебномъ дѣйствіи душа ихъ разлучается съ тѣломъ. Разсказавъ предварительно нѣкоторыя безтолковыя выдумки, падаютъ замертво на земь, по тому, что будто душа отъ тѣла ихъ отлучается, посѣщаетъ преисподнихъ божковъ въ ихъ жилищахъ, горахъ, лѣсахъ, пропастяхъ и проч. и тамъ съ ними переговариваетъ. Души путешествуютъ туда на медвѣдяхъ, свиньяхъ, орлахъ и другихъ животныхъ. По томъ утверждаютъ всѣ, что видѣли злыхъ духовъ во образѣ медвѣдей, львовъ, совъ, орловъ, лебедей, жуковъ, пауковъ, и проч. какъ будто бы свѣтъ какой или тѣнь. *Отвѣты* даваемые ими, бываютъ, смотря по вопросамъ, прорицаніями, преисполненными въ прочемъ прикрасами и сомнѣніями; по чему почти всегда сбываются: часто болтаютъ они много и о состояніи отсутствующихъ или о будущей людей участи. Не льзя бы и ожидать отъ толико непросвѣщенныхъ людей столь замысловатыхъ толкованій, какія они подаютъ часто не думавши и не взявши хорошенько въ толкъ вопроса.

Кромѣ сего вышшаго волшебства есть у всѣхъ язычниковъ еще и простое колдовство, производимое священнослужителями, а иногда и простолюдимами, и сходное съ чародѣйствами Киргизскихъ мѣсяцесловщиковъ, Цыганъ и нашихъ карточныхъ и кофейныхъ предсказательницъ. *Красноярскіе волшебники* (Едачи) и многіе другіе бросаютъ въ огонь овечью лопатку, и узнаютъ по трещинамъ и пятнамъ, какія на ней окажутся, какъ будто бы на письмѣ, что было и будетъ съ каждымъ вопрошающимъ. *Тунгузскимъ* и другимъ предсказателямъ извиваніе пущенной стрѣлы или трясеніе натянутой тетивы служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы на удобопонятномъ языкѣ. *Телеутскіе*, *Заянскіе* и *Абинцскіе* мудрецы все уразумѣваютъ по тѣмъ изображеніямъ волшебнаго барабана, на которыя лягутъ сорокъ брошенныхъ въ верьхъ палочекъ. *Якутскіе* Аюны вручаютъ тому, кто хочетъ знать будущую свою судьбу, монету или перстень, и узнаютъ по томъ по рукѣ вѣрующаго все совершенно явственно. Для возбужденія *вѣтру*, привѣшиваютъ они пузырной камень какого ни есть животнаго вмѣстѣ съ палочкою и конскимъ волосомъ къ дереву, и говорятъ при томъ съ несомнѣнною надеждою: *я отрицаюсь отъ отца и отъ матери, дабы видѣть твою силу;* не упоминая о многихъ другихъ безуміяхъ.

При всей темнотѣ и нестройности Шаманскаго язычества, а особливо толкованія о богахъ, не льзя не признать въ немъ общихъ *понятій естественной вѣры*, и нѣкоторыхъ обрядовъ изъ *Моисеева* закона; жертвенные огни, жертвоприношенія и постановленія жертвъ, моленія, мнѣнія о оскверненіяхъ женъ чрезъ естественныя перемѣны, и много другаго, взято конечно изъ Іудейскаго Закона. Просвѣщенію ихъ противуборствуетъ во первыхъ то, что всѣ ихъ понятія относятся къ чувственнымъ предмѣтамъ, а во вторыхъ ихъ обстоятельства, и соотвѣтственное ихъ пустынямъ суровое, отъ части и бѣдное, житіе, которое совсемъ препятствуетъ обучать дѣтей и порядочно воспитывать. По разрушеніи же таковыхъ препятствій, можно бы сихъ, по большой части добрыхъ, народовъ, чуждающихся предразсужденій и ненависти относительно къ иновѣрцамъ, легко возбудить удобопонятными поученіями и добрыми примѣрами къ отверженію своихъ суемыслій и къ принятію основаннаго на благоразуміи Богослуженія.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.